№ 1377

БЫТІЕ

СЕРДЦА МОЕГО.

БЫТІЕ СЕРДЦА МОЕГО,

ИЛИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

КНЯЗЯ

ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА ДОЛГОРУКАГО.

Угоденъ — пусть меня читаютъ,
Противенъ — пусть въ огонь бросаютъ;
Трубы похвальной не ищу.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Театръ.

Комедіи: Дурыломъ, или выборъ въ Старшины;
Отчаяніе безъ печали, или такъ водится.
Опера: Любовное волшебство.

Стихотвореніе:
Пріятелю. Шутка за шутку.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1818.

Печатать позволяется съ представленіемъ 5 экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ для казенныхъ мѣстъ. СПБ. Мая 28 го дня 1818 года.
Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Тимковской.

Изданіе Императорскаго Московскаго Университета Коммиссіонера А. С. Ширяева.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв. № 1531

ДУРЫЛОМЪ,

ИЛИ

ВЫБОРЪ ВЪ СТАРШИНЫ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Печатана съ дозволенія Министерства
Полиціи
Іюля 31 го 1817 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДУРЫЛОМЪ, зажиточной Дворянинъ Задонской.
ПАВЛИНА, } его дочери.
СУСАННА, }
ЛЕСТИГОНЪ, старинной другъ дома.
РАДИНЪ, любовникъ Сусанны,
СУСЕКИНА, пріятельница ихъ дома.
ПЕЧАЛКИНЪ, молодой человѣкъ, знакомой въ домѣ.
ДИКСМАНЪ, эконом Редута.
СЛУГА.
ШВЕЙЦАРЪ.
ДВОРЯНИНЪ, безъ рѣчей.

Дѣйствіе на *Камѣ* въ домѣ и комнатѣ Г-на Дурылома.

ДѢЙСТВІЕ І.

ЯВЛЕНІЕ 1е.

Дурыломъ одинъ. (Онъ въ полу-сертукѣ, по домашнему, въ утреннемъ своемъ кабинетѣ)

О стѣны, въ коихъ я чрезъ разныя явленьи
Всю публику держу лѣтъ тридцать въ изумленьи!
Уже ли съ вами рокъ разстаться мнѣ велитъ,
И купчую на васъ Палата совершитъ? —
Уже ли городъ весь, любя мои тревоги,
Изъ вратъ своихъ мнѣ вонъ велитъ искать дороги? —
Имѣя на Дону помѣстья за собой,
На Каму привлеченъ нечаянной судьбой,
И новую найдя здѣсь родину изъ дѣтства,
Учился лишь одной наукѣ — раболѣпства,
Здѣсь выросъ, взялъ жену, и къ счастью какъ-то съ ней
Я прижилъ нѣсколько прекрасныхъ дочерей;
По нихъ сталъ всѣмъ знакомъ, по нихъ ко мнѣ ласкались,
И дружества со мной какъ счастья добивались;
Редутъ меня своимъ Директоромъ нарекъ;
Семнадцать лѣтъ въ немъ былъ я громкой человѣкъ;
Всѣхъ Членовъ имена, чины и лѣта знаю,
И каждому на вкусъ забавы снаряжаю: —
Но, ахъ! колико свѣтъ сталъ нынѣ развращенъ!
Въ невѣжествѣ умы, и духъ уничиженъ!
За всѣ мои труды, какихъ никто конечно
(Могу я самъ съ собой сказать чистосердечно),
Никто изъ равныхъ мнѣ бояръ не оказалъ,
Въ награду изъ Старшинъ изверженъ нынѣ сталъ;
И подлый экономъ — бездушна тварь Нѣмчурка,
Который ѣлъ мой хлѣбъ, моя возила бурка,
Кто? — Диксманъ на носу играетъ у меня!

Нѣтъ, нѣтъ, не потерплю. О Небо! о земля!
Поѣду, поскачу искать другаго края,
И лучше пусть меня сразитъ судьба лихая,
Чѣмъ долѣе еще такой позоръ терпѣть!
По дудочкѣ чужой не мнѣ плясать и пѣть.

ЯВЛЕНІЯ 2.

Дурыломъ и Диксманъ.

Дурыломъ. (Въ сторону)

О чертѣ молвь, онъ тутъ; но должно скрыть досаду;
Ему везетъ у насъ.

Диксманъ.

Прекрасную помаду
Съ стафетой получилъ сей часъ я изъ Москвы;
Мнѣ помнится, ее выписывали вы:
И такъ я поспѣшилъ съ нижайшимъ къ вамъ почтеньемъ
Обрадовать вашъ домъ такимъ увѣдомленьемъ.

Дурыломъ.

Помада? . . . . помню, . . . такъ. — Спасибо.
Что цѣна?

Диксманъ.

Червонный за горшокъ она заплачена.

Дурыломъ.

Червонный? — Не ужь ли? —

Диксманъ.

За то и ароматы!

Дурыломъ.

И выдохнутся вмигъ; а добрые дукаты. . . .

Диксманъ.

Не пахнутъ и легки, бѣгутъ какъ съ горъ вода,
Духи на головѣ бываютъ иногда
Замѣною тому, чего внутри природа
Не всякому дала.

Дурыломъ.

Пустое братецъ, — мода;
По модѣ живучи, вскружился цѣлой свѣтъ.
Жесминовъ ты найдешь вездѣ и духъ цвѣтъ:
У модницъ на груди, у франта на кафтанѣ,
И смѣшанъ съ табакомъ у старика въ карманѣ;
Не рѣдко я видалъ, сынъ, дочь, весь домъ въ дырахъ,
Отецъ какъ маковъ цвѣтъ, — а матушка въ духахъ.
Но дѣло не о томъ, — снеси горшки къ Павлинѣ.

Диксманъ.

Какъ кстати мой товаръ ко мнѣ подъѣхалъ нынѣ!
Сегодни всѣ въ редутъ съѣзжаются чины,
Обжорный тамъ обѣдъ — и выборъ въ Старшины.
Каштановъ безъ числа и устрицевъ наслали,
Не шуточной мнѣ пиръ въ собраньи заказали;
Какой съ Венгерскимъ кремъ, уха — хоть бы Царю!
Жена толчетъ миндаль, я пуншъ рояль варю;
А къ вечеру, дабы короновать забаву,
За рубль съ персоны дать взялся я балъ на славу.

Дурыломъ, (Въ сторону)

Нѣтъ мочи выносить надменности такой!
Ты развѣ членъ, чтобъ могъ дать праздникъ самъ собой? —
Мнѣ памятенъ Уставъ Дворянскаго Собранья,
Который утвержденъ съ публичнаго желанья,
Подписанъ въ 809 годѣ мной,
Понеже я тогда былъ первымъ Старшиной;
Правительствомъ самимъ онъ признанъ превосходнымъ.

Диксманъ. (Въ сторону)

Тогда и былъ хорошъ; а нынѣ сталъ негоднымъ.

Дурыломъ.

Ты дерзокъ не путемъ. — Параграфъ въ немъ одинъ,
Я помню, такъ гласитъ . . .

Диксманъ.

Вы спорить, господинъ;
Но скоро послѣ васъ Уставъ перемѣнился
И новый въ Клобѣ здѣсь порядокъ дѣлъ явился.

Дурыломъ.

Прошу сказать, какой? — Не вѣрю, быть не льзя!
Меня не оплетешь. — Иль ты забылъ, какъ я,
За то, что экономъ спалъ мертвымъ сномъ у печки
И въ пору не успѣлъ зажечь на балѣ свѣчки,
Велѣлъ ему въ сѣняхъ сто палокъ отсчитать,
Нѣмецкіе бока по Руски откатать.

Диксманъ.

Да то не Диксманъ былъ. — Задоритесь напрасно;
Досады вашей я причину вижу ясно:
Привыкнувъ столько лѣтъ Директоромъ все быть,
Вамъ тошно рядовымъ и годъ одинъ прожить.
Вить я не виноватъ, что велъ себя такъ худо
Вашъ прежній экономъ.

Дурыломъ.

Кто? — *Мовель*? — Это чудо!
Онъ былъ не безъ грѣха, конечно; но за то
Редуту такъ служить не смыслитъ здѣсь никто.

Диксманъ.

А я слыхалъ объ немъ во всѣхъ домахъ иное.

Дурыломъ.

А что бы напримѣръ слыхалъ объ немъ худое?

Диксманъ.

Извольте; — но прошу заранѣй не пѣнять,
Коль искренность моя васъ будетъ обижать. —
Я слышалъ, что за столъ платили всѣ безмѣрно,
А кушали всегда на балахъ очень скверно;
Что часто подавалъ изъ промзглыхъ онъ котлетъ,
Въ лампадномъ маслѣ всѣмъ плавучій винегретъ.

Дурыломъ.

Неправда! — Винегретъ былъ кусъ наипріятной,
Изъ разныхъ тонкихъ мясъ, и очень деликатной.

Диксманъ.

Я то передаю, что публика твердитъ.

Дурыломъ.

Она все мѣлетъ вздоръ, къ ней весь пропалъ кредитъ.
Что далѣе? —

Диксманъ.

Еще я слышалъ, будто смѣты
Великой стоили негодные паштеты;
Что будто Мовель вашъ на сальцѣ ихъ капалъ,
И вмѣсто куличковъ, мышиной хвостъ торчалъ.

Дурыломъ.

Ты вздоръ несешь. — Я самъ до пироговъ охотникъ;
А масло ставитъ къ вамъ и нынѣ мой же скотникъ:
Приспѣшниковъ такихъ, какіе у меня,
Со свѣчкой поискать.

Диксманъ.

Вамъ очень вѣрю я;
Но рта всѣмъ не зажмешь. — О винахъ всѣ толкуютъ,
И вспомня прежній Клобъ, до сихъ поръ негодуютъ,
Что въ нихъ всегда была смѣсь, порча, кислота,

Что даже по чинамъ проведена черта,
И слуги были такъ наметаны нахалы,
Когда вокругъ стола пойдутъ ходить бокалы,
Для первыхъ пяти классъ шампанское нальютъ,
А прочимъ лишь воды смородинной даютъ.

Дурыломъ.

Трещетка, замолчи! — Всѣ вины были славны;
Выписывалъ ихъ самъ, ручаюсь, что исправны.
А естьли по чинамъ не всѣмъ былъ равенъ пай,
Такъ что тутъ за бѣда? — Чинъ чина почитай.
Ты знать равенства братъ нанюхался въ Парижѣ;
Тамъ всякой самъ себя не чтетъ другаго ниже:
А здѣсь у насъ еще ведется въ людяхъ страхъ.
Поѣзди, посмотри; — во всѣхъ ты городахъ
Увидишь, что не всѣмъ Шампанское подносятъ,
Иные и медку съ поклонцами попросятъ.

Диксманъ.

Прекрасной аргументъ! — Когда манеръ такой,
Такъ стало быть у васъ чиновникъ небольшой
Могъ нюхать осетра, а ѣсть подъ хреномъ свинью?

Дурыломъ.

Напрасно, извини; — я самъ крошилъ ботвинью;
И этаго никто не скажетъ про меня,
Чтобъ ею обнести кого дозволилъ я.

Диксманъ.

Что хуже-то всего, — простите дерзновенье,
Вы знаете мое къ вамъ личное почтенье, —
Весь городъ говоритъ, что будто въ каждый балъ
Всѣ кремы, пироги, вашъ Мовель собиралъ,
Потомъ они къ вамъ въ домъ съ стола переѣзжали,
И тамъ на холодку въ подвалѣ почевали.
Конечно вамъ обманъ столь гнусной не знакомъ;
Но многіе изъ тѣхъ, которы въѣзжи въ домъ,
Увѣрить и меня по совѣсти хотѣли,
Что гости ваши сплошъ не безъ догадки ѣли

Тѣжъ кушанья у васъ на завтра клобна дня,
Которыя сняты съ редушнаго огня.

Дурыломъ.

Не городъ, нѣтъ не онъ, столь скаредно злословитъ;
Одинъ лишь твой языкъ повсюду пустошь ловитъ:
Но дерзости такой снести я не могу.

Диксманъ.

Что всѣ такъ говорятъ, по чести я не лгу.

Дурыломъ.

Съ двора долой, Диксманъ, въ немъ вѣкъ не попадайся.

Диксманъ.

Помаду какъ?

Дурыломъ.

И съ ней ты къ черту убирайся!

ЯВЛЕНIЕ 5.

Дурыломъ. (Одинъ)

Возможно ли снести такого мнѣ туза?
Столь дерзко обругать придти меня въ глаза!
Онъ щастливъ только тѣмъ, и отъ того я плачу,
Что въ Клобѣ ничего уже совсѣмъ не значу.
Но ктожъ таковъ Диксманъ? — Въ толпѣ простолюдинъ,
А я родился, былъ и буду Дворянинъ;
Задонскіе края, гдѣ все мое имѣнье,
Присягой подтвердятъ мое произхожденье:
Лишь только покажусь — во славѣ буду я!
Здѣсь кинули — а тамъ всѣ выберутъ меня.
Одно ли только здѣсь Дворянское Собранье?
Нѣтъ, нѣтъ, Диксманъ, твое отмстится поруганье!
Хоть въ городѣ я съ годъ шатаюся какъ тѣнь,
Но скоро, можетъ быть, придетъ твой черный день.

ЯВЛЕНІЕ 4е.

ПАВЛИНА, СУСАННА и ДУРЫЛОМЪ.

Павлина.

Bon jour papa.

Дурыломъ.

Я къ вамъ ужь заходилъ; вы спали.

Сусанна.

Проснувшися, сей часъ сюда мы побѣжали.

Дурыломъ.

Поздненько! — У прыгушъ за чѣмъ перенимашь
Ложишься по утру, а къ вечеру вставашь?

Сусанна. (Павлинѣ)

Поди, просись.

Павлина. (Сусаннѣ)

Je crains, онъ встрѣтилъ не умильно.

Сусанна.

Конечно что нибудь встревожило васъ сильно?

Дурыломъ.

Пустое, — ничего; мнѣ такъ не по себѣ.

Павлина. (Сусаннѣ)

Mauvais moment, ma soeur.

Сусанна. (Павлинѣ)

Пророчила тебѣ.

Павлина.

Я слышала, въ редутъ курьеръ привезъ помаду;
Какъ ради мы съ сестрой!

Дурыломъ.

И мнѣ какъ быть не раду.
Диксманъ мнѣ сей же часъ такъ нагло нагрубилъ,
Что я его съ двора по шеѣ проводилъ.

Сусанна. (Павлинѣ)

Прости твой балъ, ma soeur.

Павлина. (Сусаннѣ)

Какой guignon ужасной!

Дурыломъ.

Что скажете еще?

Сусанна.

Сегодни день прекрасной!

Дурыломъ.

Да только не для васъ, — на балѣ не бывать.
За стыдъ сочту туда дѣтей своихъ пускать,
Гдѣ Диксманъ экономъ забавы учреждаетъ
И Руское чрезъ то Дворянство унижаетъ; —
Тамъ дочери мои не будутъ никогда:
Честь первой мой законъ — я вамъ твердилъ всегда.

Павлина.

Позволите ли намъ хоть съѣздить отобѣдать
Къ Сусекиной?

Дурыломъ.

За чѣмъ?

Павлина.

Чтобъ новости развѣдать.

Дурыломъ.

Не кстати, — пустяки. — Вдова сира, бѣдна,
Какой у ней пріемъ? — Всегда живетъ одна,
Шатается пѣшкомъ въ хорошую погоду,
Въ ненастье подъ окномъ поетъ свою свободу;
Того гляди, сама тотчасъ явится здѣсь.

Павлина. (Сусаннѣ)

Ma souer, oui c'en est foit, пропалъ проэктъ
мой весь.

Дурыломъ.

Сусанна, что тебѣ Павлина тамъ бормочетъ?

Сусанна.

Боится вамъ сказать, прогнѣвать васъ не хочетъ.

Дурыломъ.

Да чтожъ таки, скажи?

Сусанна.

Мы слышали, что сталъ
Проѣздомъ возлѣ насъ какой-то Генералъ.

Павлина.

И отъ Сусекиной къ нему въ окно все видно.
Онъ молодъ и хорошъ.

Дурыломъ.

А вамъ, я чай, завидно!
Павлинушка, мой другъ, куда какъ ты проста!
Въ окошкѣ вѣкъ торчать — что тутъ за красота?

Павлина.

Быть можетъ, Генералъ къ окошку стулъ поставитъ
И на меня лорнетъ нечаянно направитъ.

Дурыломъ.

Ребенокъ! — У тебя все бабочки въ умѣ.
Иной и Генералъ, а чуть чуть не въ сумѣ.
Я сколько вамъ твердилъ, — но обѣ вы такъ вздорны, —
Въ мущинахъ хороши достоинства отборны.
Не ленты, не чины, ледунка, патронтажъ,
Все это мишура; а главной авантажъ
Имѣть всегда въ рукахъ, чтобъ прямо быть любезну,
Недвижимаго тьму и движимаго бездну.

Павлина.

Такихъ намъ жениховъ, рара, здѣсь не найтить.

Дурыломъ.

Такъ не за чѣмъ, друзья; къ Сусекиной ходить.
Пошлите-ка, добро, позвать ее къ обѣду;
Пускай поѣстъ у насъ: — я радъ всегда соседу.
Слуга (Входитъ)
Печалкинъ у воротъ; — прикажетель принять?

Дурыломъ.

Проси. — Ахти, никакъ его скончалась мать!

Сусанна.

Она ужь такъ давно сердечная хворала!

Павлина.

Сегодни умерла. — Ты развѣ не слыхала?

Дурыломъ.

Откуда, кто и какъ, я не пойму ей, ей,
Со всѣхъ базаровъ къ вамъ снесетъ такихъ вѣстей?
Воспитываю васъ, всѣ знаютъ, превосходно,
Учу и поступать и мыслить благородно;
А кончится всегда, какъ осмотрюсь, — увы!
Гдѣ сплетня? — У меня. — Кто въ сплетнѣ? —
Я, да вы.

Сусанна.

Мы слышимъ только то, что дѣвки намъ болтаютъ;
Когда они меня съ сестрами одѣваютъ.

Дурыломъ.

Какогожъ перенять съ холопами добра?
Подите; — мнѣ принять Печалкина пора.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Дурыломъ и Печалкинъ.

Дурыломъ.

А! здравствуйте. — Что вы?

Печалкинъ.

Я матушки лишился
Сегодни поутру, — и зная васъ, рѣшился
Пріѣхать попросить, чтобъ въ горести такой
На счетъ обрядовъ намъ совѣтъ вы дали свой.
И смѣюль все сказать, коль будетъ вамъ возможно,
Взять милостивый трудъ устроить все какъ должно!

Дурыломъ.

Всѣмъ сердцемъ жаль мнѣ васъ. — Съ покойной я знакомъ
Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, и очень въѣзжъ былъ въ домъ.

Печалкинъ.

Такъ, слышалъ я, сударь, отъ всѣхъ моихъ домашнихъ,
Что были вы одни въ числѣ друзей всегдашнихъ.

Дурыломъ.

Не думайте, чтобъ я похвастаться хотѣлъ;
Но нынѣ у меня своихъ такъ много дѣлъ,
Что право ни одной минуты нѣтъ свободной.
Вы знаете, что я по склонности природной
Не только что друзьямъ, чужимъ готовъ служить:
Мнѣ все равно, крестить, вѣнчать, иль хоронить,
Лишь только бы я могъ на что нибудь быть годенъ.

Печалкинъ.

Кто думаетъ какъ вы, тотъ прямо благороденъ; —
Мнѣ совѣстно въ глаза вамъ это говорить,
(Въ сторону)
Но вы у насъ фениксъ . . . . . пришлось болвану льстить

Дурыломъ.

(Въ сторону) (Въ слухъ)
Прекрасной молодецъ! — Чѣмъ матушка скончалась?
Позвольте мнѣ спросить; не такъ стара казалась.

Печалкинъ.

Три Доктора ее лѣчили цѣлый годъ:
Одинъ предполагалъ въ груди скопленье водъ,
Другой въ ней утверждалъ чахотку несомнѣнно,
А третій параличь, и всѣ попеременно
Прописывая ей рецепты безъ конца,
Отправили въ чертогъ небеснаго Отца.

Дурыломъ.

Злодѣи! — Да чему быть доброму, скажите?
Взгляните вы на все; — редутъ лишь покажите,
То видно. . . . .

Печалкинъ.

Точно такъ; но слышенъ общій гласъ,
Что будете вы вновь Директоромъ у насъ.

Дурыломъ.

Я право не ищу.

Печалкинъ.

Позвольте же мнѣ снова
Напомнить о себѣ.

Дурыломъ.

Не смѣю дать вамъ слова;
Пороюсь, посмотрю. Есть книга у меня,
Въ которой дачи всѣ записывалъ самъ я;
Изволите ли знать, я очень занимался,
И въ церемоніяхъ весь вѣкъ свой обращался.
Вить можно иногда бездѣлкою, ничѣмъ,
Пустить такую пыль и диво сдѣлать всѣмъ,
Что всякой скажетъ: — Ахъ!

Печалкинъ.

Кто такъ какъ вы имѣетъ
Способность скрасить все . . . .

Дурыломъ.

И всякой разумѣетъ,
Что надо мертвеца скорѣе схоронить;
Да сила-то не въ томъ: а надо смастерить,
Чтобъ это было все великолѣпно, славно,
Все къ мѣсту, все на статъ, и пышно и исправно.
Я многихъ уже здѣсь, признаться, старожилъ
Отъ скуки лишь одной въ кладбищѣ проводилъ.
Повѣритель! при мнѣ не плачутъ и не рвутся;
Лишь только покажусь — всѣ въ запуски смѣются.

Печалкинъ.

Вотъ въ томъ-то и секретъ. — И такъ въ послѣдній разъ
Позвольте убѣдить....

Дурыломъ.

Все сдѣлаю для васъ;
Сынъ друга моего на то имѣетъ право.
Полезнымъ въ свѣтѣ быть мой долгъ, и честь, и слава!

ЯВЛЕНІЕ 6.

Дурыломъ. (Одинъ.)

Кто что ни говори, а правда въ свѣтѣ есть:
Безчестному — все стыдъ, а честному — все честь.
Какъ въ городѣ меня ни жмутъ и ни поносятъ,
А чуть гдѣ нуженъ блескъ — меня туда и просятъ.
(Здѣсь входитъ Лестигонъ.)
Я здѣсь одинъ, — могу похвастать самъ себѣ,
Что многіе моей завидуютъ судьбѣ.
Богатъ, смышленъ, досужъ, гораздъ на всѣ затѣи,
И буду гдѣ нибудь, проклятые злодѣи!
Въ редутѣ Старшиной, — вотъ буду, буду!...

ЯВЛЕНІЕ 7.

Дурыломъ и Лестигонъ.

Лестигонъ.

Вздоръ!
Ужь цѣлой годъ у насъ идетъ объ этомъ споръ.

Дурыломъ.

Ба! ето Лестигонъ! — Откуда ни возмется!
Остеръ какъ лезвее, какъ шмель вездѣ ворвется.
Откуда, не слыхать?

Лестигонъ.

Пѣшкомъ шелъ изъ суда,
Да водки захотѣлъ, и завернулъ сюда.
Я думалъ, что тебя съ закускою застану;
Но ты въ такихъ сердцахъ. . . Добро — молчать все стану.

Дурыломъ.

Нѣтъ. . . . такъ . . . сегодни я все утро хлопоталъ.
Не знаешь ли, скажи, какой здѣсь Генералъ
Проѣздомъ возлѣ насъ вотъ тутъ остановился?

Лестигонъ.

По чемъ мнѣ ето знать? — Вить я не подрядился,
Какъ ты же, по дворамъ всѣ вѣсти развозить.

Дурыломъ.

Да что тутъ за бѣда? — Не льзя ужь и спросить!
Ворчанье не отвѣтъ. — Я знаю, что ты скрытенъ;
Мой грѣхъ не таю: — я очень любопытенъ. —
Въ редутѣ нынѣ пиръ и выборъ Старшинамъ,
Заказный маскерадъ, — ужь ли же ты не тамъ?

Лестигонъ.

Ты судишь по себѣ, что будто всѣмъ охота
Толпиться цѣлой день до кроваваго пота;
Взгляни-ка на себя! — Вить ты ужь посѣдѣлъ
Отъ множества твоихъ непостижимыхъ дѣлъ.

Ты суетенъ какъ червь, и, что тебѣ за радость,
Всѣ сплетни собирать, подслушать всяку гадость?
И въ будкахъ ужь кричатъ: — рехнулся Дурыломъ!
Взойдешь къ тебѣ всегда какъ будто въ желтой домъ;
Всѣхъ свелъ вокругъ себя съ ума своимъ резутомъ,
И сталъ ты наконецъ у насъ нарядымъ шутомъ.
Какъ скоро до тебя коснется рѣчь въ пирахъ,
То клобъ на языкѣ, улыбка на устахъ.

Дурыломъ.

Ой мнѣ твоя мораль! — Тебѣ я цѣну знаю;
Но въ обществѣ какъ жить ни въ чемъ не уступаю.
Гордиться не горжусь, не нижу и тебя.
Послушай, Лестигонъ! — знай всякой самъ себя.
Не хуже я кого другаго былъ воспитанъ,
Французскихъ, Рускихъ книгъ съ ребачества начитанъ;
За вѣжливость одну покойной мой отецъ,
Желая, чтобы я во всемъ былъ молодецъ,
Пять тысячь въ годъ платилъ Французу Monsieur Пенги.
Танцмейстеръ удалой. . . .

Лестигонъ. (Хохочетъ)

Ну, плакали, братъ, деньги.
По крайней мѣрѣ всѣмъ ты этаго не ври.

Дурыломъ.

Еще тебя прошу, учтивѣй говори,
А то . . . .

Лестигонъ.

Не горячись . . . меня унять не трудно;
Тѣмъ меньше ль поступать ты будешь безразсудно,
Когда я замолчу? — И естьлибъ не любилъ,
Столь черствыхъ истинъ я тебѣ не говорилъ.
По совѣсти скажи: въ чемъ жизнь препровождаешь?
Дрожишь надъ сундукомъ и деньги въ немъ считаешь;
Въ гостяхъ ты трусъ, — но здѣсь самодержавна власть.

Разумной разговоръ ты сносишь какъ напасть;
А самъ заговоришь — такъ всѣхъ проймешъ зѣ-
вота.
Приспѣшная твоя любимая забота.
Наѣшься, ляжешь спать; — проснешься съизнова,
Душа всегда въ потьмахъ, — въ угарѣ голова,
А сердце для одной профорны только бьется,
И то какъ параксизмъ редутной навернется.

Дурыломъ.

Не знаю, кто изъ насъ теперь изъ двухъ умнѣй;
По крайней мѣрѣ я стократъ тебя скромнѣй. —
Не такъ ли и въ судахъ у васъ дѣла рѣшатся:
Кто шипче всѣхъ кричитъ — тому вольно хо-
драться.

Лестигонъ.

До драки далеко; но право мочи нѣтъ
Мнѣ слышать, что вездѣ ты пасквиля предметъ.
Сочинитка, сколь давно спознались мы съ тобою!
Бранилъ ли я тебя, когда ты жилъ съ женою?
Хотя она ума не рѣдкаго была,
Однакожъ на ногѣ пристойной домъ вела.

Дурыломъ.

Да, каюсь и теперь, что поступалъ не строго;
За то и прожилъ я чрезвычайно много.

Лестигонъ.

А съ той поры, какъ ты, нещастной, овдовѣлъ,
Въ тебя вселилась блажъ — ты будто одурѣлъ:
Внутри семейства шумъ, нелѣпица, раздоры,
А въ городѣ вездѣ почти со всѣми ссоры.

Дурыломъ.

Я такъ хочу. — Уймись, — тебѣль меня учить!
Годъ цѣлой все мораль изволишь мнѣ точить.
Но знай, что ни кому собой не дамъ я править;
И такъ, не льзя ли насъ въ покоѣ всѣхъ оставить.

Лестигонъ.

Не льзя. — Я не могу дѣтей забыть твоихъ,
И мнѣ ли запретишь участіе брать въ нихъ.
Ты помнишь, какъ твоя супруга умирала,
Подъ клятвою мнѣ ихъ судьбу препоручала;
То вѣдая, что ты, оставшися вдовцомъ,
Поплачешь день, другой, и полно, — а потомъ,
Когда плерезамъ срокъ ужь будетъ на отходѣ,
Ты пустишься опять дурачиться въ свободѣ.
Покойница тебя проникла.

Дурыломъ.

Знаю братъ,
Къ чему ты клонишь рѣчь; да только не въ попадъ.
Я вѣдаю давно, что сватать вы стакались
За Радина мою Сусанну.

Лестигонъ.

Догадались;
Худаго тутъ и нѣтъ. — С санна въ тѣхъ лѣтахъ,
Что можетъ безъ грѣха смышлять о женихахъ.
Вить Принца вамъ на ней жениться не заставить;
Кому же, какъ не ей сей выборъ предоставить?
А Радинъ хоть куда. — Дѣтина молодой,
Природной дворянинъ, пригожинькой собой,
Чинъ есть, достатокъ тожъ, — его Сусанна любитъ. . . .

Дурыломъ.

Коль выйдетъ за него, она себя погубитъ.

Лестигонъ.

Не вижу вовсе, какъ; одинъ капризъ напалъ.

Дурыломъ.

Ни слова мнѣ о томъ.

Слуга. (Входитъ)

Пріѣзжій Генералъ,
Спросить у васъ велѣлъ, когда съѣзжаться кушать
Назначенъ часъ въ редутъ?

Дурыломъ.

Меня?

Лестигонъ.

Прошу прислушать.

Дурыломъ.

Да что я за швейцаръ? — Вотъ нынче какъ живутъ!
Невѣжливой вопросъ учтивостью зовутъ;
Да что и говорить . . . . — Поди, скажи холопу,
Что я не подряженъ часы свѣрять для клобу.

Лестигонъ.

Вотъ какъ благодари ты самъ себя за то,
Ославился вездѣ, и на смѣхъ всякой, кто
Сквозь городъ пролетя здѣсь тройку перемѣнитъ,
Узнаетъ про тебя, и чѣмъ нибудь задѣнитъ.
Прощай!

Дурыломъ.

Проваль возьми тебя, и весь редутъ.

Лестигонъ.

Съ привѣтствіемъ такимъ меня давно тамъ ждутъ.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Дурыломъ. (Одинъ.)

Лукавый человѣкъ! другъ міра, двуязычной!
Злословить съ просту всѣхъ твой промыселъ обычной!
Поди и веселись, — тамъ пиръ готовъ чужой;
Здѣсь каши лишь горшокъ — но мой, и я большой!

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Большая гостинная въ убранствѣ.
Сусекина, Сусанна, Павлина.

Сусекина. (При входѣ въ двери)

Неправда, милой другъ, тебя я увѣряю;
Сегодни балу нѣтъ, я это точно знаю,
А только лишь обѣдъ и выборъ Старшинамъ

Павлина.

Не будетъ ли рара?

Сусанна.

Какаяжъ прибыль намъ?

Павлина.

А ma ma soeur что мы хоть разъ въ недѣлю будемъ
Людей видать! Ей, ей мы скоро позабудемъ,
Что есть забавы, шумъ, bon ton, отборной свѣтъ;
Такъ жить, какъ мы живемъ, — вить ссылка въ двадцать лѣтъ.
Кто съ нами поутру? — Лишь мамушки, да няни;
Отъ нихъ мы ничего не слышимъ кромѣ дряни.
Придемъ сюда торчать, — здѣсь молвить слово съ кѣмъ?
И вся день за день жизнь вершится наша тѣмъ,
Что дѣвки насъ къ полднямъ какъ куколокъ одѣнутъ,
И спать ложась опять тѣжъ дѣвки насъ раздѣнутъ.
Сусекина! скажи, не правдуль говорю?

Сусекина.

Согласна, точно такъ и я на все смотрю.
Чтожъ дѣлать? — Вашъ отецъ упрямъ и своевоhelp ленъ;
Всѣ люди не по немъ, всѣмъ въ свѣтѣ недоволенъ.

Ужъ я ли не ищу, чтобъ былъ со мной хорошъ,
И ссорюсь и мирюсь, а пользы нѣтъ на грошъ.
Мнѣ кажется, что онъ, будь сказано межъ нами,
Такъ худо поступать примѣтно началъ съ вами
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ редутъ не выбранъ
Старшиной.

Сусанна.

Ты права! — Ахъ! какъ жаль, что можетъ онъ
мечтой
Столь низкой для него всечасно заниматься
И всячески попасть въ Директоры стараться! —
О слабости такой намъ можно сожалѣть;
Но онъ все нашъ отецъ — нашъ долгъ та воецъ
терпѣть.

Сусекина.

Преблагородная, достойная дѣвица!

Павлина.

Я знаю, отъ чего, любезная сестрица,
Ты разсуждаешь такъ красиво и умно.

Сусанна.

Нѣтъ! съ правиломъ такимъ знакома я давно,
Не будучи, мой другъ, изнѣженнаго нрава,
Поменѣе тебя пригожа и вѣртлява,
Съ тѣхъ поръ, какъ начала при матушкѣ рости,
Училась у нее я многое снести.

Сусекина.

Да, подлинно сказать не согрѣшивши можно:
Покойница вела себя преосторожно;
За что у васъ былъ домъ совсѣмъ тогда иной, —
Живали вы съ людьми, прiѣздъ къ вамъ былъ боль-
шой;
А нынѣ старики лишь только, да старухи
Изъ денегъ вкругъ отца жужжатъ какъ лѣтомъ
мухи;
А батюшка рубля безъ выгоды не дастъ:
Все купитъ ни за что, — и дорого продастъ.

Сусанна.

Я право не пойму, что пользы суетиться,
И въ кучѣ праздныхъ лицъ всю жизнь свою кру-
житься?

Сусекина.

Нѣтъ, мать моя, со мной ты милость сотвори!
Конечно ты умна, но дѣло говори.
Съ Павлиной въ этомъ я отмѣнно какъ похожа:
Ей публика мила, и мнѣ до смерти то же.
Что радости сидѣть въ углу своемъ одной,
Или читать романъ, иль слѣпнуть за канвой?
Я знаю, что меня записываютъ въ дуры
Изъ зависти, что мнѣ мущины строятъ куры;
Но право клеветы столь низкой не боюсь:
Хоть дура — да мила, дурна — да веселюсь!
И нечего при васъ грѣха таить, — покаюсь:
Когда на званой балъ я выѣхать сбираюсь,
Весь день тотъ занята уборкою своей;
Всѣхъ дѣвокъ прибраню, всѣхъ съ ногъ собью людей;
Кто бѣгаетъ искать помады мнѣ душистой,
Кто розоновъ нарветъ, кто шлетъ левкой пуши-
стой.
Пускай кричатъ, что я стара, — но ввечеру,
Со всѣхъ, кто знаетъ вкусъ, я дань любви беру.

Сусанна.

Да кто же изъ людей порядочныхъ на свѣтѣ
Старухой васъ зоветъ?

Сусекина.

Есть люди на примѣтѣ,
Которые, меня желая уронить,
Изволятъ язычки на мой сюжетъ острить.

Павлина.

А сколько же вамъ лѣтъ?

Сусекина. (Въ сторону)

(Вслухъ) Ахъ! какъ бы не проврається!
Объ этомъ намъ къ чему теперь распространяться?

Павлина.

Однакожъ. . . . —

Сусанна.

Taisez-vous пожалуста, ma soeur.

Сусекина.

Не кстати ты востра, Павлинушка, mon coeur.

Сусанна.

Что нужды намъ до лѣтъ; — въ тодахъ ли наше
счастье?
Частехонько дитя ужь чувствуетъ ненастье,
Тогда какъ и старикъ съ бѣдою незнакомъ!

Сусекина.

Таковъ-то вашъ отецъ, надменной Дурыломъ.

Сусанна.

Блаженство всякъ изъ насъ на свой аршинъ здѣсь
мѣритъ:
Иной, въ толпѣ людей за нимъ гоняясь, вѣритъ,
Что дать его одна лишь можетъ суета,
Иль временная честь, богатство, красота; —
Какъ мало, признаюсь, такое обольщенье
Способно волновать мое воображенье!
Видала я не разъ, коль опыты не лгутъ,
Сквозь золото какъ слезъ источники текутъ! —
И чуть не отъ тоголь весь міръ не рѣдко сто-
нетъ,
Что бабочки никто любимой не догонетъ.

Павлина.

Насилу мы дошли до бабочки. — А! а!
Я тутъ тебя, ma soeur, давно жду.

Сусекина.

Какова? —
Секретецъ видно есть, любезная Сусанна?

А мнѣ и не въ догадъ ; — живу я оконина
Полвѣка . . . .

Павлина.

Такъ ужь вамъ пошло за пятьдесятъ?

Сусекина.

(Въ сторону)
Ахти, какъ я глупа!

Павлина.

(Сусаннѣ) (Сусекиной)
Ура! — Вамъ шахъ! — вамъ матъ!
Прекрасно я васъ вдругъ обѣихъ подловила:
Тутъ бабочку поймавъ, — здѣсь крысу подцѣпила.

Сусекина.

Не кстати ты, мой другъ, оскалила зубки;
Не стоишь моего мезинца у руки,
Повѣрь мнѣ. — Естьлибъ я унизиться хотѣла;
Насмѣшку возвратить съ процентами умѣла;
Но дѣвку сироту безчестно обижать!
А то бы я вездѣ готова разсказать,
Что ты на всѣхъ мущинъ глаза въ окошки пялишъ,
Не смыслишь ничего, — лишь только тѣло рядишь;
Что ты проста, дерзка, нагла. . . . .

Павлина. (Смѣючись)
Да не стара.

Сусанна.

Павлина, перестань! Куда какъ ты скора!
(Сусекиной)
Ужь ли ты на дитя и вправду разсердилась?

Сусекина.

Хорошее дитя! — Нѣтъ матка — оперилась.
Живите, коль умны, какъ знаете, одни;
Пришлете и за мной — придутъ и черны дни.
Я пропасть насказать вамъ новостей хотѣла,
За тѣмъ звала къ себѣ, сама къ вамъ прилетѣла;

Но съ него, вижу я, и во вѣки вѣковъ
Не сладитъ ни отецъ, — ни ты, — ни философъ!
Съ обычаемъ твоимъ никто не уживется,
И всякой мужъ тотчасъ какъ пить дастъ разведется.
Прощайте. — Ничего вамъ больше не скажу;
А что не крыса я, то ясно докажу.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 2.

Сусанна и Павлина.

Сусанна.

Довольна ли ma soeur? — Надѣлала ты дѣла.

Павлина.

Да, я радехонька; — она мнѣ надоѣла.

Сусанна.

Вить это не резонъ! — Твердишь ты все про свѣтъ;
А жить въ немъ у тебя умѣнья вовсе нѣтъ.
Отборной свѣтъ того невѣжей почитаетъ,
Кто всякому, какъ ты, всю правду отпускаетъ.

Павлина.

Напротивъ, никогда не должно лгать; — кто лжетъ,
Въ отборномъ свѣтѣ топъ обманщикомъ слыветъ.

Сусанна.

Изъ крайности за чѣмъ въ другую намъ кидаться;
Тебя не учатъ лгать, — велятъ остерегаться,
И людямъ пожилымъ съ почтеньемъ уступить.

Павлина.

Да чтожъ тутъ за бѣда, прошу мнѣ изъяснить,
Что я сказала ей....

Сусанна.

Чего совсѣмъ не должно;
Годами уличать старухъ неосторожно:
Ты новаго лишь тѣмъ накликала врага,
Богъ знаетъ изъ чего! — Молва всегда строга. —
Сусекина тебя начнетъ вездѣ злословить

Павлина.

Тѣмъ хуже для нее.

Сусанна.

Какъ любишь прекословить!
Ужь ли тебя и такъ не проняла тоска
Предметомъ сплетенъ быть?

Павлина.

Отъ нихъ я далека;
Что хочешь говори. — Не льзя же согласиться,
Что ей пятнадцать лѣтъ.

Сусанна.

Хоть пять. — За что сердиться?

Павлина.

Безъ смѣха не могу я вспомнить и теперь,
Какъ хвастала она.

Сусанна.

Попробуй же, увѣрь,
Что хуже всѣхъ она одѣта въ клобной залѣ.

Павлина.

А! — помнишь, какъ зимой прошедшею на балѣ
Явилась она вдругъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ.
Подъ желтымъ паричкомъ сверхъ бѣлыхъ волосовъ
Чего не прибрала! — Стекло, томпакъ, шумиха,
И съ ногъ до головы нарядная шутиха;
На личикѣ, чтобъ скрыть обиду многихъ лѣтъ,
Квасцы ей дали лоскъ, кирпичекъ яркой цвѣтъ. —
Сквозь всѣ ряды мущинъ какъ пава выступала,
Головкою трясла и вѣеромъ махала; —

Пострѣлъ ее взманилъ какой-то танцовать,
И польской впереди изволила начать. —
Тамъ всѣ ее на смѣхъ мущины подымали,
До обморока стѣнъ нещастную тоскали; —
Задохлась наконецъ, — и сынъ ее большой
Насилу отпоилъ Унгарскою водой.

Сусанна.

Кто споритъ, — ето все и жалко и забавно;
Но ей сказать въ глаза ничуть не благонравно.
Коль требуемъ къ себѣ почтенья отъ людей,
Должны въ замѣнъ платить учтивостью своей. —
Повѣса!

Павлина.

Ну pardon ma soeur, впередъ не буду.

Сусанна.

А завтра тожъ опять.

Павлина.

Нѣтъ, право не забуду.

Сусанна.

Повѣрь, Павлина, мнѣ: съ пріятствомъ красоты
Насмѣшкой никогда милѣй не будешь ты.

Павлина.

Чу! кто-то къ намъ идетъ; — не батюшкаль проснулся.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣже и Дурыломъ. (Протираетъ глаза со сна)

Дурыломъ.

Какъ сладко я поѣлъ; — за то едва очнулся.

Сусанна.

Столъ жиренъ очень былъ.

Дурыломъ.

Онъ тѣмъ-то и здоровъ;
Такихъ, какъ у меня, не сыщешь поваровъ.
Грѣхъ будетъ, дѣти, вамъ сказать, гдѣбъ вы ни были,
Что худо въ домѣ васъ родительскомъ кормили.
Да не былъ ли кто здѣсь, покамѣстъ я уснулъ?

Сусанна.

Никто не пріѣзжалъ.

Дурыломъ.

Я часъ, другой схрапнулъ.

Павлина.

Сусекина одна. . . .

Дурыломъ.

Кудажъ она урыла?
Ахъ! да бишь, позабылъ, — я чаю покатила
Для балу ввечеру лице подготовлять.

Павлина.

Сегодни балу нѣтъ.

Дурыломъ.

Тебѣ какъ это знать?

Сусанна.

Сусекина вездѣ объ этомъ разглашаетъ.

Дурыломъ.

Такъ видно Диксманъ плутъ одинъ лишь вздоръ болтаетъ.
Я той же вѣры самъ. — Какъ можетъ онъ нахалъ
Нарушить тотъ уставъ, который подписалъ
Со всѣмъ редутомъ я! — Нѣтъ, это быть не можетъ;
Гдѣ денегъ ему взять и кто ему поможетъ.
Не сказывалаль вамъ Сусекина чего
О выборѣ Старшинъ? — Какъ мѣтятъ, на кого?

Сусанна.

Объ этомъ намъ она ни слова не сказала.

Дурыломъ.

Диковинка; а чай вездѣ перебывала.
Чудесная Мадамъ! — Едваль ее доходъ
Исправить можетъ весь домашній обиходъ,
Но всякой день на ней тюрбаны, да капоты,
На всѣхъ пирахъ корпитъ, все знаетъ анекдоты;
А модой до того она заражена,
Что даже собственны французитъ имена,
И съ дѣтками когда въ Собранье выѣзжаетъ,
Мирошу то и знай Мондоромъ называетъ.

Павлина.

Миронъ! — Ah! quelle horreur! — Какъ дамѣ du bon ton
Такъ подло называть un fils joli garçon.

Дурыломъ.

Того гляди ей, ей сударки наши Руски
Во вкусъ введутъ давать молитву по Французски.
Пора и мнѣ съ двора; — такая тьма заботъ,
На цѣлой день сусетъ сегодни полонъ ротъ.
Да врядъ еще ли я во всѣ мѣста успѣю:
Къ кандитеру, — въ ряды, — а тамъ къ Архіерею!

Сусанна.

Конечно онъ васъ звалъ?

Павлина.

Не умеръ ли кто?

Дурыломъ.

Да!

Вы знаете, что я готовъ помочь всегда,
И въ радостяхъ беру и горести участье.
Сегодни пріѣзжалъ сказать свое нещастье
Печалкинъ; — у него вчера скончалась мать.

Сусанна.

Ахъ, бѣдная! какъ жаль! — Сиротъ, я чаю, пять?

Дурыломъ.

Все правда; какъ же быть. — Сиротъ самъ Богъ устроитъ;
Живымъ пошлетъ Онъ хлѣбъ, а мертвыхъ упокоитъ.
Но мнѣ не до того; — онъ проситъ схоронить,
И такъ, чтобъ весь обрядъ получше сохранить,
Достаточекъ-то малъ, а взяться не умѣетъ,
Увидя, что меня просить о томъ не смѣетъ,
Самъ вызвался, сказалъ: Изволь, любезной другъ,
Ты деньги приготовь, и жди моихъ услугъ.

Павлина.

На что же вамъ, papa, кандитерскія лавки?

Дурыломъ.

Ты слушай, да молчи, — твоей не просятъ справки;
Я знаю самъ, дружокъ, что гдѣ чему на стать:
Чего другаго нѣтъ, — ума-то не занять.
Не все могилы рыть, — захочешь посмѣяться.
Знакомой вздумалъ мой подьячій обвѣнчаться;
Богатъ онъ не богатъ, но входитъ съ кѣмъ-то въ связь,
Не хочется себя лицомъ ударить въ грязь,
А свадьбу онъ сыграть намѣренъ попышнѣе,
И сунулся ко мнѣ, — за тѣмъ, что смышленѣе
На едаки дѣла не сыщется никто.
Реэстръ всему готовъ. — Да не забылъ ли что?
Дай разъ еще взгляну. (Читаетъ бумагу въ листъ.)

Сусанна.

Ахъ! батюшка, скажите,
За чѣмъ вы такъ себя напрасно тяготите?

Дурыломъ. (Сусаннѣ)

Вотъ выскочила вдругъ toujours твердить, du вздоръ!
Выкалывать поди на пяльцахъ свой узоръ,

А мнѣ не смѣй отнюдь указывать, Сусанна;
Я знаю самъ мораль. — Не кстати ты жеманна.
Долгъ всякаго изъ насъ, чѣмъ смыслишъ, услужить;
Не всѣмъ дано судьбой сорокоумнымъ быть.

Павлина.

Изъ крайности за чѣмъ въ другую намъ кидаться;
Не лгать вить намъ велятъ, — велятъ остерегаться.

Дурыломъ.

Я ѣду. — Если кто пожалуетъ сюда,
Сусанна, ты прими; — гостямъ я радъ всегда.
Павлина! ты со мной. — Заѣдемъ мы къ Никашки;
Я слышалъ, получилъ онъ свѣжія фисташки;
Накупимъ, и велимъ изъ нихъ намъ сдѣлать кремъ;
Признаться, день не въ день, коль сладко не поѣмъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Сусанна. (Одна)

Ушли; — дадимъ просторъ душѣ и размышленью. —
Что пользы принести все въ жертву просвѣщенью,
Безъ помощи чужой образовать себя,
Жить въ мірѣ, ничего мірскаго не любя,
Коль надобно еще за крестъ такой въ награду
И дома злыхъ скорбей всегда бояться яду? —
На что намъ Небеса таланты раздаютъ,
Природа съ Божествомъ на насъ щедроты льютъ,
Коль въ самой тишинѣ, рокъ злой готовя муку,
Отъ насъ другимъ и намъ отъ всѣхъ наноситъ скуку?
Разнообразны такъ всѣ нравы у людей,
Что въ точности съ другимъ не сходствуетъ ни чей;
И съ юности терпѣть дни горестнаго вѣка
Есть подвигъ выше силъ простаго человѣка!
О Радинъ! — еслибъ ты души моей не зналъ,
Когда бы для меня въ себѣ ты не вмѣщалъ
Всего, что можетъ быть любезно во вселенной,

Минутыбъ не снесла судьбы своей стѣсненной!
Коль некому любви любовью заплатить,
То жизнь не такъ сладка, чтобъ ею дорожить.
(Слуга входитъ)
За чѣмъ? —

Слуга.

Пріѣхалъ гость.

Сусанна.

Кто?

Слуга.

Радинъ.

Сусанна.

Дома, дома.

Слуга. (Въ сторону)

Воротится старикъ, — чтобъ не было содома.

Сусанна.

Чтожъ ты бармочешь тамъ; — ему тебя не ждать.
Поди, скажи, что я сюда велѣла звать.
Какъ случай иногда любви даетъ защиту!

ЯВЛЕНІЕ 5.

Сусанна и Радинъ.

Сусанна.

А, здравствуйте! — Чѣмъ я обязана визиту
Нечаянну совсѣмъ.

Радинъ.

Хоть рѣдко въ этотъ часъ
Пріемъ бываетъ здѣсь, — но ѣхавъ мимо васъ,
Не могъ я утерпѣть, чтобъ съ вами не видаться.
А батюшка вашъ гдѣ?

Сусанна.

Поѣхалъ прогуляться,
Сестрица съ нимъ, и я ихъ скоро жду назадъ.

Радинъ.

Какой счастливой мигъ! — Сусанна! какъ я радъ,
Что можно мнѣ его дѣлить съ тобой одною!
Встрѣчая весь вашъ домъ съ огромною толпою
На балахъ, гдѣ велитъ приличія законъ
Иль съ дамой стать въ кадриль, иль съ картой
сѣсть въ бостонъ,
Я жизнь свою тогда лишь только ощущаю,
Когда хоть краткой мигъ съ тобою раздѣляю!

Сусанна.

Я въ нѣжныхъ чувствахъ сихъ сама не уступлю;
Ты знаешь, какъ тебя я искренно люблю!
Ты знаешь, что одно къ родителю почтенье
До нынѣ длитъ мое съ тобой соединенье;
И вѣрь, что чѣмъ бы свѣтъ мнѣ пышной ни поль-
стилъ,
Ты болѣе всего въ немъ будешь вѣчно милъ!

Радинъ.

Жестокой твой отецъ всю мысль мою смущаетъ!
Хваля меня въ глаза, заочно презираетъ.
Сегодни былъ у васъ поутру Лестигонъ?

Сусанна.

Не знаю, можетъ быть; — старинной другъ намъ онъ.

Радинъ.

Я слышалъ отъ него, что будто въ разговорѣ
О клобѣ, Старшинахъ и въ самомъ жаркомъ спорѣ
Коснулась какъ-то рѣчь до моего лица;
Хотѣлъ онъ твоего усовѣстить отца,
Но тотъ вдругъ зашумѣлъ, и такъ . . .

Сусанна.

Обыкновенно;
Мы къ этому давно привыкли совершенно.

Радинъ.

А между тѣмъ меня къ себѣ пускаетъ въ домъ;
Цѣлуетъ и бранитъ, все вмѣстѣ Дурыломъ:
Притворства разобрать не смыслю я такова.
Добро бы говорилъ о немъ я что худова,
Или бы иногда въ пріятельскомъ кругу
На щетъ его шутилъ; — нѣтъ, истинно не лгу,
Что я, простя его со мной поступки странны,
Въ немъ вѣчно буду чтить — родителя Сусанны.

Сусанна.

Пріятенъ отзывъ мнѣ такой въ устахъ твоихъ;
Старайся быть учтивъ. — Что нужды до другихъ. —
Повѣрь, что для души чувствительной и нѣжной
Спокойства тишины одинъ залогъ надежной
Есть собственное въ насъ признаніе свое,
Что милое для глазъ — достойно для нее.

Радинъ.

О вѣрный другъ! будь мой всегда путеводитель!
Ты дней моихъ краса, ты геній мой хранитель!
Давно бывъ обрѣченъ къ несчастію судьбой,
Едва я сталъ дышать, ужe былъ сиротой;
И юностью своей господствовать не зная,
Наглядкою одной жить въ свѣтѣ привыкая,
Тебѣ лишь одолженъ развитіемъ ума:
Богатство безъ него бѣднѣе, чѣмъ сума.
Бесѣдою твоей полезной и пріятной
Я такъ былъ увлеченъ, что кинулъ кругъ развратной,
Гдѣ юноша, ни чьихъ упрековъ не стыдясь,
Съ пороками крѣпитъ неразрушиму связь.
Отъ скользкихъ ты путей меня остерегала;
Жизнь дали Небеса, — ты сердце воспитала:
Оно принадлежитъ единственно тебѣ!
Владыкой ставъ его, будь богъ моей судьбѣ!
Свяжи ее съ своей узломъ любви сердечнымъ;
До гроба будетъ твердъ, за гробомъ будетъ вѣчнымъ!

Сусанна.

Такъ, вѣчнымъ! — Я клянусь не бышь женой ни чьей;
Иль жишь и умерешь супругою швоей!
Я слышу шумъ, — прости. — Любовь не преступленье;
Но въ чемъ у насъ вины не сыщешъ подозрѣнье?

Радинъ.

Прости, сердечной другъ! (Одинъ) Чѣмъ намъ смягчишь напасть,
Которою грозишъ родишельская власть?
Есть способъ.... но боюсь,.... удастся ли — не знаю.
Фортуна! помоги! — Авось! къ шебѣ взываю!

ЯВЛЕНIЕ 6.

Радинъ и Лестигонъ.

Лестигонъ.

Ба! Радинъ! — я тебя совсѣмъ не чаялъ здѣсь.
Что дѣлаешь ты тутъ, когда нашъ городъ весь
Со всѣхъ сторонъ теперь въ свое Собранье скачетъ,
А бѣдной Дурыломъ съ печали чуть не плачетъ.

Радинъ.

Вы видѣли его.

Лестигонъ.

Сей часъ меня завезъ
Съ Павлиною сюда; и вѣришь ли, безъ слезъ
Не могъ проѣхать клобъ. — Какая, право, жалость,
Что всякой день его крушитъ такая малость.

Радинъ.

Я дорого бы далъ, чтобъ могъ ему помочь.

Лестигонъ.

Послушай же меня! — Ты любишь его дочь?

Радинъ.

Люблю ли? — Безъ ума!

Лестигонъ.

Такъ сдѣлай славно дѣло.
Здѣсь должно поступить проворно, быстро, смѣло

Радинъ.

Совѣту вамъ не льзя безчестнаго подать:
И такъ скажите, — все готовъ я предпринять.

Лестигонъ.

Догадкою кривой ты совѣсти не мучай;
Безчестнаго здѣсь нѣтъ, — смѣшной, но вѣрной случай.
Ты знаешь ходъ страстей, тебѣ извѣстенъ свѣтъ;
Удачь и неудачь ищи ты въ нихъ секретъ.
Несчастной Дурыломъ на клобѣ повредился;
Сегодни годъ какъ онъ Директорства лишился,
И триста шестьдесятъ пять разъ мнѣ толковалъ,
Какъ этимъ оскорбленъ, всѣмъ уши набрюзжалъ:
Тамъ выборъ ввечеру. — Ты въ лучшія въѣзжъ домы,
Тебѣ всѣ удальцы редутныя знакомы;
Кому перебивать, — барышъ витъ не великъ;
А въ выборахъ во всѣхъ даетъ побѣду крикъ:
Попробуй какъ нибудь, не льзя ли ухитриться,
Чтобъ снова Старшиной ему въ редутъ явиться.
Не ужъ то Старшина и впрямъ Персидской Шахъ!
Пускай съ своей мечтой онъ будетъ въ дуракахъ;
А ежели ему всѣ кинутъ въ пользу балы,
То къ ужину сговоръ, — и полетятъ бокалы:
Увѣренъ въ етомъ такъ, какъ въ томъ, что здѣсь стою
И мысленно уже твое здоровье пью.

Радинъ.

Я самъ было попалъ на эту мысль и прежде;
Но если обманусь въ толь сладостной надеждѣ,
Коль онъ худой успѣхъ въ вину мнѣ обратитъ,
То можетъ быть къ себѣ и ѣздить запретитъ.

Лестигонъ.

Пустое, — ничего испортить тѣмъ не можешь,
Напрасно лишь себя сомнѣніемъ тревожишь;
Отважься и ступай, — на славу все пойдетъ.
Коль ѣхать, такъ пора, чу! шесть часовъ ужь бьетъ.
Пусть выберутъ его, — ручаюсь совершенно,
Что будетъ за тобой Сусанна непремѣнно.

Радинъ.

Лечу, мой другъ, лечу свой жребій рисковать.

Лестигонъ

Не рѣдко въ жизни мы должны va tout играть.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Лестигонъ. (Одинъ)

Прекрасной молодецъ! — Хоть въ полѣ и не воинъ,
Невѣста жениха, женихъ ее достоинъ.
По счастью, что ея душевныя красы
Не соблазняютъ здѣсь гусарскіе усы!
Но гдѣ же нашъ старикъ? — куда запропастился?
А, вотъ никакъ и самъ съ покупками явился.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Сусанна, Павлина, Дурыломъ и Лестигонъ.

Дурыломъ.

Велите все прибрать, и бархатъ и парчи,
Конфекты снесть въ буфетъ, — Попу отдать свѣчи;
Къ портнихѣ занеси тафту и нитки съ шелкомъ;
Да молвить не забудь въ поварнѣ нашей толкомъ,
Чтобъ завтра, слышишь ли? намѣть себѣ на лбу!
На свадьбу припасли миндальную трубу,
Для похоронъ кутью...

Лестигонъ.

Какая смѣсь прекрасна!
Куда такой припасъ?

Дурыломъ.

Печалкина несчастна
Скончалась, и ее мы завтра отпоемъ.
Другой бы наплевалъ; — въ характерѣ моемъ,
Суровости такой Богъ не далъ отъ природы;
О ближнихъ не жалѣть способны лишь уроды.

Лестигонъ.

И такъ, чтобъ доказать намъ горести свои,
Для ближнихъ мы должны заказывать кутьи?

Дурыломъ.

Какъ хочешь разумѣй, а я какъ понимаю
Объ етомъ лучше васъ.

Лестигонъ.

О Боже мой! — Я знаю,
Что въ васъ ошибокъ нѣтъ; напротивъ каждой шагъ
Такъ вѣрно разочтенъ, что тотчасъ и въ оврагъ.

Дурыломъ.

Сусанна, кто здѣсь былъ?

Лестигонъ.

А свадьба чья такая,
Къ которой, слышалъ я, печется дорогая
Миндальная труба?

Дурыломъ.

Что слово, то вопросъ!
Не кажется ли вамъ, что пишете допросъ?
Сусанна, кто здѣсь былъ?

Павлина.

Papa, вить вы забыли
Для крему захватить двѣ палочки ванили.

Дурыломъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ такъ; — но будетъ кремъ, не
бось.
Ахъ! память у меня становится хоть брось.

Лестигонъ.

Павлина! свадьба гдѣ?

Павлина.

Не мудрые фасоны,
А папиньку съ упра въ отцы звалъ посажены
Какой-то копеистъ.

Лестигонъ.

Никакъ онъ вырылъ кладъ?

Дурыломъ.

Вишь деньги не твои. — Не бить ли ужь въ набатъ?
Сусанна, кто здѣсь былъ? — Чтожъ ты не отвѣ-
чаешь?
По Руски говорю, — иль ты не понимаешь?

Сусанна.

Готова я была вамъ, батюшка, сказать,
Что . . . .

Павлина.

Папинька, кудажъ прикажете дѣвать?

Дурыломъ.

Павлина, замолчи! — Вы всѣ никакъ рехнулись;
Дай ей договорить.

Лестигонъ.

Хоть разъ бы улыбнулись;
Сердиться всякой часъ лишь только портитъ
кровь
И гонитъ навсегда вонъ изъ дому любовь.

Дурыломъ.

Да этаго-то я весь вѣкъ свой добиваюсь;
Любовь есть сущій бредъ. — Я часто даже каюсь,

Что поводъ дѣтямъ далъ о страсти разумѣть.
Романовъ накупилъ, — теперь куда ихъ дѣть?
Любовь чума въ семьѣ, въ которой дѣвокъ много!

Лестигонъ.

Любви счастливой путь, и скатертью дорога!

Павлина. (Сестрѣ)

А намъ пришлось сказать: — аминь, и дѣлу край!

Дурыломъ.

Добьюсь ли, кто здѣсь былъ? — (Павлинѣ) Молчи и не мѣшай.

Сусанна.

Давно на языкѣ, сказать вамъ безъ обмана,
Что Радинъ заѣзжалъ.

Дурыломъ.

Къ чему не кстати рано?
А! видно между васъ давно соглашенось;
Однакожъ вамъ меня не провести, не бось!
Тебѣ за нимъ не быть, — даю честное слово.

Сусанна.

Несчастье для меня испытывать не ново;
Но ежели мнѣ быть за нимъ не суждено,
То въ бракъ вступить со мной всѣмъ будетъ мудрено.

Дурыломъ.

Такой же далъ отвѣтъ, что вижу я, въ романѣ
Какой нибудь Эгмондъ какой нибудь Марьянѣ.

Лестигонъ.

И вѣрно тамъ же есть, что какъ отецъ ни лихъ,
А дочь была за тѣмъ, кто суженой женихъ.

Дурыломъ.

Ты скоро дочерей со мной научишь драться.
Лѣтъ двадцать Лестигонъ какъ началъ съ нами знаться,

И вѣчно не могу тебя я отучить,
Чтобъ за носъ ты меня не пробовалъ водить.

Лестигонъ.

Дерзну ли я когда разсудкомъ вашимъ править,
И васъ въ числѣ людей обыкновенныхъ ставить?

Дурыломъ.

О небо! — Лестигонъ! — не дай всего сказать.

Лестигонъ.

Трагедію никакъ вамъ хочется сыграть.
Исполнить я готовъ боярску вашу волю;
Костюмовъ только нѣтъ, а впрочемъ знаю ролю.

Сусанна.

Хоть для ради меня уймися, Лестигонъ,
Для Радина.

Дурыломъ.

Моей рукой погибнетъ онъ!

Лестигонъ.

Піэса началась . . .

Павлина. (Отцу)

Увы, ma soeur зачахнетъ!

Лестигонъ.

Поширѣ станьте всѣ, — здѣсь смертной казнью пахнетъ.

Дурыломъ.

Что слышать ты меня привелъ, ужасной рокъ!
Еще ли жребій мой не досыта жестокъ?
Подите обѣ прочь, отъ глазъ моихъ сокройтесь!
Коль стѣнъ не стыдно вамъ, такъ Неба вы побойтесь!
На то ли васъ училъ и пѣть и танцовать,
И разнымъ языкамъ, чтобъ за мужъ отдавать
За жителей земли совсѣмъ непросвѣщенной,
Гдѣ клобной позабытъ уставъ мой несравненной!

Самъ Радинъ что за тварь? — Породы темной сынъ,
Ассессоръ безъ заслугъ, безъ знати дворянинъ.
Задонскія мои всѣ волости что скажутъ,
Когда въ моихъ зятьяхъ имъ Радина покажутъ?
Нѣтъ, нѣтъ, зимой въ Москву, — тамъ Графы и
Князья.

Павлина.

Графиней будешь ты . . . . Принцессой буду я!

Лестигонъ.

Теперь кинжалъ мнѣ въ бокъ за дерзкія измѣны,
И положенье лицъ прекрасное для сцены.

Дурыломъ.

Подите! — не могу я больше видѣть васъ.
(Они уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ 9.

Дурыломъ и Лестигонъ.

Лестигонъ.

Какъ свѣтъ стоитъ, такихъ не видывалъ проказъ.
Прекрасно съ дочерьми комедію играешь,
Морочишь ихъ съ лица, съ изнанки самъ стра-
даешь,
И думаешь, тебя совсѣмъ здѣсь не поймутъ;
Меня не проведешь: — въ умѣ твоемъ редутъ
Всѣ думы помутилъ. — Вотъ, не было печали,
Какъ люди говорятъ, да черти накачали.
Спокойся; на ушко скажу пріятну вѣсть:
Сегодни Старшины тебѣ воздастся честь.

Дурыломъ. (Въ сторону)

Уже ли правда то? — О радость! — восхищенье!
(Вслухъ)
Пустая лишь молва, которой разглашенье

Я ставлю ни во что. — Въ моихъ уже лѣтахъ
Спокойство находитъ не кстати въ суетахъ.

Лестигонъ.

Напрасно для меня схватился ты за маску;
Довольно на лицѣ твоемъ замѣтить краску,
Чтобъ видѣть, что ты весь отъ радости не свой.
Повѣрься мнѣ, съ души притворство все долой.

Дурыломъ.

Такъ, вижу, что не льзя скрываться мнѣ съ тобою;
Ты вѣчно вынешь все, что спрячу за душою.
Но вѣренъ ли сей слухъ? — Какъ свѣдалъ? — Отъ кого?

Лестигонъ.

Пустаго не скажу, ты знаешь, ничего.
Несется эта вѣсть съ обѣденнаго часа;
Она вѣрнѣй стократъ оракула *Халхаса.*

Дурыломъ.

Но кто такой *Халхасъ*? — Пожалуй безъ затѣй,
Оракулы всѣ прочь, скажи мнѣ поскорѣй,
Какіе вдругъ пути къ Директорству открылись?
Враги мои со мной еще не примирились;
Ихъ партія сильна, — примѣръ ужь былъ таковъ,
И въ ящикъ накладутъ мнѣ черныхъ тьму шаровъ.

Лестигонъ.

Все слажено; — но ты не говори ни слова.
На выборѣ взялся просить того, другаго
И мнѣніе людей важнѣйшихъ согласить
На то, чтобъ Старшиной тебѣ въ редутѣ быть,
И промаха не дастъ, — слуга твой безпримѣрной
Со всѣми въ клобѣ другъ, ходатай самой вѣрной.

Дурыломъ.

Ну, кто же?

Лестигонъ.

Отгадай.

Дурыломъ.

Чай Радинъ?

Лестигонъ.

Онъ и есть.

Каковъ же?

Дурыломъ.

Молодецъ. — Въ немъ видны разумъ, честь;
И истинно такихъ талантовъ превосходныхъ
Ни въ комъ не нахожу у нашихъ благородныхъ.

Лестигонъ. (Въ сторону)

Вотъ такъ-то въ жизни сей, любя свои мечты,
Мы всѣ и всякой день ворочаемъ листы.
(Въ слухъ)
Теперь, противъ него смягчивъ свою досаду,
Придумать долженъ ты и дочери награду.

Дурыломъ.

Конечно, точно такъ, — тотчасъ увижусь съ ней;
А ты спѣши въ редутъ, и хитростью своей
Пронюхай, какъ пойдутъ дѣла мои въ Собраньи,
Чего мнѣ ждать, — мои исполнятся ль желаньи:
Пожалуста узнай, и все мнѣ разскажи,
Что давній ты мнѣ другъ, сегодни докажи.

Лестигонъ.

Ты Радину, не мнѣ, обязанъ. . . .

Дурыломъ.

Знаю, знаю;
Скажи, что я его люблю и почитаю;
Что дочь моя, коль я сегодни Старшина,
Его . . . (Закашлялся)

Лестигонъ.

Ну, что потомъ? —

Дурыломъ.

Жена, сударь, жена!
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 10.

Лестигонъ. (Одинъ)

Поѣхать хлопотать! — Я буду радъ сердечно,
Когда свершу свой планъ; — вѣкъ жить не льзя безпечно.
Задонской дворянинъ хоть чванится казной,
Но смысломъ не богатъ, и сущій ноль душой.
Онъ тѣшитъ дочерей тряпьемъ и всякимъ вздоромъ;
Появится женихъ, — откажетъ всѣмъ соборомъ.
Сусанну подъ вѣнецъ пора, да и пора!
Павлина пригожа, но взбалмошна, скора;
Пусть опытомъ она свою познаетъ должность:
Терпѣнье нашъ урокъ, учитель осторожность!
Но какъ не хохотать надъ странностью такой,
Что для того, чтобъ быть въ редутѣ Старшиной,
Отецъ вѣнчаетъ дочь, и самъ въ своей неволѣ
Изъ бѣдъ двухъ лицъ творитъ счастливѣйшія доли?
О мудрость! аксіомъ ты вѣрной изрекла:
Нѣтъ худа безъ добра, и нѣтъ добра безъ зла.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Сусанна и Дурыломъ.

Дурыломъ.

Сусанна! я хочу поговорить съ тобою.
Давно пора твоей заняться мнѣ судьбою,
И чувствую, что ты съ такихъ уже лѣтахъ,
Въ которыя кипитъ огонь любви въ сердцахъ;
По совѣсти скажи, — я другъ тебѣ не ложной, —
Съ кѣмъ здѣсь находишь ты союзъ себѣ возможной?

Сусанна.

Сказавъ о томъ вамъ разъ, я видѣла вашъ гнѣвъ;
Чтожъ пѣсню повторять на тотъ же все напѣвъ?

Дурыломъ.

Прости, я иногда бываю очень занятъ,
И то и сё меня со всѣхъ сторонъ тиранятъ:
Тамъ ждутъ моихъ трудовъ торжественны вѣнцы,
Здѣсь просятъ моихъ рукъ печальны мертвецы;
Не знаю, какъ меня стаетъ еще доселѣ!
Урвавшись отъ суетъ, поговоримъ о дѣлѣ.
Кто нравится тебѣ изъ здѣшнихъ жениховъ?

Сусанна.

Отвѣтъ на сей вопросъ для васъ уже не новъ.
Одно скажу всегда, хоть это васъ тревожитъ:
Счастливою меня лишь Радинъ сдѣлать можетъ.

Дурыломъ.

Не спорю, — Радинъ здѣсь имѣетъ renommée,
Худаго слова нѣтъ о нравѣ, объ умѣ,
И я давно твою къ нему замѣтилъ нѣжность,
Его къ тебѣ любовь, къ услугамъ мнѣ прилѣжность;

Но Радинъ не такой породы человѣкъ,
Чтобъ знатностью своей украсить могъ твой вѣкъ.

Сусанна.

Для счастія на что вся суетность породы? —
Спокойной уголъ, другъ, и прелести свободы
Лестнѣе для моей чувствительной души,
Чѣмъ знатной алфавитъ. — И въ мирной той глуши,
Въ которой жить себя всегда приготовляла,
Родилася, росла и гдѣ передавала
Мнѣ силу нѣжныхъ чувствъ сама родная мать,
Къ чему породы мнѣ въ супружествѣ искать?
У трона ей цѣна, — вдали совсѣмъ другая;
Порода тамъ трофей, — химера здѣсь пустая.

Дурыломъ.

И вышелъ все романъ! — Ты лжешь сама себѣ.
Какъ будущее знать? — Быть можетъ и тебѣ
Сто случаевъ такихъ фортуна приготовитъ.

Сусанна.

Нѣтъ, батюшка! она въ потемкахъ насъ не ловитъ;
А я спокойной духъ такъ много берегу,
Что къ солнцу подъ лучи за ней не побѣгу.

Дурыломъ.

Добро, положимъ такъ, — пускай ты здѣсь загинешь,
И съ мужемъ обнявшись, вселенную всю кинешь;
Но Радинъ небогатъ; — безъ денегъ-то, мой другъ,
Не взмилится тебѣ и сладостной досугъ.
Со мною ты взросла на кремахъ, да на тортахъ,
Привыкла щеголять, брянчать на клавикордахъ;
А тамъ на столъ лапшу съ гусыней подадутъ,
Капоты всѣ прощай, adieu навѣкъ редутъ.

Сусанна.

Богатство на меня не дѣйствуетъ такъ сильно;
Гдѣ мало прихотей, тамъ въ нужномъ изобильно.

Сколь часто нищета сквозь пышности видна!
Довольства не даетъ сохранная казна;
И если пожелать, что въ разумъ ни попало,
Повѣрьте, всѣхъ владыкъ сокровищъ будетъ мало.

Дурыломъ.

Однакожъ хорошо, когда достатокъ есть;
Накупишъ и родни, друзей, — заслужишь честь.

Сусанна.

Гнилая та родня и всѣ знакомства въ свѣтѣ,
Которыя корысть имѣютъ на примѣтѣ;
Въ нихъ также какъ въ моряхъ приливъ свой и
отливъ:
Волна бѣжитъ туда, гдѣ самъ хозяинъ живъ.
При матушкѣ, когда вы праздники давали,
Друзьями были всѣ; — теперь, какъ перестали,
Хоть тѣ же люди здѣсь, — но ѣздитъ ли къ намъ кто?
Забросятъ карту разъ, и полно, да и то,
Когда денекъ хорошъ, дороги сухи, гладки;
Не правда ли?

Дурыломъ.

Все вздоръ, сударыня; — нападки!
Совсѣмъ не отъ того я въ городѣ запалъ;
Редутъ меня, редутъ проклятой доконалъ.
Когда бы кто нибудь въ немъ форсу снова наддалъ,
Увидѣла бы ты, какую пыль я задалъ.

Сусанна.

О Радинѣ никакъ у насъ вишь рѣчь зашла?

Дурыломъ.

На етомъ пунктѣ ты совсѣмъ съ ума сошла;
Подумай-ка путемъ: съ тобою въ чемъ онъ ро-
венъ?
А мнѣ всего тошнѣй, что онъ малочиновенъ.

Сусанна.

Рѣшась въ деревнѣ жить, … шоль чиновъ желать,
Чтобъ въ рамахъ за стекло.ъ сосѣдямъ показать

Патенты на стѣнѣ, и хвастаться въ гостиной
Пустыхъ своихъ заслугъ нарядною личиной?

Дуриломъ.

Ты все несешь свое! — Знай, у кого малъ чинъ,
Въ избѣ ли, во Дворцѣ, — тотъ жалкой господинъ.

Сусанна.

Какъ вамъ угодно! — Здѣсь отъ сердца повторяю,
Что въ мірѣ ни чиновъ, ни знати не желаю.
Дни вѣка своего безъ Радина сгублю;
По васъ я никого столь сильно не люблю!
Онъ честенъ, добръ, уменъ,—мнѣ нравиться умѣетъ.
За нимъ не много душъ — но душу самъ имѣетъ,
Которая во всемъ съ моею такъ сходна,
Что кажется у насъ у двухъ она одна.

Дуриломъ.

Твой Радинъ мнѣ какъ колъ сталъ въ горлѣ, — не проглотишь.
Ей! вспомнишь и мои слова, — да не воротишь.

Сусанна.

За тяжкой ставя грѣхъ себѣ прогнѣвать васъ,
Изъ воли вашей я не выступлю ни разъ;
Но долгъ велитъ сказать вамъ, — рано, или поздно,
За нимъ вездѣ мнѣ рай, — и адъ вездѣ съ нимъ розно.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Сусанна, Дуриломъ и Павлина.

Павлина.

Ахъ, папинька! — я къ вамъ, и съ новостью большой!
Витъ знаете ли? — Вы въ редутѣ Старшиной!

Дуриломъ.

Откуда, не слыхать, дошли такія вѣсти?

Павлина.

Такъ точно, я могу увѣрить васъ по чести.
Сусекиной одна дѣвченка къ намъ зашла;
Она на шемизетъ узорчики брала
У Диксманши, — а та ей какъ-то проболталась,
Что вамъ дѣйствительно въ Директоры досталось.

Дурыломъ.

Умѣла бы держать ты это про себя.

Павлина.

Да чтожъ тутъ за секретъ?

Дурыломъ.

Молчи, не до тебя!

Павлина.

Я думала, papa, вамъ этимъ подслужиться.

Дурыломъ.

Анъ худо разочла! — За чѣмъ такъ торопиться.
И Диксманша и ты, и дѣвочки всѣ врутъ!
Какъ могутъ они знать, кому шары кладутъ?
Не всякой вить молвѣ на свѣтѣ должно вѣрить;
Народъ вездѣ лукавъ, — умѣетъ лицемѣрить.
Нарочно иногда такую пустятъ вѣсть,
Чтобъ послѣ въ дураки ловчѣе было ввесть.

Павлина.

Какъ рада буду я, коль это справедливо!

Сусанна.

Ты сущее дитя!

Дурыломъ. (Въ сторону)
Какъ жду нетерпѣливо!

Павлина.

Я радости ma soeur семейной веселюсь.

Дурыломъ.

Вы кровь моя, отъ васъ ни въ чемъ не пощаюсь!
Такъ, дѣти! этотъ слухъ въ восторгъ меня приводитъ,
И сердце ходенемъ отъ радости все ходитъ!
Редутъ мнѣ здѣшній милъ, — онъ духъ животворитъ,
Директорской титулъ превыше прочихъ льститъ;
Мнѣ любо, признаюсь, размашистой рукою
Подписывать себя на картахъ Старшиною,
Печатать, раздавать, кому хочу, билетъ!
Какія суеты, когда даютъ банкетъ!
То тотъ меня, другой о распорядкѣ просятъ,
Всѣ кланяются, всѣ до неба превозносятъ!
И этаго-то я былъ счастія лишенъ!
Хлѣбъ въ душу мнѣ не шелъ, — и день и ночь смущенъ.
Но если не ступилъ на счетъ мой кто нарочно,
Коль вправду я опять Директоромъ. . . .

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же и Лестигонъ.

Лестигонъ. (Перебивая рѣчь)
Такъ точно!
Сомнѣнья въ етомъ нѣтъ!

Дурыломъ.

О верхъ моихъ утѣхъ!
О радостнѣйшій день!

Лестигонъ.

Съ тобою право смѣхъ.

Дурыломъ.

Скажи, любезной другъ, какъ это все стеклося?

Павлина.

Вы видите, мое пророчество сбылося.

Лестигонъ.

Все такъ произошло, какъ давича сказалъ.
Не вовсе безъ хлопотъ, но ихъ я отгадалъ;
И правду чтобъ сказать тебѣ чистосердечно,
Обязанъ одному ты Радину конечно.

Павлина.

Ma soeur vous entendez? — Да чтожъ ты такъ блѣдна?

Сусанна.

Не кстати пристаешь, — и шутка не смѣшна.

Дурыломъ.

Кто Радину помогъ?

Лестигонъ.

Любви всемощна сила!
Такіяль чудеса она производила?

Сусанна. (Въ сторону)

Достойнѣйшій мой другъ!

Дурыломъ.

Все это обинякъ.
Пожалуй разскажи въ подробности мнѣ, какъ
Шелъ выборъ въ Старшины?

Лестигонъ.

Не ужь ли ты не знаешь?
Или моимъ словамъ еще не довѣряешь?
Такъ слушайте!

Сусанна.

Едва я духъ перевожу!

Дурыломъ.

Молчитежъ, ни гу-гу!

Лестигонъ.

Всю повѣсть разскажу.
Тамъ нынѣ былъ обѣдъ, и всѣ перепилися,
По карточнымъ столамъ потомъ разобралися:
Кто въ вискъ, а кто въ бостонъ, — иной понтировалъ,
И пуншемъ каждой свой убытокъ запивалъ: —
Вдругъ въ залу прилетѣлъ, какъ воронъ ждущій крови,
Нашъ Радинъ, — сѣлъ въ углу и понасупилъ брови;
Межъ тѣмъ, какъ хмѣль свои вывѣтривалъ пары,
Диксманъ готовилъ столъ и ящикъ и шары.
Изъ всѣхъ домовъ тотчасъ съѣзжаться стали Члены,
И разныя въ лицѣ казались перемѣны.
Зашла о Старшинахъ неугомонна пря,
И всякой тутъ занесъ чуху свою на зря.
На Радинѣ лице румянцомъ заиграло,
Зардѣлся молодецъ, — и сердце воспылало!
Бросаяся ко всѣмъ, гдѣ крикнетъ, гдѣ шепнетъ,
Хвать ящикъ со стола, и самъ шары несетъ:
Отвагою такой собранье изумленно,
Неволею за нимъ какъ будто увлеченно,
Кидаетъ бѣлой шаръ тому, о комъ просилъ,
И Радинъ наконецъ свой подвигъ совершилъ!
Изъ ящика при мнѣ шары тамъ вынимали,
И Члены, ихъ сочтя, всѣ въ голосъ закричали:
Сто двадцать пять шаровъ! — Директоръ Дурыломъ!
Я бросился сюда. — Тамъ толкъ идетъ о томъ,
Кому явиться здѣсь отъ имени Собранья,
Вамъ Рѣчью возвѣстить о почести избранья.

Дурыломъ.

Хотѣлъ бы знать, кого нарядятъ на примѣръ?

Лестигонъ.

О выборѣ такомъ на выборъ и курьеръ
Пришлется — и я чай, что Радинъ, главной воинъ,
Одинъ лишь чести сей быть можетъ удостоинъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же и Сусекина.

Сусекина.

Узнавши сей моментъ. . . .

Лестигонъ.

Я васъ предупредилъ.

Сусекина.

Не можетъ это быть. — Мондоръ мой приходилъ
Въ поту какъ въ мылѣ весь, — меня въ испугѣ будитъ —
Легла было я спать: — ахъ, маминька! кто будитъ
Опять здѣсь Старшиной! — Узнайте! — Дурыломъ!

Дурыломъ.

Ай малой! мнѣ его отецъ бывалъ знакомъ.

Лестигонъ.

Надѣнь, сударь, кафтанъ; — такъ просто не годится
Принять къ себѣ посла.

Дурыломъ.

Да, надо нарядиться.
Прошу меня простить! — я выду на часокъ.
Что дѣлать, — суета! — а скинуть сертучекъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Сусекина, Сусанна, Павлина и Лестигонъ.

Сусекина. (Въ сторону)

Покажемъ, что и мы науку міра знаемъ;
Кому не льзя отмстить, того всегда прощаемъ.
(Въ слухъ)
Вы видите, что я не памятую зла.
Хоть тронули меня сегодни до зѣла;

Но случай не таковъ, — и безъ него бы вѣчно
Не помирилася я съ вами всеконечно.

Сусанна.

Сусекина! мнѣ жаль, что ты, начавши споръ,
Хотѣла съ нами вдругъ поссориться за вздоръ.

Лестигонъ

А что такое?

Сусанна.

Такъ, не стоитъ повторенья;
Не всякую вину исправитъ извиненье.

Лестигонъ.

Твои проказы знать, Павлинушка, мой свѣтъ?

Павлина.

Да!, — дѣло началось съ того, какихъ мы лѣтъ.

Лестигонъ.

О! съ дамами въ годахъ избави Богъ считаться.
Вамъ двумъ не будетъ ста, не правдаль?

Павлина.

Можетъ статься.

Лестигонъ.

По скольку же кому по розницѣ смѣкнуть?

Павлина.

Мнѣ минетъ . . .

Сусанна.

Ты опять пожаръ готова вздуть.

Лестигонъ.

Не ссорьтесь, и въ ранжиръ! — Я вижу депутаты
Директору несутъ регаліи богаты:
Ключи отъ погребовъ, и ящичекъ съ казной. —
Сусекина! — тебѣ не ѣхать ли домой?

Сусекина.

Ахъ, батька мой! за что немилость вдругъ такая?
Я также посмотрѣть хочу, какъ и другая.

Лестигонъ.

Чего?

Сусекина.

Какъ будутъ Рѣчь разсказывать ему;
Вить я таки, мой свѣтъ, хоть что нибудь пойму.

Лестигонъ.

Повѣрь мнѣ, что и тотъ, кто въ школахъ вѣкъ свой трется,
Въ торжественныхъ Рѣчахъ и толку не добьется!

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же и Радинъ; за нимъ Дворянинъ безъ словъ, Диксманъ и швейцаръ.

Радинъ. (Сусаннѣ)

Сегодни для меня день радости большой!
Да будетъ награжденъ мой трудъ своей цѣной,
И лютая судьба, преставши быть суровой,
Въ сей часъ намъ, можетъ быть, готовитъ жребій новой.

Сусанна.

Пріятно мнѣ себя той мыслію ласкать,
Что, можетъ быть, тебя супругомъ стану звать;
Но можетъ ли мнѣ быть въ тожъ время и не больно,
Что наглой шуткой здѣсь . . .

Радинъ.

Виновенъ я невольно!
Понятенъ мнѣ упрекъ любезнѣйшей моей;
Но могъ ли безъ того назвать тебя своей?

Увы! къ намъ времена толико были строги,
Что къ счастію не зрѣлъ иной себѣ дороги,
Какъ ту, которой я въ одинъ рѣшился мигъ
Ударить прямо въ цѣль, и можетъ быть достигъ.

Лестигонъ.

Достигъ; увѣренъ будь; — дано уже мнѣ слово.

Сусанна.

Какое? — отъ кого? — Не мучь ты насъ . . . :

Лестигонъ.

Отцово!
Теперь мнѣ объяснять все это недосугъ.

Сусанна.

О, какъ одолжены тобой, почтенной другъ!

Лестигонъ.

Что знаете о томъ, вы виду не кажите;
Составьте взоръ, лице, наружностію лгите:
Что дѣлать? — Радинъ пусть комедію свою,
Какъ въ клобѣ затвердилъ, при насъ сыграетъ всю;
Здѣсь въ домѣ все подъ часъ зависитъ отъ минуты,
И обстоятельства бываютъ очень круты.

Радинъ.

Да гдѣ же и не такъ? — и счастье и бѣда
Находятъ на людей отъ фарсы иногда,
И выше всѣхъ лепитъ, кто сладку пустошь мѣлитъ,
Или кто жестко спать — а мягко очень стелитъ.

Диксманъ.

Извольте по мѣстамъ, — идетъ нашъ Старшина;
Просторъ ему! — просторъ!

Радинъ.

Гдѣжъ Рѣчь? — А! вотъ она!

Лестигонъ.

Ну, Радинъ, возглашай! — мы всѣ протянемъ уши;
Пришлось никакъ играть Мольеровъ Мамамуши.

(Во время этой сцены между Лестигономъ, Сусанной и Радинымъ Павлина и Сусекина суетятся и занимаются приготовленіемъ покоя къ параду.)

ЯВЛЕНІЕ 7 и послѣднее.

Сусекина, Сусанна, Павлина, Дурыломъ, Радинъ и Лестигонъ.

(За ними поодаль дворянинъ, Диксманъ и швейцаръ. — Дворянинъ держитъ ящикъ съ казной, Диксманъ ключи на блюдѣ и билеты, швейцаръ съ своимъ жезломъ въ ливреѣ.)

Радинъ. (Важнымъ видомъ)

Въ собраніи Дворянъ давно носился гласъ,
Что титло Старшины похищено у васъ
Безъ права, безъ причинъ и въ слѣдствіе раздора,
Смутившаго чины гражданскаго собора;
Семнадцать слишкомъ лѣтъ твердили и твердятъ,
Что былъ при васъ редутъ торжественъ и богатъ,
Съ восторгомъ помнятъ всѣ дни вашего правленья;
Но зависть, не храня къ заслугамъ уваженья,
Когда, какъ бурный вѣтръ несется на кого,
Заразою все тлитъ дыханья своего! —
Подобны времена и въ Греціи бывали,
Невинныя не разъ въ подсолнечной страдали:
За правду Аристидъ изверженъ изъ Аѳинъ,
Извержены вы здѣсь такъ точно изъ Старшинъ!
Преемники по васъ толико важной власти
Редуту нанесли жестокія напасти:
Порядокъ весь изчезъ, — нарушенъ нашъ уставъ,
Жилищемъ сталъ крамолъ вседневной храмъ забавъ;
Отвыкли на пирахъ вкушать миндальны трубы,

И Членамъ за столомъ давали яствы грубы;
Казался слаще имъ монашескій укругъ;
Страдали чувства всѣ: вкусъ, зрѣніе и слухъ. —
Протекъ искусовъ годъ — и всякой восхищался,
Что выбору Старшинъ срокъ новой приближался;
Сегодни собрались — и каждое чело
Чистѣйшей радостью внезапно процвѣло:
Хотѣлось всѣмъ, чтобъ вы вновь были Старшиною.
И ящикъ и шары пошли въ походъ со мною; —
Шипѣли кое гдѣ змѣи издалека,
Но слава вашихъ дѣлъ какъ быстрая рѣка,
Въ ущелины загнавъ сихъ гадовъ ядовитыхъ,
Готовила позоръ для недруговъ сокрытыхъ. —
Въ Царьградѣ не бывалъ столь шуменъ иподромъ.
При имени твоемъ, почтенный Дурыломъ!
Летѣли въ ящикъ всѣ шары ко мнѣ на право,
И тотъ моментъ, когда я воскликнулъ величаво:
Директоръ Дурыломъ! вотъ бѣлыхъ сто шаровъ!
Моментъ сей, признаюсь, въ Собраньи былъ таковъ,
Что онъ въ лѣтописяхъ редутъ нашъ воспрославитъ,
Потомство нашимъ днямъ завидовать заставитъ.

Дурыломъ.

Отвѣтствовать теперь я съ духомъ не сберусь, —
Языкъ мой онѣмѣлъ; но внутренно горжусь,
Что честью взысканъ здѣсь толико превосходной!
Хотя я Дворянинъ законной и природной,
Хотя я на Дону имѣю семьсотъ душъ,
И множество скота, и яблонь тьма и грушъ,
Но въ знакъ усердныхъ чувствъ къ Собранью пресловуту
До гроба посвятить готовъ себя редуту.

Радинъ.

Теперь позвольте мнѣ отъ сердца изъяснить,
Сколь счастливъ я, что могъ вамъ титло возвѣстить,
Къ которому никакъ не льзя быть равнодушнымъ,
Признаніемъ когда дано единодушнымъ.

Дурыломъ.

Я чувствую вполнѣ всю цѣну тѣхъ услугъ,
За кои буду ввѣкъ вамъ искреннѣйшій другъ!
Оштравя этикетъ, поговоримъ сердечно.

Радинъ.

По сердцу вамъ готовъ принадлежать я вѣчно!
Оно, сударь, меня единственно влекло
Искать удачи въ томъ, что здѣсь произошло.

Сусекина.

Объ этомъ городъ весь сегодни же услышитъ.

Лестигонъ.

И всѣхъ подьячихъ онъ чѣмъ свѣтъ въ редутъ запишетъ.

Диксманъ. (Тихо)

Пришлось и мнѣ его опять решпектовать.

Дурыломъ.

Ну, Нѣмецъ! подступай. — Ты мастеръ вить болтать.

Радинъ. (Подводитъ Дворянина)

Товарища я вамъ представить честь имѣю.

Дурыломъ. (Тихо Радину)

Увольте отъ Рѣчей, — я ихъ не разумѣю.

Радинъ.

Угодно ли теперь вамъ вещи осмотрѣть,
Что въ вѣдѣньи своемъ обязаны имѣть:
Сохранную казну, билеты, списокъ баловъ....

Диксманъ.

Ключи отъ кладовой, застольной и подваловъ.

Дурыломъ. (Радину)

Покорнѣйше, сударь, за трудъ благодарю.
До завтраго . . .

Сусанна.

Узнать судьбу свою горю!

Диксманъ.

Прошу принять и мой поклонецъ всенижайшій!

Дурыломъ. (Осанисто и важно)

Тебѣ бы сдѣлать могъ я выговоръ стражайшій;
Для радости пардонъ. — Но просимъ не забыть:
Въ колодецъ не плевать, — случится въ немъ испить.

Диксманъ. (Иронически)

Я преданъ былъ всегда и буду всей душою!
При васъ пойдетъ редутъ манерою другою;
И славно будетъ все . . .

Дурыломъ.

Не старая пора!
Прощай, Monsieur Диксманъ. (Экономъ уходитъ.)

Лестигонъ. (Въ сторону)

Вездѣ, какъ у Двора,
Есть свѣчка дураку, кадило жгутъ уроду,
И чванамъ и льстецамъ нигдѣ нѣтъ переводу.

Дурыломъ.

Теперь чины всѣ прочь. — Шампанскаго! бокалъ!
Поздравьте всѣ меня, — опять я паномъ сталъ.

Сусенина.

Бывало я въ редутъ ни разу не сберуся;
Теперь не пропущу, — и на годъ запишуся.

Дурыломъ.

Вотъ такъ-то, нашихъ знай! — Такъ, барыня, люблю!
Ранехонько съ утра къ вамъ съ Диксманомъ пришлю
За подписомъ своимъ билетецъ на починѣ.

Сусенина.

Завистниковъ моихъ число прибудетъ нынѣ.

Сусанна. (Въ сторону)

И больно, и смѣшно, и весело — все вдругъ.

Дурыломъ.

Да чтожъ ты, Лестигонъ, задумался, мой другъ!

Лестигонъ.

Я жду, чтобы твои бокалы показались.
Однакожъ, братъ, вить мы еще не расквитались;
Я Римскую люблю пословицу твердить:
Давъ слово Дворянинъ, въ немъ стоекъ долженъ быть.

Дурыломъ.

Павлина, прикажи ты старому Ефрему,
Чтобъ подалъ намъ ужо хорошенькаго крему.

Лестигонъ.

Да кстати слова два примолвьте о купьѣ.

Дурыломъ.

Спасибо, что объ ней напомнили вы мнѣ.
Хотя не до того, признаться въ этомъ можно,
Но все таки свой долгъ позабывать не должно;
Я радость и печаль въ одно совокуплю,
На свадьбу попаду, — и вынось не просплю.

Сусекина.

Великой мужъ вездѣ занятіе находитъ.

Лестигонъ. (Въ сторону)

Какой тому досугъ, кто вѣчно колобродитъ.

Радинъ.

Прекрасная вездѣ видна души черта!
Полезнымъ быть для всѣхъ — похвальна суета!

Лестигонъ.

Но что ни говори, а подарить-то надо
За добру вѣсть посла!

Радинъ.

Быть имъ — моя награда!

Лестигонъ.

Прекрасныя слова, — вездѣ слыхалъ ихъ я;
Но баснями у насъ не кормятъ соловья:
По Руски, Дурыломъ, ты съ нами обходися,
И слова не давай, а давши — такъ держися.

Дурыломъ.

И кстати вотъ бокалъ. — Да, сколько ни толкуй,
Пришлося видно пѣть: — Ісаіе ликуй!

Лестигонъ.

Рѣшись и объявляй, — на что такъ долго вздоришь!
Гдѣ сердца данъ приказъ, уму не переспоришь.

Дурыломъ.

И такъ поздравьте всѣ невѣсту съ женихомъ;
Во мзду за то, что ты обрадовалъ мой домъ,
Сусаннѣ быть твоей женою позволяю,
Досады позабывъ, причину ихъ прощаю.

Лестигонъ. (Пьетъ здоровье)

Прекрасно подарилъ! — Виватъ, нашъ Старшина!
Налей мнѣ пополнѣй; я выпью весь до дна.

Сусанна.

Ахъ, батюшка! моглаль я ждать такого счастья?

Лестигонъ.

Пріятнѣй солнца намъ по многихъ дняхъ ненастья.

Радинъ.

Чѣмъ можемъ мы воздать, дражайшій нашъ отецъ,
За нѣжной сей союзъ влюбленныхъ двухъ сердецъ!

Дурыломъ.

Ну, пейте, пейте, знай! — вино сударь прекрасно;
Смотрите, какъ кипитъ!

Радинъ.

Любить такъ буду страстно!

Сусанна.

Меня, меня одну, — и будетъ каждой часъ
Казаться рай отверстъ, мой милой другъ, для насъ!

Лестигонъ.

Онъ счастливѣй теперь Владыки Испагана.

Павлина.

Рара, я молода, рѣзва, мнѣ замужъ рано;
Однакожъ и меня вамъ должно подарить.

Дурыломъ.

На радости такой Павлину какъ забыть?
Чегожъ тебѣ? Тюрбанъ? —

Павлина.

Нѣтъ, бѣленьку бумажку;
Я шпенсеръ закажу, куплю себѣ фуражку,
И выѣду верьхомъ, чтобъ весь кричалъ базаръ:
Смотри, какой летитъ пригоженькой гусаръ!

Дурыломъ.

Ребенокъ! — какъ молоть ты дряни не соскучишь!
Фуражки не бывать, — а денежки получишь.

Сусенина. (Съ бокаломъ)

Дай Богъ вамъ жить, да быть, да дѣтокъ наживать,
А вамъ здѣсь Старшиной безсмѣнно вѣковать.

Дурыломъ.

Такіе Старшины, за келью здѣсь признаться,
Вѣками на Руси, Сударыня, родятся.

Лестигонъ.

Дошолъ и моего привѣтствія чередъ.
Желаю, чтобы вы и нынче и впередъ

Свершили весь вашъ вѣкъ вполнѣ благополучно,
Сердцами за одно, другъ съ другомъ неразлучно;
Дѣтей своихъ, внучатъ успѣли воспитать,
И чувства имъ свои прекрасны передать!

Радинъ.

Я слово не найду мое благодаренье
Столь живо изъяснить . . . .

Сусекина.

Какое восхищенье!

Дурыломъ.

Восторга своего вмѣстить я не могу!

Радинъ. (Сусаннѣ)

А я лишь для тебя всѣ чувства берегу.

Сусанна.

Гдѣ общая любовь, начало тамъ блаженства.

Лестигонъ.

Такъ точно, безъ любви ни въ чемъ нѣтъ совершенства,
И слабостямъ своимъ, хоть видима бѣда,
Кто дани не платилъ на свѣтѣ иногда?
У всякаго конекъ. — Но тотъ, кто безъ искусства,
Подобно какъ и ты, въ избыткѣ сладка чувства
Умѣетъ дни другимъ пріятные дарить,
Сноснѣе для меня, коль правду говорить,
Чѣмъ геній естества, котораго всѣ страсти
Колеблютъ цѣлой міръ и строютъ лишь напасти.

Дурыломъ.

Разскащикъ хоть куда, — за то его и взять.
Добро, пойдемъ за столъ. — Ну, будущій мой зять,
Посмотришь, какъ свой чинъ за ужиномъ прославлю:
Миндальную трубу съ узорами поставлю.

Наѣмся, и въ постель. — Ужь то-то оддохну;
Годъ цѣлой такъ не спалъ, какъ въ эту ночь засну.
Поплакали, — пора приняться и за шутки.

Лестигонъ.

Сумятицей такой начавъ и кончивъ сутки,
Останется желать хорошаго всѣмъ сна.

Дурыломъ.

Есть правда на землѣ, — когда я Старшина!!!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО И ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ОТЧАЯНІЕ БЕЗЪ ПЕЧАЛИ,

или

ТАКЪ ВОДИТСЯ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Печатана съ дозволенія Министерства
Полиціи
Декабря 7 го 1817 года.

Эту комнатную піэсу написалъ я въ угодность одному пріятельскому обществу, котораго имѣлъ нѣкогда удовольствіе быть членомъ. Картина людскихъ обычаевъ того времени дала мнѣ матеріалы; но работа была безуспѣшна, потому что ее нѣсколько разъ читали, а ни одного не играли изъ уваженія къ благопристойности. Не успѣлъ я ее сочинить, какъ дѣйствительно умеръ одинъ родственникъ того семейства, куда собирался кругъ нашъ. Тогда располагались давать на театрѣ того общества благородной спектакль; я самъ былъ въ числѣ актеровъ. Въ назначенный для зрѣлища день пріѣзжаю я въ театръ; со мною вся моя гардероба. Уже предвкушалъ я то удовольствіе, которое производятъ рукоплесканіе зрителей и восторгъ сотоварищей, какъ вдругъ усастой швейцаръ объявляетъ мнѣ, что театръ отказанъ. Какъ? — отъ чего? — На мильонъ вопросовъ слышу одинъ отвѣтъ: „такой-то скончался." Между тѣмъ я уже въ гостиной, сопровождаемъ сомнѣніемъ; — тамъ увѣрился я наконецъ, что и подлинно наша комедія не состоится, и что покойникъ слишкомъ близкой дому родня, чтобъ можно было забавляться тогда, какъ около изсохшаго туловища его приготовляется зрѣлище совсѣмъ другаго рода. Quel guignon! сказалъ я; однако гардеробу отослалъ домой, глаза поту-

пилЪ внизЪ и сѣлЪ у печки. О, какую бы написалЪ я тогда, по мнѣнію моему, славную Диссертацію на счетЪ предразсудковЪ, естьлибЪ имѣлЪ я перо и досугЪ заниматься вмѣсто живыхЪ, меня окружавшихЪ, мертвымЪ! — Подлинно! — ОнЪ никогда не ѣзжалЪ вЪ этотЪ домЪ, не извѣстенЪ былЪ лѣтЪ 30 уже никому, и вспомнили вЪ Московской публикѣ о существованіи его нѣкогда вЪ ней по тому только, что обЪявленіе о смерти его было какЪ бы афишей, затворившей входЪ вЪ театрЪ всѣмЪ тѣмЪ, кои кЪ оному сЪ билетами подЪѣзжали, — а прекращать удовольствіе общее для смерти частнаго человѣка, котораго едва ли жаль кому нибудь, казалось мнѣ тогда самымЪ безразсуднымЪ дѣломЪ; но вЪ свѣтѣ водится поступать иначе, и свѣтЪ передѣлать трудно; — а потому станемЪ соображаться сЪ его обычаями, доколѣ они еще не болѣе тягостны, какЪ отмѣна комедіи. — И такЪ скоропостижная смерть дяди сдѣлала не возможнымЪ представленіе моей комедіи, потому что, хотя она написана была гораздо прежде его кончины, и конечно я не одаренЪ былЪ, писавши се, волшебнымЪ вдохновеніемЪ, однако многіе могли бы подумать, что она сложена послѣ, и что дядюшкино преставленіе подало причину комедіи. — Мое самолюбіе не доходило до той степени, чтобЪ потребовать пожертвованія себѣ сего подозрѣнія, и естьли оно обратилось только вЪ предлогЪ кЪ отказу разыграть та-

кую піэсу, которая кромѣ того недостойна была никакого вниманія, то я долженъ пріятелямъ моимъ остаться обязаннымъ навсегда и за то, что они такъ нѣжно пощадили авторскую щекотливость. — Вотъ исторія сей комедіи! — Естьли почитать справедливымъ то, что мы наслаждаемся жизнію гораздо болѣе въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ, нежели ощущеніемъ настоящаго, относя мысль сію къ однимъ забавамъ, то можетъ быть старые мои друзья прочтутъ комедію эту въ печати съ нѣкоторымъ чувствомъ удовольствія, въ лестномъ ожиданіи чего я умножилъ ею послѣднюю Часть моихъ сочиненій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГОСПОЖА ИНДОЛАНТОВА.

МАННА ЕВТРОПОВНА САМОПРЯДОВА.

АМУРА АПОЛЛОНОВНА ИСКОРКИНА, дочь ея.

Г. БОСТОНКИНЪ, игрокъ.

Г. МАЗУРКИНЪ, франтъ.

ВИКУЛЪ МЕРКУЛЫЧЬ ЗАСЫПАЕВЪ, bel esprit.

ГОСПОДИНЪ КОМИФО.

ШВЕЙЦАРЪ.

ПАРАША, служанка.

ПАРИКМАХЕРЪ ФИЛЬКА.

Дѣйствіе въ домѣ Гжи. Индолантовой.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Театръ представляетъ будуаръ Гжи. Индолантовой, въ которомъ всякое щегольство комнатнаго убранства придумано. Она лежитъ на дюшесѣ и почиваетъ; проснувшись, звонитъ, и начинаетъ сцену.

Индолантова. Ахъ! какъ я долго проспала! Параша! чтожъ ты меня не разбудила?

Параша. Я, сударыня, и не знала, что вы започивали; я васъ оставила за книгой.

Индолантова. Которой часъ?

Параша. Еще рано; только семь часовъ било сію минуту.

Индолантова. Не былъ ли кто здѣсь?

Параша. Тотчасъ, сударыня, спрошу Швейцара.

Индолантова. Позови его самаго.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Индолантова, сперва одна, потомъ входятъ Параша и Швейцаръ.

Индолантова. Нѣтъ! всѣ эти книги мнѣ не нравятся. Гжа. Радклифъ пугала привидѣніями, а нынѣшнія сочинительницы на Метафизикѣ съ ума сошли. Я хочу читать что нибудь повеселѣе; я и такъ часто въ ипохондріи. Какъ душно здѣсь, что ужасть. Подойди сюда. Кто здѣсь былъ?

Швейцаръ. Пріѣзжали, Сударыня, молодые господинъ Развѣпчаевъ съ супругою, и оставили карточки.

Индолантова. Ахъ! какіе они несносные! (Берешъ билешы) Дай сюда!

Швейцаръ. Викулъ Меркуловичъ заѣзжалъ, и велѣлъ доложишь, чшо чрезъ часъ онъ къ вамъ будешъ, а шеперь де, Сударыня, не досугъ, — ѣду на скачку.

Индолантова. Ахъ! какой онъ шошной!

Швейцаръ. Сей часъ принесли письмецо ошъ вашей сесшрицы.

Индолантова. Чшожъ шы мешкалъ мнѣ его подашь; шы долженъ былъ эшимъ начашь глупую свою реляцію. Поди. — Какіе люди! Они шакъ глупы, чшо имъ ничего не вшолкуешь. (Чишаешъ) „Я спѣшу, моя милая Cousine, шебѣ сказашь, чшо завшра маскерадъ; шы догадываешься у кого. Ахъ! ma chere, выпроси у Maman, чшобъ она меня avec vous шуда ошпусшила; шамъ будушъ славносши, o vous n'avez pas d'idée, чшо эшо шакое будешъ! Сегодни меня Maman завезешъ chez vous, чшобы ѣхашь на балъ. Adieu, je vous embrasse.“ — Я хочу бышь damnée, ежели я знаю, у кого эшошъ балъ; ma cousine шакая верченая, чшо эшо удивишельно. — Параша!

Параша. Чего изволише, сударыня!

Индолантова. Пригошовь мнѣ имаранъовое плашье; да кликни парикмахера поправишь на головѣ.

Параша. Тошчасъ, сударыня!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Начинается туалетъ Гжи. Индолантовой. Парикмахеръ ее чешетъ, Параша поминутно то за тѣмъ, то за другимъ бѣгаетъ. Швейцаръ анонсируетъ Засыпаева.

Швейцаръ. Господинъ Засыпаевъ...

Индолантова. Зови сюда. Ахъ! здравсшвуй мой милой! Я знаю, чшо шы ко мнѣ заѣзжалъ.

Гдѣ былъ, что видѣлъ? Усядься хоть на минуту и все мнѣ разскажи.

(Во время этой сцены Индолантова, не внимая рѣчамъ Засыпаева, отвѣчаетъ ему на вѣтеръ и занимается своею ческой.)

Засыпаевъ. Куда бы я ни шелъ, кудабъ ни заѣзжалъ,
Подобной бы я вамъ нигдѣ не отыскалъ.

Я былъ, сударыня, на скачкѣ; ахъ! какъ тамъ скучно! вы себѣ вообразить не можете. Одна лошадь другую погоняетъ, такъ insipide, что мочи нѣтъ! Правду сказать, въ Москвѣ часъ отъ часу тошнѣе, и я готовъ хоть застрѣлиться.

Индолантова. Пожалуй-ста послѣ балу, а не теперь; ты мнѣ сдѣлаешь, mon coeur, истерику, и я потеряю случай провальсировать пріятно цѣлую ночь. — Долго ли тебѣ драть волосы? —

Парикмахеръ. Да вѣдь я, сударыня, не философъ, кругъ пальца не обернешь.

Индолантова. Онъ же и умничаетъ. Какъ ты глупъ; прошу молчать и дѣлать свое дѣло.

Засыпаевъ. Что, сударыня, ежели бы я и впрямь застрѣлился, вамъ бы жаль меня было только изъ приличія.

Индолантова. Конечно! Въ какомъ же свѣтѣ ты живешь? Пишешь des vers всякую минуту, и до сихъ поръ не знаешь, что первое правило общежитія состоитъ въ томъ, чтобы сердце похоже было на вѣтреную мѣльницу, и управлялось однимъ зефиромъ. А, кстати! Господинъ ученый! какъ сказать Zephyr по Руски?

Засыпаевъ. Не уже ли вы думаете, что для меня всякому Французскому слову нужно истолкованіе? Вы забыли конечно пѣсенку, которую я вамъ поднесъ на вашемъ любимомъ нарѣчіи?

Индолантова. По ней-то я и сужу, что ты меня безъ переводу не поймешь.

Засыпаевъ. Смѣйтесь, сударыня, смѣйтесь надъ моимъ невѣжествомъ; но кто при васъ не подверженъ затмѣнію.

Индолантова. Ахъ! слышалъ ли ты о сегоднешнемъ балѣ?

Засыпаевъ. Не только слышалъ, но и званъ; Тамъ будутъ, говорятъ, и танцы и огни, Сюрпризы безъ числа и радости одни. —

Индолантова. Ты не можешь вообразить, какъ все это будетъ intereſsant.

Засыпаевъ. А съ кѣмъ вы ѣдете? — Нельзя ли мнѣ пожаловать мѣстечко въ вашей каретѣ?

Индолантова. Нѣтъ, право; вѣришь ли, что насъ и такъ шестеро въ каретѣ: я, ma cousine, — ея cousin, дядюшка. . . . .

Засыпаевъ. А все четверо; — потомъ?

Индолантова. Можетъ быть еще кто нибудь набѣжитъ.

Засыпаевъ. Да я, кажется, и очень набѣжалъ.

Индолантова. Полно, mon chér, пустяки говорить. Посмотри, тамъ на столикѣ новые стихи лежатъ; сегодни только ихъ ко мнѣ прислали, самые свѣженькїе.

Засыпаевъ. Чьего сочиненїя?

Индолантова. Прочти напередъ, а тамъ я и скажу. (*Парикмахеру*) Какъ ты меня тиранишь! Будетъ ли конецъ?

Засыпаевъ. Извольте слушать:

Видалъ ли дамъ на нашъ манеръ,
Когда онѣ между собою
Кричатъ, сцѣпясь одна съ другою:
Ахъ! я въ отчаяньи, ma chère!

Я пари держу, что ихъ написалъ Г. Комифо; вездѣ желчь и насмѣшка.

Индолантова. Анъ не отгадалъ; мнѣ ихъ прислала Бездѣлушкина; она ихъ вырѣзала изъ книжки, которую ей поднесъ Любушкинъ, а издатель ея Дружбининъ.

Засыпаевъ. Ахъ, какая исторія! Скажите-ка мнѣ лучше, какова вамъ кажется выпущенная мною на свѣтъ пѣсня? *(Сказываетъ куплетъ)*

Все прекрасно я сказалъ,
И къ селу мой путь направилъ;
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ я Лизаньку оставилъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣже и Комифо.

Комифо. Какъ это, по сію пору вы дома и еще не убраны? Я удивился, найдя у васъ карету; скоро восемь часовъ, и вы еще не на балѣ?

Индолантова. Кто же такъ рано на балъ ѣздитъ? Сверхъ того, я жду кузины; а между тѣмъ прекрасные слышу стихи.

Комифо. На какой сюжетъ?

Индолантова. Какъ можно спрашивать! На любовь, сударь, на любовь! Разскажи пожалуй еще!

Засыпаевъ. *(Перечитываетъ.)*

Комифо. Не ваши ли они, сударь?

Засыпаевъ. Отгадали. — — —

Комифо. Прекрасные; — Авторъ ихъ конечно похвалы достоинъ.

Засыпаевъ. Я весьма вамъ благодаренъ.

Комифо. Конечно за Автора?

Засыпаевъ. Однако въ самомъ дѣлѣ поздно; — мнѣ еще надо въ одно мѣсто завернуть до балу. Скоро опять увидимся, сударыня. Бога ради пріѣзжайте на балъ поранѣе!

Тамъ безъ васъ, какъ безъ души,
Мы скучать лишь только станемъ;
Ахъ! пожалуй не круши!
А не то мы всѣ завянемъ.

Индолантова. Я и такъ всегда другихъ жду.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Индолантова и Комифо.

Индолантова. Понялъ ли онъ твою насмѣшку на его счетъ?

Комифо. Я право этаго не примѣтилъ.

Индолантова. Ну, сударь, безпрестанной нравоучитель, куда ты денешься, на балъ, или на валъ?

Комифо. То есть кто ни туда, ни сюда не попадетъ, тому ужь и дѣваться некуда? Ошиблись, сударыня; я поѣду отъ васъ домой, погуляю по саду, отужинаю, и лягу спать.

Индолантова. Ахъ, какой несносной! Жалость, жалость! Ты по чести на себя блажь напустилъ; — какъ это можно на балъ не ѣздить и отъ публики бѣгать?

Комифо. Я, сударыня, ни отъ кого не бѣгаю; а не ѣзжу въ ваши большія собранія для того, что ни я отборному свѣту, ни онъ мнѣ ни на что не надобенъ. Въ карты я не играю, танцовать отвыкъ, чтожъ я тамъ буду дѣлать?

Индолантова. Какъ что? Тамъ такъ много оккюпацій для всякаго пола и возраста; но у тебя какой-то amour propre находить все ридикюльнымъ, что другимъ нравится.

Комифо. Повѣрьте, что подобное дурачество мнѣ и въ голову не входитъ. Только скажите же мнѣ и вы, много ли между такъ называемыми умными людьми найдете вы людей благоразумныхъ?

Индолантова. Развѣ это не la même chose?

Комифо. Думаю, что нѣтъ; потому что умными часто слывутъ и злодѣи, а благоразумными они конечно не бываютъ.

Индолантова. Параша, подай сюда письмецо моей кузины; прочти пожалуста! — Завтра маскерадъ, и ты, что хочешь пой, только надѣвай маску и будь мой кавалеръ.

Комифо. Охотно съ тѣмъ только, чтобы не ѣхать домой ночью, — я боюсь потемокъ.

Индолантова. Какая abomination! — Да этаго опасаться впрочемъ нечего; мы конечно тамъ дождемся утра.

Комифо. А на этомъ договорѣ еще меньше согласенъ. Хотя я и увѣренъ, что вы всякой безпорядокъ умѣете сдѣлать пріятнымъ, однако . . .

Индолантова. Однако я никакой не люблю контрадикціи; прочти и ни слова больше.

Комифо. (*Читая, говоритъ*) Скажите, за что такія прекрасныя дѣвушки, какъ ваша сестрица, думаютъ, что коли онѣ письмо напишутъ по Руски, такъ онѣ провинятся; или вы ставите себѣ простительнымъ недостаткомъ, и даже превосходнымъ дарованіемъ не умѣть ни читать, ни писать, потому что вы любезны?

Индолантова. Все мораль! — Какъ ты мнѣ надоѣлъ! Тѣмъ-то, сударь, мы и головы вамъ кружимъ.

Комифо. А безъ того вы бы насъ привязывали.

Индолантова. Не о томъ рѣчь; чтожъ въ маскерадъ ѣдешь ли?

Комифо. На этотъ? Нѣтъ, потому что я къ нимъ въ домъ не ѣзжу.

Индолантова. Какъ! Да давно ли ты отъ нихъ былъ безъ ума; бывало, что слово, то объ нихъ. Или я ошибаюсь. Мнѣ кажется, этотъ балъ собираетъ Богачевской.

Комифо. Точно такъ; но развѣ я не человѣкъ, и не могу заблуждаться? — Они мнѣ неосторожно дали почувствовать своимъ обращеніемъ, что я имъ не на иное что былъ надобенъ, какъ на ихъ забавы; а такъ какъ я не ремесленникъ, котораго отпускаютъ, когда онъ свою работу кончилъ, то я пересталъ къ нимъ ѣздить прежде, нежели они успѣли мнѣ показать, что я у нихъ лишній.

Индолантова. Ужь ли ты на нихъ сердишься?

Комифо. О, нѣтъ, сударыня, право нѣтъ, я никогда не требую невозможнаго; — всякой обходится такъ, какъ онъ смыслитъ, и что ихъ на другое обращеніе не стало, въ томъ не они, а натура ихъ виновата.

Индолантова. Какъ ты милъ, что ужасть! Видѣлъ ли новые стишки на женщинъ?

Комифо. Какіе? —

Индолантова. Вотъ они. —

Комифо. (*Прочтя про себя*) Не Гнъ. ли Засыпаевъ ихъ сложилъ?

Индолантова. Конечно нѣтъ; у него есть замашка выдавать себя сочинителемъ чужихъ произведеній, такъ какъ и давишняя пѣсня вѣрно не его пера.

Комифо. Что не онъ ее сочинилъ, въ томъ я васъ могу увѣрить, — я знаю ихъ Автора; онъ имѣетъ прекрасной талантъ. Да хотите ли объ закладъ, что онъ и эти стихи за свои выдастъ?

Индолантова. Не спорю, je connois mon homme.

Комифо. Странной обычай всегда въ чужія лица наряжаться.

Индолантова. Вѣчной маскерадъ; ужь ему то par exemple никогда не скучно.

Комифо. Однако я у васъ засидѣлся; прощайте, — девятой часъ.

Индолантова. Нѣтъ, я до тѣхъ поръ тебя не отпущу, пока сама со двора не поѣду. — (*Парикмахеру*) Уже ли совсѣмъ?

Парикмахеръ. Готово. — —

Индолантова. Параша, я иду одѣваться. Пожалуста подожди меня, и ежели пріѣдетъ кузина, или кто-нибудь, такъ faites les honneurs за меня. (*Швейцаръ подаетъ записку*) Отъ кого? —

Швейцаръ. Отъ Амуры Аполлоновны.

Индолантова. (*Читая*) „Я въ отчаяніи, ma cousine; ma mere prie, чтобы вы къ ней заѣхали, — у ней какъ-то старинная amie и ей некогда меня завезти chez vous; ma charmante, mon adorabe,

сдѣлай эту amitie. Ахъ! какъ я грифонирую. Adieu au revoir.“

Комифо. Записочка въ самомъ послѣднемъ вкусѣ. (*Смѣется.*)

Индолантова. Я отъ балу два шага, а поѣзжай къ нимъ, Богъ знаетъ куда, на край свѣта! Ей Богу, моя тетушка престранной человѣкъ! Нѣтъ, я къ нимъ напишу, чтобы она прислала ко мнѣ кузину съ няней, естьли одное отпустить не смѣетъ; нѣтъ ничего несноснѣе этихъ старыхъ прюдовъ. Еще посолъ, еще записка.

Комифо. Сегодни у васъ никакъ дожжикъ письменной.

Индолантова. Я ужь ничего не разберу; — lisez пожалуста, что тамъ еще такое.

Комифо. La visite est finie; какъ я рада, maman, тотчасъ fera chez vous.

Индолантова. Не уже ли обѣ записки вдругъ пришли?

Швейцаръ. Минутъ черезъ пять одна послѣ другой.

Комифо. Видно вашей кузинѣ очень суетно.

Индолантова. Ахъ! естьлибъ ты зналъ, какъ мнѣ недосугъ! Ну, Параша, одѣваться, одѣваться. — Ты не уѣдешь однако, я надѣюсь.

Комифо. Не опасайтесь, у меня нѣтъ такихъ страшныхъ недосуговъ, чтобы я не могъ еще у васъ посидѣть. Странной обычай! Днемъ спать, а ночь всю пропрыгать; — и что они пріятнаго находятъ въ такомъ безпорядкѣ, не понимаю. Всѣ люди съ умомъ толкуютъ имъ, что это предосудительно, медики увѣряютъ, что вредно для здоровья, ни одна путная книга нынѣшнихъ обрядовъ не хвалитъ, злорѣчіе кидаетъ въ нихъ поминутно язвительныя стрѣлы, и при всемъ томъ жены наши и дочери успѣли выворотить все на изнанку; вотъ и удальцы бонъ тону зачали сюда слетаться! Посмотримъ издали на ихъ любезность.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Комифо, Бостонкинъ и Мазуркинъ.

Мазуркинъ. По чести, братецъ, моей мочи нѣтъ, а еще надобно скакать на балъ и всю ночь котильонить. Слуга вашъ, сударь; а гдѣ Гжа. Индолантова?

Комифо. Она тотчасъ выйдетъ, пошла одѣваться.

Бостонкинъ. Представьте же себѣ, что мнѣ надобно еще сыграть нѣсколько туровъ въ бостонъ у одной имянинницы, да на балъ поспѣть.

Комифо. Когдажъ это будетъ? около утра, я думаю?

Бостонкинъ. Чтожъ прикажете дѣлать? — Не поспѣть — вездѣ сѣтуютъ, поспѣть — способу нѣтъ; живучи съ людьми большаго свѣта, надобно подлаживать ихъ обычаю.

Мазуркинъ. Вообразить не льзя, что я сегодни обскакалъ; это удивительно!

Бостонкинъ. А я-то гдѣ былъ, — это невѣроятно!

Мазуркинъ. Сперва дернулъ въ строй, изъ строя къ разводу, обѣдалъ у Шефа, послѣ обѣда былъ на скачкѣ, оттуда въ театръ, и чуть засталъ комедію. Ахъ, какъ мерзко играли, этого разсказать не льзя! Какъ смѣнить съ Парижемъ! Вы вѣрно видали Talma и du Chenois parlez moi de cela; а здѣсь гадко, мерзко. Изъ театра съѣхались мы съ нимъ на валу. Жаль, что и ѣздили; тамъ никого нѣтъ, опричь этаго сочинителя, какъ бишь, Викулъ — — — ахъ! да, — вотъ, Засыпаевъ, которой стихи какіе-то намъ свои читалъ; да лишь только прочелъ, я ударился скакать сюда. Спасибо, что коротки, — отсюда на балъ; лошадей совсѣмъ измучилъ. Да что объ нихъ говорить, это скотъ, они же ямскія.

Комифо. О! такъ стало быть они совсѣмъ другой натуры; вѣдь ямскія лошади никогда не устаютъ, не такъ какъ свои. —

Бостонкинъ. Нѣтъ, сударь, моетто вообразите положеніе; я вездѣ тамъ же былъ, гдѣ онъ, да сверхъ того въ одномъ домѣ сыгралъ 24 тура въ бостонъ, — индо въ глазахъ зарябѣло.

Мазуркинъ. За то вѣдь ты братецъ слывешь хватикомъ; à propos, видѣлъ ли ты новомодную кадриль?

Бостонкинъ. Вотъ хорошо; а вчерась-то мы вмѣстѣ ее репетировали.

Мазуркинъ. Ахъ! да бишь, comme je suis bete!

Комифо. (*Беретъ книгу.*)

Бостонкинъ. Чтожъ мы здѣсь будемъ дѣлать? Поѣдемъ!

Мазуркинъ. Она тотчасъ выдетъ, и la cousine скоро сюда будетъ; — ахъ! какая она распремилая!

Бостонкинъ. Божество. — — . —

Мазуркинъ. Которой ты съ ней танцуешь контрдансъ?

Бостонкинъ. Второй.

Мазуркинъ. А я мазурку.

Бостонкинъ. Что это какъ несносно танцуетъ Мигалова! Я бы ей заказалъ вовсе на балы ѣздить; совсѣмъ вальсировать не умѣетъ.

Мазуркинъ. Нѣтъ ужь, братецъ, какую я вчера подцѣпилъ танцовщицу, вотъ окказія. Вообрази! Ухватится за шею и вертится кругомъ такъ вотъ точно, какъ на винту.

Бостонкинъ. Помнишь ли ту кадриль, которую мы танцовали на Масляницѣ? — Сыграй ее пожалуста.

Мазуркинъ. Ахъ! какъ забыть это благополучное время! Помнишь ли je gave? Надо признаться, что тогда весело было (*играетъ*). Ахъ! какъ декорде, играть способу нѣтъ!

Бостонкинъ. Не правдали, что весело было и во время Святок,?

Мазуркинъ. Охъ, братецъ, не говори мнѣ объ этомъ времени; гусарскіе усы такъ было насъ доѣхали, что помилуй Господи. Пожаловали сюда съ разноцвѣтными песнками наши Парижскіе побѣдоносцы, да мы чуть не слегли всѣ въ бѣлую горячку.

Бостонкинъ. Слава Богу, что скоро ихъ изъ Москвы вызвали къ полкамъ; а то бы они намъ вольнопрактикующимъ дансёрамъ задали работы..

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ же и Манна Евтроповна съ падчерицей.

Самопрядова. Здравствуй, мать моя! — Да гдѣ же наша хозяйка?

Комифо. Она, сударыня, топчасъ выдетъ; проситъ васъ ее подождать.

Самопрядова. Оправься, Амура, ты дорогою-то волосы поизмяла.

Амура. Нѣтъ, maman, я хорошо-съ.

Самопрядова. Вотъ, бывало въ старину, такъ ужь мы спать ложимся въ эту пору, а теперь такъ молодые-то люди только лишь жить начинаютъ. Я право насилу дотащилась: да чтожъ будешь дѣлать, молодыхъ людей надо потѣшить, вѣкъ на вѣкъ не приходитъ.

Комифо. Вѣдь вы, сударыня, на балъ не поѣдете?

Самопрядова. И батюшка, ужь до балу ли? Мнѣ бы вотъ ее руками сдать сестрицѣ, да и домой. Однако ты Амура не очень засиживайся; пріѣзжай домой поскорѣе.

Амура. Это, maman, не въ моей волѣ, какъ ma cousine захочетъ.

Бостонкинъ. А сестрица ваша конечно постарается уѣхать послѣдняя.

Мазуркинъ. Съ такимъ сокровищемъ, съ какимъ она ѣдетъ, она не можетъ опасаться слишкомъ долго пробыть на балѣ. — Боже мой, какъ она мила!

Амура. Вы вѣчно мнѣ комплименты дѣлаете, — это удивительно.

Бостонкинъ. Не забыли ли вы, сударыня, о второмъ контрдансѣ.

Амура. Да-съ, я съ вами ангажирована.

Мазуркинъ. А со мной мазурку. —

Амура. Ахъ, какъ вы insupportable, — конечно съ вами.

Самопрядова. Амура, не забыла ли ты чего: осмотрись заранѣе, мать моя, чтобы послѣ не турить попапрасну Фомку домой съ балу: я вѣдь не знаю, гдѣ у тебя твои наряды лежатъ.

Амура. Нѣтъ, maman; какъ вы милы! — все со мной.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣже и Индолантова.

Индолантова. Ахъ, здравствуйте, тетушка! Не прогнѣвайтесь, что я васъ заставила подождать! Здравствуй, Амура. Боже мой, какъ ты авантажна; сюпербъ, могу сказать. Здравствуйте, господа! Что это, тетушка, такъ давно васъ не видать было?

Самопрядова. Ахъ, мать моя, я такъ на дняхъ расперепростудилась, что не могла съ постели встать, и къ тебѣ первой выѣхала.

Индолантова. А ты, Амура, что ко мнѣ вчера не заѣхала; мы бы вмѣстѣ на прудахъ побывали. Ты нынче совсѣмъ изважничалась, mon coeur, мочи нѣтъ!

Самопрядова. Нѣтъ, матка моя, въ этомъ она не виновата; правду тебѣ сказать, я ее вчера

не пустила: танцмейстеръ пріѣзжалъ ей лекцію давать.

Комифо. (*Въ сторону*) Вѣдь не босъ, я думаю, старуха-то считаетъ, что она по модѣ изъяснилась.

Индолантова. Какъ вы милы, что пріѣхали; мы вмѣстѣ поѣдемъ на балъ. — Скажите пожалуста, былъ ли кто изъ васъ на валу этими днями? Я цѣлые два дни не удосужилась туда заѣхать.

Бостонкинъ. Мы сей часъ оттуда, сударыня, и никого не встрѣтили кромѣ Г. Засыпаева.

Индолантова. Ахъ, не читалъ ли онъ вамъ стиховъ своихъ, которые у меня тамъ на столикѣ; тутъ есть отчаяніе, ma chere!

Мазуркинъ. Точно ихъ-то онъ намъ и натачивалъ, говоря, что самъ ихъ сочинилъ.

Комифо. Ну, вотъ, сударыня, не правду ли я вамъ сказалъ?

Индолантова. Могу сказать, что онъ забавенъ.

Бостонкинъ. Онъ настоящій Викулъ.

Самопрядова. Ну, мать моя, прощай; сдаю тебѣ мою Амуру съ рукъ на руки.

Индолантова. Будьте увѣрены, что я ее въ цѣлости вамъ отдамъ.

Амура. Dittes lui donc ma chere объ маскерадѣ.

Индолантова. Ахъ, тетушка! позвольте сестрѣ со мной завтра ѣхать на балъ къ Богачевскимъ.

Самопрядова. Да я, мать моя, съ роду у нихъ въ домѣ не бывала.

Индолантова. Въ знакомствѣ нужды нѣтъ; они люди очень хорошіе; на балѣ у нихъ всегда и людно и весело. Впрочемъ я постараюсь васъ рапрошировать; она зашлетъ къ вамъ карточку, — и дѣлу край.

Самопрядова. Помилуй, мать моя, что мнѣ въ ея карточкѣ; я и безъ нее знаю имя ея и

отечество. Въ нашъ вѣкъ не важивалось ѣхать туда, куда не просятъ; это называлось нахальствомъ.

Комифо. Напрасно вы такъ, сударыня, этого боитесь; что было безчинно въ ваше время, то нынѣ позволено, и даже въ достоинство вмѣняется.

Индолантова. Какъ ты радъ, что можешь дать просторъ своей мизантропіи.

Комифо. Да развѣ я не правъ, сударыня! Вѣдь нынче на балъ никого не зовутъ, а кличь кличутъ. Ѣздитъ ли кто къ кому, или нѣтъ, какое до того дѣло; слуга развезетъ карточки, вотъ и знакомство. Хозяинъ зажжетъ пропасть свѣчь, музыка гремитъ во всѣхъ углахъ дома, народъ валитъ со всѣхъ концевъ города, всякой дѣлаетъ, что хочетъ, и вотъ что называется нынче дать балъ, вотъ въ чемъ состоитъ пріятная свобода.

Мазуркинъ. Какъ этотъ философъ мнѣ надоѣлъ.

Бостонкинъ. Настоящій проповѣдникъ.

Самопрядова. Вѣкъ на вѣкъ не придетъ конечно; да мнѣ ужь не подъ статъ плясать по чужой дудкѣ. Прости, мой свѣтъ! (*Цѣлуетъ Амуру*) Смотри, ты не очень рѣзвись у меня на балѣ.

Амура. Нѣтъ, maman! я буду очень смирна.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣ же, кромѣ Самопрядовой.

Амура. Ну, ma bonne amie, она вѣрно меня не отпуститъ!

Индолантова. И, милая, полно врать; естьли насъ сегодни позовутъ на балѣ, какъ я и увѣрена, то я тутъ же за тебя слово дамъ, и bongré, malgré, она тебя отпуститъ, а къ старухѣ чѣмъ свѣтъ отправимъ карточки.

Амура. Bien imaginé! ахъ! какъ ты мила!

Индолантова. Да скажи пожалуй, что вы такъ дома сегодни мѣшкали, что у васъ была за нерѣшимость?

Амура. У Maman, моя жизнь, были des visites, я вѣдь тебѣ писала. Ахъ, ma cousine, что я тебѣ уже разскажу про одного кавалера и даму, — это невѣроятно, — это удивительно.

Индолантова. Я тебя давно знаю; ты всегда себѣ надѣлаешь такія фикціи.

Мазуркинъ. Ахъ, сударыня! что можетъ быть лучше пріятной иллюзіи? Прямое щастіе такъ рѣдко, что весьма простительно иногда на обманы его польститься.

Индолантова. Ахъ, какъ ты любезничаешься!

Комифо. Однако, чтобы и балъ вашъ не превратился въ фикцію, — десять часовъ уже.

Индолантова. Какъ ты mauvais genie! какъ это неучтиво выгонять дамъ изъ своей компаніи. Я увѣрена, что ежели бы мы были одинакихъ лѣтъ съ Амурой, ты бы вѣрно не торопился отъ меня уѣхать.

Комифо. Ошибаетесь, сударыня, вы любезны, а любезнымъ людямъ, особливо женщинамъ, вѣку нѣтъ; въ разговорѣ съ ними всякой лѣта забываетъ.

Индолантова. Благодарикъ меня, что я тебѣ дала случай такъ хорошо извиниться. Я бы право сей часъ уѣхала, да на зло тебѣ еще промѣшкаю съ полчаса. Параша, вели провѣдать, съѣзжаются ли на балъ; вѣдь это отъ меня два шага.

Мазуркинъ. А вы, сударыня, ежелибъ до тѣхъ поръ сыграли намъ что нибудь и пропѣли!

Амура. Я право безъ нотъ ничего не играю.

Индолантова. Ну, полно дѣлать la petite bouche, моя милая; терпѣть этаго не могу; сыграй что нибудь, что знаешь.

Амура. (*Играя, поетъ arію.*)

Индолантова. Браво, Амура, мастерски!

Комифо. Какъ нѣжно и прекрасно!

Бостонкинъ. Чрезвычайно! — Съ какой экспрессіей! не льзя лучше!

Мазуркинъ. Короче сказать, распребезподобно!

Параша. На балъ, сударыня, каретъ съ двадцать.

Индолантова. Видите ли, что мы не такъ-то еще опоздали. Параша! ridicule, перчатки; а propos! Мнѣ вздумалось собрать у себя концертъ изъ короткихъ пріятелей, и самой маленькой: арфа, гитара и фортепіано; это будетъ совсѣмъ въ новомъ вкусѣ, не правда ли?

Мазуркинъ. Я думаю, что это подлинно пріятной сдѣлаетъ эффектъ.

Бостонкинъ. Какія вы мастерицы на всякія затѣи; другой эдакой выдумщицы на забавы право нѣтъ, какъ вы.

Индолантова. За этотъ комплиментъ я съ тобою буду сегодни въ бостонъ играть.

Амура. Ахъ, ma cousin, онъ со мною engagé la seconde contredance.

Бостонкинъ. Я, сударыня, въ это время другаго за себя попрошу сѣсть, естьли вы позволите.

Индолантова. Дайте лишь доѣхать, мы все это аранжируемъ въ каретѣ. Вели, Параша, карету подвезть. И такъ готовьтесь завтра на балъ.

Мазуркинъ. Безъ сомнѣнія, сударыня.

Бостонкинъ. Щастливо бы было для насъ, естьлибъ также, какъ сегодни, могли ѣхать туда съ вами.

Индолантова. Для чегожъ нѣтъ? — Я вездѣ и всегда вамъ рада; — я думаю Амура одного со мною мнѣнія; не такъ ли?

Амура. Ты знаешь, ma chere, что я все то люблю, что тебѣ нравится.

Индолантова. Surtout пикникъ лѣтомъ, а зимой маскерадъ, для меня всѣхъ забавъ лучше.

Мазуркинъ. А! хороши и ваксалы.

Бостонкинъ. А клобъ! Какое райское удовольствіе!

Амура. А для меня гдѣ есть балъ и вальсъ, тамъ и щастіе жизни.

Комифо. Воля ваша, я не могу утерпѣть, чтобы не укорить васъ въ непостоянствѣ. Еще сегодни для васъ не прошло, а ужь вы о завтрашнемъ думаете, и скучать начинаете баломъ отъ того только, что пора уже туда ѣхать.

Индолантова. Не хотите ли вы, чтобы я въ постоянствѣ поравнялась съ вашимъ сосѣдомъ Дурыкинымъ, которой, вообрази ma chere, такъ constant, что кромѣ Энциклопедіи ничего не читаетъ. Прочтетъ, да сызнова, и говоритъ, что очень volage перемѣнять книги, а надо все одну читать. Каковъ мальчикъ!

(Всѣ смѣются) Ха, ха, ха, ха! — —

Швейцаръ. Карета готова, сударыня!

Индолантова. Ну, поѣдемъ-те, пора; прощайте, сударь, суровой любитель женщинъ, желаю вамъ une bonne nuit и хорошій сонъ. *(Идетъ и ворочается)* Ахъ, постойте, постойте на минуту! Боже мой! какъ я affécтai, что ужасть. Цѣлой вечеръ одѣвалась, и что ни лучшее забыла, а вы господа не примѣчаете.

Мазуркинъ. Мнѣ кажется, все при васъ.

Бостонкинъ. Вы все взяли съ собою.

Амура. Il ne vous manque rien, ma chere.

Индолантова. И! какіе вы несносные! Вѣкъ около дамъ вертитесь, у пяти туалетовъ въ день перебываете, а не умѣете догадаться, что было я дома забыла.

Бостонкинъ. Не марки ли бостонныя?

Индолантова. Такъ, кто чѣмъ занятъ, у того то и въ головѣ.

Комифо. Позвольте мнѣ отгадать!

Индолантова. Извольте! — — —

Комифо. Съ вами нѣтъ сантиману.

Амура, Бостонкинъ. Ахъ! и подлинно, il a raison.

Индолантова. Отгадали, сударь. Я его забыла дома для того, что вы въ немъ оставались.

Комифо. О женщины! какъ вы милы, когда вы хотите нравиться! —

Индолантова. Параша! ты такъ засовалась, что забыла мнѣ сантиманъ подать; принеси поди.

Параша. Которой прикажете?

Комифо. (*Смѣется*) О! безподобной вопросъ!

Индолантова. Вчерашній! — — —

Мазуркинъ. Какъ, два дни сряду все одинъ.

Бостонкинъ. Это слишкомъ постоянно.

Комифо. Позвольте же теперь спросить, которой сантиманъ вы для меня оставляли дома?

Индолантова. Вы слишкомъ mechant, чтобъ я вамъ отвѣчала, — оставляю на догадку. Adieu! поѣхали! поѣхали!

Амура. Я думаю, что мы пріѣдемъ послѣднія.

Индолантова. Я по чести этаго бы желала. Вообрази! въ полночь на балъ, два кавалера съ нами, а мы только что изъ за туалета: какъ это будетъ interessant.

Амура. Безподобно! —

Мазуркинъ. Прекрасно! —

Бостонкинъ. Чрезвычайно! —

(Бостонкинъ ведетъ Индолантову, а Мазуркинъ Амуру, и всѣ выходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ 10.

Комифо. (*Одинъ*) Прошу искать въ этихъ сердцахъ привязанности; прошу ожидать отъ нихъ чувствительности въ замѣну любви страстной; прошу выискивать способы тронуть ихъ душу и возбудить въ нихъ хотя малѣйшее къ себѣ вниманіе. О, какъ умно ты сказалъ, милый и справедливой писатель:

O femmes, comme on s'abuse,
En esperant vous enflammer;
Tout vous distrait, tout vous amuse,
Vous n'evez pas le tems d'aimer.

(Уходитъ; а на театръ выходятъ Швейцаръ, Параша и Филька и прибираютъ комнату.)

ЯВЛЕНІЕ 11.

Параша, Швейцаръ и Филька.

(Во всю эту сцену свѣчи гасютъ и оставляютъ одну, или двѣ, и лѣнивымъ образомъ прибираютъ покои.)

Параша. Слава Богу, на силу пріѣхали! Вели же прибрать кому нибудь.

Швейцаръ. Эка жизнь какая проклятая! Цѣлой день торчи въ сѣняхъ, дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай, инда ногъ не услышишь; легко ли сегодни какъ меня турили!

Парикмахеръ. Нѣтъ, а мнѣ такъ ужь больше всѣхъ досталось. Давича барыня не даетъ гребнемъ тронуть, вертится то туда, то сюда, да еще требуетъ скорой чески; нѣтъ, тутъ развѣ какого Француза дай, такъ и тотъ ротъ разинетъ.

Параша. Ужь мнѣ эти подбѣгатели, да волокиты тошнѣй всего; отъ нихъ и я на силу могу уйти, — то и дѣло, что пристаютъ, и у меня у самой пѣна у рту. Вѣдь вотъ теперь часовъ до пяти тамъ просидятъ, я должна раздѣть ее, а завтра готовить новое платье въ маскерадъ.

Швейцаръ. Вамъ обоимъ все хоть утромъ можно отдохнуть, вѣдь госпожа проспитъ до вечеренъ.

Парикмахеръ. А ты что, не бось, также не проспишь.

Швейцаръ. Нѣтъ, посмотрѣлъ бы ты етте съ утренней зари молокососы-то давишніе зачнутъ

турить, то тотъ, то другой: иной письмо шлетъ, иной на словахъ приказываетъ; ну, какъ же ты отойдешь? Способу нѣтъ!

Параша. И что у нихъ за разговоры и за пересыдки, понять не могу; всякой день вмѣстѣ и все не наговорятся. — Чу кто-то пріѣхалъ.

Швейцаръ. Кому пріѣхать; теперь, я чаю, всѣ пляшутъ до кроваваго поту: а это знать кареты отпустили сюда стоять по близости.

Парикмахеръ. Ну, у Мазуркина какая хватская четвертка, все бѣгуны.

Швейцаръ. Слуга сказывалъ, что по двѣсти платитъ на мѣсяцъ.

Параша. Лошади щегольскія, а ѣздитъ — экава труса и не сыщешь.

Швейцаръ. А ты по чемъ знаешь?

Параша. А вотъ недавно барыня моя куда-то съ нимъ ѣздила за городъ и меня брала съ собой, — такъ чуть не плачетъ назадъ ѣхавши; знаешь, темно стало на дворѣ, а мѣсяца-то нѣтъ, такъ не радъ ни чему.

Парикмахеръ. Охъ, какъ-то онъ одинъ разъ съ слугой своимъ схватился, такъ я животики надорвалъ смѣючись. Поѣхали, видишь ты, они въ гости къ кому-то въ деревню, да далеко что-то ему показалось, а ночь-то ихъ захватила; кучеръ на лошадей кричитъ, а лошади пристали; онъ кучера въ спину, а слуга прижался на запяткахъ, да и кричитъ ему: знавши, сударь, свой обычай, вы бы лучше не ѣздили никуда въ деревню. Мало вамъ мѣста въ Москвѣ; — слава Богу! есть куда ѣздить-то; понеси васъ Господь за городъ, да ночью; ужь бы вы лучше не затѣвали. — Ну, я, слышь ты, какъ онъ разсказывалъ, помираю со смѣху.

Швейцаръ. Нѣтъ, съ нашей барыней врядъ кому угоняться; то и дѣло кричитъ: пошелъ, и нужды ей нѣтъ, оврагъ, канава, что ли, скачи, да и полно.

Параша. Чтожъ мы здѣсь заговорились, кажется все на мѣстѣ, пора и отдохнуть; вѣдь теперь ихъ не жди до утра.

Парикмахеръ. Что это имъ за радость эдакъ поздо сидѣть; кабы я былъ баринъ, я бы все ложился съ курами вмѣстѣ.

Параша. Ну, ужь захотѣлъ ты чего; — твоей ли рожѣ быть бариномъ!

Парикмахеръ. А чтожъ такое? Не бось, развѣ я хуже Мазуркина? Что въ немъ толку? Только ногой дрягаетъ, да мизинцемъ шевелитъ и улыбается; такой истощенной, кости, да шкура, какъ будто усопшій.

Параша. И — — дуракъ, дуракъ! Да что въ дородномъ-то? Какъ къ намъ ѣздитъ низовой-атъ, тотъ, какъ бишь его зовутъ?

Швейцаръ. А! Раздувайко.

Параша. Да! Пудъ во сто, да ни краснаго словца отъ него, ни смѣшной шутки; сидитъ, ѣстъ, да прѣетъ: куда какая забава!

Парикмахеръ. Чтожъ дѣлать-то, матушка Прасковья Парамоновна, вѣдь не всѣмъ-то намъ умнымъ быть, какъ вы, сударыня.

Швейцаръ Охъ! этотъ чудакъ Раздувайко анамеднись въ жаркой день на силу вылѣзъ изъ кареты; ужь онъ шелъ, шелъ, никакъ въ часъ добрелъ до гостиной, и отдувается, какъ изъ воды буйволъ.

Параша. Ну, куда эдакой уродъ годится. А вѣдь давишняя-то молодежъ, что ни говори, а любо слушать, какъ соловьи поютъ, одинъ другаго вострѣе.

Парикмахеръ. Что съ вами дѣлать-то; хлѣбомъ не корми, да по Французски лепечи.

Параша. Пошелъ бы ты, добро, провѣдалъ про собаку; госпожа пріѣдетъ, ужь вѣрно про нее хватится, а ее что-то давно не видать: она безъ нее не ляжетъ.

Швейцаръ. Посмотришь на господъ, — затѣй-то, затѣй, конца нѣтъ! Выдумали собакъ въ

постель себѣ класть, эка невидаль! Пойтижъ и мнѣ въ самомъ дѣлѣ схрапнуть.

Параша. Да пожалуста вели тамъ ношникъ въ сѣняхъ поставить.

Швейцаръ. Да гдѣ его теперь взять? Нѣмца-то управителя и съ собаками не сыщешь! Господа въ карету, а онъ на дрожки; а безъ него не отпустятъ.

Параша. За что же ему даютъ по 500 рублей въ годъ?

Парикмахеръ. За что! Спроси у барыни.

Шейцаръ. Чего спрашивать? Извѣстно дѣло, Нѣмецъ; небось Рускому не дадутъ. Нашимъ барямъ хоть осла дай, да иноземца, такъ и ладно. — Э! да не онъ ли ѣдетъ, что-то зашумѣло.

Параша. Нѣтъ, это никакъ карета, а не дрожки.

Парикмахеръ. (Глядитъ въ окно) Господа, господа пріѣхали!

Швейцаръ. Вотъ тѣ на! А меня тамъ нѣтъ; ну, управитель-атъ меня отдѣлаетъ же.

Параша. Еще разговорился; бѣги скорѣе въ низъ. Ахти, ужъ не занемогла ли барыня!

Парикмахеръ. Пойдетъ потѣха! Гадали до утра просидѣть, а пріѣхали прежде полночи; ужь будетъ пыли, только лишь святыхъ неси вонъ.

Параша. Отворяй двери, да зажигай свѣчи поскорѣй, голубчикъ!

Парикмахеръ. А! теперь голубчикъ, какъ пришла бѣда; а давича, такъ и мѣры нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ 12.

Индолантова, Амура, Параша, Парикмахеръ и Швейцаръ.

Индолантова. (Парикмахеру) Вели намъ дать чего-нибудь ужинать, ко мнѣ тотчасъ будутъ Мазуркинъ и Бастонкинъ; *(Швейцару)* пошля

къ Гну. Комифо сказать, что я воротилась, и что мнѣ до него крайняя нужда. — Это такъ несносно, что я въ себя придти не могу.

Параша. Не сдѣлалось ли вамъ, сударыня, чего-нибудь? Здоровы ли вы?

Индолантова. Ахъ, Параша, не говори; я въ такую приведена конфузію по милости ея матушки, что ни съ чѣмъ не соображу!

Амура. Maman право могла бы se passer намъ такую дурную nouvelle, и такъ не кстати прислать.

Параша. А что такое-съ?

Индолантова. Мы только что пріѣхали, и почти не успѣли гостямъ откланяться, какъ вдругъ къ намъ отъ нее гонецъ, что какой-то у Амуры дядя умеръ, и чтобъ я тотчасъ ее съ балу къ ней завезла; я принуждена все бросить и уѣхать. Ей Богу, такъ досадно, что я бы этаго дядю за это не велѣла хоронить, что онъ такъ mal-à propos умеръ.

Амура. Что бы ему стоило, ma cousine, дотянуть до завтра? Il est insupportable.

Индолантова. Какъ до завтра? ужь лучше бы до послѣзавтра, а то бы всему помѣшалъ, все равно. Не вели, Параша, кареты откладывать; она съ тобой доѣдетъ домой

Амура. Ахъ, ma chere! я хоть отужинаю съ тобой! не такъ ли моя милая, incomparable?

Индолантова. Ужь ли же я тебя до ужина отпущу? Нѣтъ, то ужь извините; пускай маминька твоя кричитъ до заутрень, а я съ тобой прежде бѣла свѣта не разстанусь.

Мазуркинъ. (*Входитъ*) Помилуйте, что съ вами подѣлалось?

Индолантова. Спроси у Амуры.

Амура. Какой-то дядюшка у меня скончался.

Мазуркинъ. Какъ же вамъ не стыдно для такой пустой причины уѣхать съ балу и ее съ собой увезти! Вѣрно его смерть никого такъ не

огорчила, какъ вашъ отъѣздъ меня дезолировалъ. Я только что повернулся, велѣлъ играть контрадансъ, и пошелъ васъ искать, анъ васъ — и слѣдъ простылъ.

Амура. А я какъ фаше, что вы вообразить себѣ не можете.

Мазуркинъ. Да скажите пожалуста, развѣ дядюшка вашъ воскреснетъ отъ этаго, что вы домой уѣхали?

Индолантова. Чтожъ дѣлать съ старинными людьми. Мать ея прислала записку, хоть тресни, да вези ее домой! Она такъ несносна съ своими капризами!

Бостонкинъ. (*Входитъ*) Могу сказать, очень мило вы со мной поступили! Я за вами съ часъ бѣгалъ по залѣ съ винновой двойкой, а васъ не тутъ-то было!

Индолантова. Я въ отчаяніи.

Амура. А я еще больше.

Бостонкинъ. Да отъ чего же? Можно сказать.

Индолантова. У нее вдругъ дядя умеръ.

Бостонкинъ. Потомъ?

Индолантова. И ей велѣла мать домой ѣхать.

Бостонкинъ. Только! Смѣшны вы, воля ваша, что послушались. Развѣ мы бы не умѣли всякой своимъ маneромъ ему поминки отправить, — вы за бостономъ, она въ кадрили; а матушка ея тамъ, какъ бы знала, такъ бы на просторѣ и рюмила.

Индолантова. Вамъ все шутки, а мнѣ право досадно.

Бостонкинъ. Отъ чего? Что дядюшка-то ея умеръ?

Индолантова Ахъ! какой ты несносной! Нѣтъ, сударь, нѣтъ; мнѣ досадно, — ахъ! что и говорить! — Я чаю тамъ очень весело!

Бостонкинъ. Такъ скачутъ, и балъ такъ animé, что я рѣдко эдакой видалъ.

Амура. Ахъ! ma cousine, какъ я malheureuse!

Мазуркинъ. И я не меньше вашего. У меня приготовлена была для контрадансу съ вами такая прекрасная фигура, совсѣмъ въ новомъ genre.

Бостонкинъ. А я было собрался лабетовъ десять у васъ сорвать.

Амура. По этому, ma cousine, мы и завтра не поѣдемъ?

Индолантова. Я право ничего не знаю; меня такъ твоя maman демонтировала, что я ничего не придумаю.

Засыпаевъ. (*Входитъ*) Разобидѣть и растерзать человѣка не льзя больше, какъ вы меня! Какъ это можно, — лишь только въ двери, да и вонъ! Вы какъ тигръ съ нами поступили.

Индолантова. Право и намъ не легче вашего.

Амура. Я въ отчаяніи.

Засыпаевъ. Я слышалъ, какой-то дядюшка у васъ умеръ? Естьли я ему не сдѣлаю такой эпитафіи, отъ которой онъ . . .

Индолантова. Сызнова умретъ, — не правда ли? Quelle tete!

Амура. Ахъ! сдѣлайте такую, чтобы онъ воскресъ; мы бы опять поѣхали на балъ.

Мазуркинъ. Charmant, какъ вы милы!

Бостонкинъ. Удивительно! — —

Индолантова. Какъ мнѣ ни грустно, а съ тобой не льзя не разсмѣяться; ты такъ забавенъ, что мочи нѣтъ!

Комифо. Посланной вашъ, сударыня, такъ меня испугалъ, что я безъ души бросился сюда узнать, что съ вами случилось.

Индолантова. Я въ жизнь мою не была такъ разстроена! я въ такомъ отчаяніи...

Амура. И я.

Мазуркинъ. И я.

Бостонкинъ. И я.

Засыпаевъ. И я отъ общей ихъ напасти
Растерзанъ весь на мѣлки части!

Комифо. Надобно думать, что отчаяніе самое важное, когда и стихи на него поспѣли. Да что такое, пожалуйте скажите?

Индолантова. У ней дядя умеръ.

Бастонкинъ. Сей часъ. — —

Мазуркинъ. Скоропостижно.

Амура. Какъ на смѣхъ.

Засыпаевъ. Онъ такъ умѣлъ свой вѣкъ пригнать,
Что имъ не удалось ни сколько поплясать.

Комифо. Конечно вамъ жаль его, сударыня, и смерть такая неожиданная васъ огорчила? Чувствительное сердце такимъ случаямъ часто подвержено бываетъ.

Индолантова. Ахъ! нѣтъ, совсѣмъ не то, вы насъ не понимаете.

Комифо. Чтожъ такое?

Амура. Намъ дядюшки pas du taut не жаль.

Комифо. Отъ чего же вы всѣ погружены въ такое отчаяніе!

Индолантова. Какъ же, mon cher, я принуждена съ балу уѣхать, на которомъ до смерти хотѣлось остаться!

Комифо. За чѣмъ же не остались?

Амура. Maman пишетъ, чтобы меня увезти съ балу, и ma cousine такъ была complaisante, что и сама уѣхала.

Бостонкинъ. А я, сударь, только за бостонъ садился, анъ не тутъ-то было; принужденъ разорвать партію и сюда уѣхать: это до смерти досадно.

Мазуркинъ. А я ни вальса, ни мазурки не имѣлъ удовольствія протанцовать съ Амурой Аполлоновной; я отъ этаго съ досады внѣ себя.

Засыпаевъ.

А я было хотѣлъ настроить свою лиру,
Чтобъ дамъ сихъ разхвалить на балѣ всему міру;
Но лишь хватился ихъ, — о страшная бѣда!
Уѣхали они — уѣхали сюда.

Комифо. Какъ! такъ все ваше отчаяніе происходитъ отъ того только, что вы не на балѣ?

Индолантова. Чтожъ, развѣ для васъ мало этаго кажется?

Амура. Я никогда не была такъ malheureuse!

Мазуркинъ. Это перестаетъ быть потѣхой.

Бостонкинъ. Я не знаю, что можетъ случиться de plus noir.

Засыпаевъ. А я-то, сударь, а я потѣлъ, трудился, сочинялъ свою оду, хотѣлъ ею похвастать, — и все къ черту.

Бостонкинъ. Ни одного тура не сыграть, — это слишкомъ нещастливо.

Мазуркинъ. Слышать котильонъ, и самому не кружиться; отъ этаго, чертъ меня возьми, можно въ воду броситься.

Амура. Будто шутка наряжаться цѣлой день для того, чтобъ безъ успѣха домой возвратиться!

Индолантова. Я бы твою maman удавила!

Амура. Я бы mon oncle Богъ знаетъ какъ за это . . . .

Комифо. Онъ и такъ ужь умеръ, сударыня.

Бостонкинъ. Умираютъ же умные люди, да во время; а этаго дядюшку догадало не въ пору такъ скончаться.

Засыпаевъ. Да и скоропостижно, какъ будто гонятъ!

Комифо. Онъ, я думаю, очень бы желалъ вамъ не дѣлать этой тревоги.

Засыпаевъ. И все, небось, скупость; я чаю, толковалъ съ управителемъ, какъ прихватило, послать ли за докторомъ, дать ли за визитъ два рубли, — вѣдь онъ скряга былъ.

Индолантова. Какъ же, я его знала; такой кащей, что свѣтъ эдакаго не производилъ.

Бостонкинъ. То правду сказать, самой былъ ледащій человѣкъ, — въ карты бывало никогда не садится.

Комифо Пошли дядюшкѣ поминки.

Засыпаевъ. Такъ и должно, чтобъ покойнику дядюшкѣ отъ безпокойной племянницы доставалось.

Мазуркинъ. Съ роду не видывалъ, чтобъ онъ протанцовалъ что-нибудь, — такой былъ странной!

Комифо. Короче сказать, онъ былъ самой худой человѣкъ, потому что разстроилъ балъ, хотя впрочемъ въ этомъ его вины и нѣтъ ни малой.

Индолантова. Сколько ты ни умничай, я отнюдь не стыжусь говорить, что я въ отчаяніи.

Амура. Ахъ, ma chere! и я то же.

Бостонкинъ. Да какъ и не быть въ отчаяніи?

Мазуркинъ. Особливо мнѣ.

Засыпаевъ. Что лежитъ до меня, то я въ самыхъ терзательныхъ обстоятельствахъ отъ того же, отъ чего и вы.

Параша. Кушать, сударыня, готово. Я столъ накрыла въ вашемъ диванѣ.

Индолантова. Хорошо. Ну, господа! пойдемте за столъ, и по крайней мѣрѣ вымѣстимъ хоть тѣмъ, что дадимъ полную волю языкамъ нашимъ на счетъ мертваго ея дядюшки и живой матушки.

Бостонкинъ. Я не прочь.

Мазуркинъ. И я то же.

Засыпаевъ. Куда вы, туда и я безъ сомнѣнія.

Амура. Какъ бы я теперь je m'en serois donnée на балѣ!

Мазуркинъ. Я нахожу, что вы отъ этаго сакрифису вдвое помилѣли.

Комифо. (*Въ сторону*) Надо это словцо записать.

Индолантова. Какъ бы ты меня этимъ словомъ обрадовалъ, естьлибъ я не была de mauvaise humeur.

Засыпаевъ.

Чѣмъ намъ уже не льзя на свѣтѣ забавляться,
О томъ и въ разговоръ напрасно лишь пускаться.

(*Всѣ уходятъ ужинать.*)

Индолантова. Я надѣюсь, что ты меня не оставишь въ такомъ отчаяніи и отужинаешь съ нами.

Комифо. Очень охотно, сударыня! я боюсь провиниться. (*Къ партеру*) Вотъ настоящее отчаяніе безъ печали.

Параша. (*Одна*) Не у насъ у однихъ эдакія живутъ выходки. Г. Комифо дивится, что они всѣ въ отчаяніи, а печали нѣтъ на грошъ; нынче какъ поглядѣть на господъ, такъ у нихъ и все на этотъ манеръ: любви нѣтъ, а влюблены; красавицъ нѣтъ, а всѣ безподобныя; диковинъ нѣтъ, а все удивительно; безпокойство чуть набѣжитъ хоть маленькое, то всѣ растерзаны! Долго ли это продлится, Богъ вѣдаетъ; а теперь видно такъ водится, а что водится, того не перехитришь, — а между тѣмъ, дай Богъ, чтобъ и всегда люди были въ отчаяніи безъ печали!

ЛЮБОВНОЕ
ВОЛШЕБСТВО,
ОПЕРА
ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Aujoud'hui ce qui ne vaut pas la peine d'être dit, on le chante.

BEAUMARCHAIS.

Тобой, жена и другъ, любви познавши путь,
Тебѣ твоихъ чудесъ картину посвящаю!
Въ любви твоей ко мнѣ блаженство обрѣтаю;
Моею ты къ себѣ равно счастлива будь!

Печатана съ дозволенія Министерства
Полиціи
Декабря 7 го 1817 года.

ДВА СЛОВА ДО КОМЕДІИ.

Время страстей молодаго человѣка есть то же для сердца, что бѣлая горячка для головы. Никто не избѣжалъ этаго припадка; одни лѣта и опытъ вылѣчиваютъ насъ отъ онаго. Но къ несчастію въ этомъ случаѣ здоровье часто скучнѣе болѣзни.

Въ самыхъ жестокихъ параксизмахъ вздумалъ я написать оперу, и вылилось — Любовное волшебство. Какова причина, таково и слѣдствіе: въ бреду сочиненъ бредъ. Я прочелъ ее Евгеніи — она улыбнулась: это было для меня вѣнецъ славы. Я, не размышляя, тотчасъ отдалъ Оперу въ печать и посвятилъ Евгеніи, очаровательницѣ моего сердца — этому 20 лѣтъ; я былъ тогда въ самыхъ пылкихъ годахъ сердечнаго чувства.

Но сіе уродливое порожденіе любовнаго жара не получило желаемаго успѣха. Оперу никто не покупалъ; она попала въ кучу тѣхъ произведеній, кои лежатъ въ лавкѣ до тѣхъ поръ, какъ смякнетъ бумага и пригодит-

ся хоть на обертки, спасая часть убытковъ книгопродавца. Скажу объ ней, какъ сказалъ о многихъ одинъ счастливой стихъ:

Ужь въ Оперѣ моей и ваксу продаютъ.

Но какъ не всѣ люди въ мірѣ постигли таинственныя красоты Еврипида и Озерова, какъ не всѣ плѣняются кистью Рафаэля, и многіе любуются на каррикатуры, украшающія прилавки Спаскаго мосту, то и мое Любовное волшебство нашло своихъ охотниковъ: его стали играть на одномъ провинціальномъ театрѣ. Зрѣлище удалось, понравилось. Вотъ болѣе 10 лѣтъ, какъ Опера моя не сходитъ съ репертуара; Дирекція тамошняя даетъ ее раза три въ годъ; театръ всегда полонъ, зборъ удовлетворителенъ. Я самъ видѣлъ свое дитятко во всемъ его блескѣ; это меня взманило изъ благодарности къ снисходительной Публикѣ при новомъ изданіи моихъ Сочиненій перепечатать и ее.

При семъ покорнѣйше прошу всякаго читателя вспомнить нѣсколько строкъ моего предисловія, и замѣтить, что я печатаю свое собственно для себя и для того, чтобъ сохранить подъ старость въ свѣжей памяти восхитительныя минуты бытія моего, а

та эпоха, во время которой чертилъ я это драматическое чудовище, была одна изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни.

Разборчивая публика можетъ покупать и не покупать книги, цѣнить и осмѣивать мои труды, какъ ей угодно; я прежде всѣхъ охотно смѣюсь самъ надъ собою, и привыкъ глядѣть съ одинакимъ равнодушіемъ на хвалу и на сатиру, зная изъ опытовъ очень твердо, что въ Поэзіи, какъ во всякомъ другомъ дѣлѣ, часто зовутъ многое и худое изящнымъ, когда Автору везетъ, и хорошее дерется на завиточки, естьли сочинитель, какъ говорятъ Французы, дю простой.

Впрочемъ позвольте и мнѣ несколько пріосамиться. Когда играютъ Русалки, Чертовы мѣльницы и проч. и проч., то для чего же и моей сумбурной Оперѣ не рекомендоваться въ люди?

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГИППОЛИТЪ, дворянинъ достаточной, уединившійся въ свои помѣстья.

ГЛАФИРА, бѣдная дворянка, сирота, сосѣдка Гипполиту по землямъ.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ, слуга Гипполитовъ.

АМУРЪ, Граціи, Игры и Смѣхи.

РАСПОТѢЕВЪ, староста господскаго села.

СМѢЯНА, дѣвка Глафирина.

МЕЧТОЛЮБЪ, знатной господинъ.

ПОДДАКИНЪ, секретарь его.

НИНА, его пѣвица.

ИЗОТЪ, мужикъ Гипполитова села.

ДОМНА, жена его.

ДАША, дочь ихъ.

Толпа крестьянъ и крестьянокъ.

Дѣйствіе въ помѣстьи Гипполита близъ Камы рѣки, на берегу которой расположены нѣкоторые Гипполитовы потѣшные домики.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Театрѣ представляетѣ съ одной стороны Гипполитовы поля, жнитво и сѣнокосъ, съ другой стороны видны селенія и часть земель, принадлежащихъ Глафирѣ. На Гипполитовыхъ лугахъ косцы поютъ хоръ, староста пасматриваетъ, а въ концѣ хора выходитъ и Гипполитъ съ слугою.

Гипполитъ, Весельчакъ, Распотѣевъ и Мужики.

Хоръ.

Мужики.

Нутка, други, за одно
Станемъ барщину работать;
А чтобъ время укоротать,
Станемъ мы тянуть вино.
Намъ трудиться не наскучитъ,
Пока баринъ доброй живъ;
Онъ насъ любитъ и не мучитъ!
О, да будетъ онъ счастливъ!

Распотѣевъ.

Ну, ребята, поживѣй;
Богъ далъ красную погоду.

Дѣвка.

Кончимъ поле поскорѣй;
Послѣ баринъ дастъ свободу.

Мужикъ.

А тамъ къ вечеру домой
За любовь и за покой.

Распотѣевъ.

Вонъ и баринъ нашъ идетъ;
Всѣ челомъ ему, крестьяне!
Наша братья съ нимъ живетъ
Словно такъ, какъ бы дворяне.

Хоръ.

Нутка, други, за одно и проч.

Гипполитъ. Спасибо, друзья мои, спасибо; я столько же дорого цѣню ваше усердіе ко мнѣ, сколько живо вы его чувствуете.

Распотѣевъ. Да продлитъ Богъ вашего вѣку! Всѣ ваши мужички и я старшой о томъ Его вседневно молимъ. Хорошій баринъ такое на свѣтѣ для насъ сокровище, такой, слышь ты, кладь, что...,

Гипполитъ. Въ другой разъ спасибо. Сего дни жарко, солнце подходитъ къ полдню, распусти съ работы; я довольно богатъ, чтобъ отъ лишняго ихъ праздника не потерпѣть убытка.

Всѣ мужики. Помилуйте самъ Богъ, какъ милуешь ты насъ! (*Расходятся.*)

ЯВЛЕНІЕ 2.

Гипполитъ и Весельчакъ.

Гипполитъ. Сколько людей меня любятъ... а я однако несчастливъ.

Весельчакъ. Баринъ мой скучаетъ и что-то про себя бормочитъ. Скука, сударь, худое ремесло, и вы дурно дѣлаете, что съ нею познакомились.

Гипполитъ. (*Въ задумчивости*) Что ты говоришь?

Весельчакъ. Я, сударь, люблю говорить, когда меня слушаютъ; а на вѣтеръ слова бросать неохотникъ. Разгладьте свое пасмурное личико и удостойте меня благосклоннымъ взглядомъ, такъ я продолжать стану.

Гипполитъ. Шутки хороши, да не во всякое время.

Весельчакъ. Нѣтъ, сударь, съ тѣхъ поръ, какъ вы сами прозвали меня Весельчакомъ, я времени не разбираю; готовъ всегда врать быль и небылицу, правду наряжать сказкой, а сказку правдой, говорить, болтать, шумѣть, словомъ, дѣлать все то, что можно, чтобы васъ разсмѣшить.

Гипполитъ. Въ чемъ рѣдко успѣваешь.

Весельчакъ. Да скажите пожалуйте, сударь, когда вы перестанете нахмуриваться? когда увѣритесь вы, что право вы щастливы?

Гипполитъ. Я счастливъ, я? Развѣ есть на свѣтѣ счастливые люди? Укажи мнѣ ихъ, пожалуй; по крайней мѣрѣ я ихъ не видывалъ.

Арія.

Напрасно, счастіе, тебя
Я гдѣ нибудь сыскать желаю;
Труды и время лишь теряю
И тщетно мучаю себя.
Нѣтъ, нѣтъ! найти его не можно;
Оно нигдѣ намъ не дано,
И все плѣняетъ сердце ложно,
Такъ Небомъ знать учреждено.
Но если, — ахъ! то быть не можетъ, —
Судьба сыскать его поможетъ,
Тогда бѣднѣйшій самой край
Въ Эдемской превратится рай!

Весельчакъ. Переймите-ка, сударь, у меня. Я пью и ѣмъ вдоволь; волочусь, сколько охоты есть; люблю дѣвушекъ, и нахожу какъ-то ненарочно на моей улицѣ всегда по двѣ, по три ко мнѣ склонныхъ; сплю такъ крѣпко, что никакихъ батарей трескъ, бывало въ Финляндіи, въ память ли вамъ, меня разбудить не можетъ; смѣюсь, хохочу, не тужу потерявши, и благодаря моей судьбѣ, счастливъ, да, сударь, счастливъ. — Что вы на меня такъ смотрѣть изволите? Ужъ ли

же вы думаете, что коли нѣтъ кучи денегъ, такъ и счастливу быть не можно?

Гипполитъ. Твои грубыя чувства, другъ мой, не могутъ вмѣщать того счастія, какого ищетъ человѣкъ съ просвѣщеніемъ, человѣкъ испытавшій сладости міра.

Весельчакъ. По этому я моими чувствами грубыми не мѣняюсь отнюдь на ваши нѣжныя. Однако я васъ люблю, и желалъ бы васъ видѣть веселѣе; вы всегда пасмурны, уѣхали сюда невѣдомо за чѣмъ; имѣя тысячь пятьдесятъ доходу, прискакали жить въ деревню. Вы къ уединенію не сродны; поѣзжайте въ Москву, сударь.

Гипполитъ. Развѣ я тамъ не жилъ? развѣ не соскучилъ наконецъ я и тамъ? Ахъ! вездѣ изчезли мечты пріятной другъ къ другу довѣренности, — слово *я* и *мнѣ* всѣ забавы помрачило; или будь въ толпѣ людей, гдѣ каша кашей, или въ четырехъ своихъ стѣнахъ одинъ сидя, съ досады тресни; нѣтъ инаго образа жизни.

Весельчакъ. Инъ съѣздите въ чужіе краи.

Гипполитъ. Я ихъ видѣлъ, года три простался и не въ Россіи; все то же: либо глупость, либо надмѣнность; здѣсь принужденіе, тамъ своевольство; и побывавъ въ разныхъ Государствахъ, не видалъ ни одного человѣка, которой бы спать ложась, сказалъ самъ себѣ: я сегодни былъ доволенъ.

Весельчакъ. Ну, такъ примитесь за хозяйство; стройте, ломайте. На примѣръ, сударь, гдѣ у васъ поставленъ храмъ Вѣрности, поставьте шалашъ; гдѣ убѣжище Терпѣнія, туда перенесите Вѣрность, а на мѣсто Вѣрности . . . словомъ: сдѣлайте, сударь, въ строеніяхъ вашихъ производство.

Гипполитъ. Какая радость будетъ мнѣ въ томъ, коль не льзя имѣть удовольствія посидѣть въ нихъ не одному.

Весельчакъ. О, такъ женитесь на хорошенькой, пригожей, а особливо молодой дѣвушкѣ.

Гипполитъ. Не хочу; женитьба зависимость, изъ всѣхъ неволь самая безпокойная неволя; въ этомъ состояніи не только найти счастіе, и послѣдній слѣдъ къ нему потеряешь.

Весельчакъ. Спалъ въ пѣпь! По моему, такъ каждое изъ этихъ средство сдѣлало бы меня счастливымъ, еслибъ я уже имъ не былъ; а вамъ все не то, да не въ такую силу. Не уже ли же таки мать натура не проложила вамъ нигдѣ никакой будто тропинки ко счастію? Взгляните, сударь, на всѣхъ! Кто до фортуны не доходитъ большой столбовой дорогой, тотъ навѣрно, какъ червякъ, кривыми дорожками доползетъ, какъ доползетъ.

Гипполитъ. Пойду въ этотъ лѣсокъ. Какъ скучно чего-то хотѣть, и не знать самому чего!

Весельчакъ. А сказать ли, сударь, наконецъ, чего вамъ хочется?

Гипполитъ. Скажи, чего?

Весельчакъ. Вы признаетесь, ежели я отгадаю?

Гипполитъ. Ты знаешь, что я притворствовать не умѣю.

Весельчакъ. Вамъ хочется влюбиться.

Гипполитъ. Влюбиться! влюбиться! Какое, право, смѣшное состояніе: бѣгай или за кокеткой, которая измучитъ, или за разумницей, которая безъ вѣсу и мѣры не поцѣлуетъ. Нѣтъ, влюбиться не мое дѣло. Влюбиться! Любовь въ нѣкоторыя лѣта ничто иное, какъ сумазбродство, а влюбленные посмѣшище. Я силѣ этаго пламеннаго божка, какоего зовутъ Амуромъ и которому вселенная кланяется, никакъ не вѣрю; Амуръ есть изчадіе нашего воображенія, и сердце наше едва ли горѣло когда вправду его пламенемъ.

Весельчакъ. Въ самой вещи, сударь, подите-ка прогуляться, вы что-то по мудреному говорите; я и половины словъ вашихъ въ толкъ не возьму. Мое дѣло любить весь свѣтъ: и мущинъ и женщинъ, любить солнышко днемъ, ночью мѣсяцъ, лѣтомъ птичку, зимой сани, словомъ, нѣтъ дня,

часа, мѣсяца, года и погоды, въ которыя бы я чего нибудь не любилъ. Безъ любви жить на свѣтѣ! Да какъ это можно? Она наша сударушка, голубушка, жизнь, богатство, она все; безъ нее, по моему, такъ и огромныя-то барскія палаты ни лучше, ни краше пустаго амбара.

(Во время этаго монолога Гипполитъ выходитъ, а между тѣмъ Весельчакъ поетъ слѣдующую арію. На дворѣ располагается погода къ ненастью и ходятъ громовыя тучи.)

Арія.

Я скукѣ врагъ навѣки!
Люблю хорошую дѣвченку,
Люблю пригожую бабенку,
И все, что женщина, люблю.
Со мной въ ладу всѣ человѣки;
Я всяку ночь покойно сплю.
Со старухой не вожуся,
Съ молодкой волочуся,
Съ ребятами шучу,
Влюбляться ихъ учу.
Я скукѣ врагъ навѣки!

(По окончаніи аріи Гипполитъ подходитъ на сцену съ веселымъ видомъ, и слышенъ громъ вдали.)

Гипполитъ. *(Про себя)* Какая странная мысль!

Весельчакъ. Баринъ идетъ назадъ веселъ; видно надумался о чемъ нибудь пріятномъ, или не такъ ли, какъ всѣ богатые люди, которые отъ привычки къ перекорамъ и съ самимъ временемъ живутъ въ разладѣ: давича было ясно, господинъ мой былъ пасмуренъ; а теперь, чу, громъ гремитъ, такъ онъ распотѣшился.

Гипполитъ. Естьли бы это подлинно случилось....

Весельчакъ. Что, сударь, такое, не можно ли мнѣ знать?

Гипполитъ. Я гулялъ задумавшись въ этой липовой рощѣ, гдѣ разбросаны у меня статуи нѣсколькихъ лжебоговъ, и глядя на нихъ, мнѣ вдругъ захотѣлось, чтобы по древнему обычаю кто изъ нихъ сошелъ къ намъ сюда; эта мысль меня очень забавляетъ.

Весельчакъ. Вотъ на, сударь; да я думаю въ старину это бредили.

Гипполитъ. Что нужды, что то былъ бредъ; имъ такъ казалось, и они были счастливы. Часто сонъ привидится такой хорошій, чтоввѣкъ бы не проснулся.

Весельчакъ. Положимъ, сударь, чтобы эти боги и сошли къ намъ — вотъ-таки сюда прямо въ поле по новому, или старому манеру, какъ имъ угодно; ну, что же въ томъ прибыли было бы, пожалуйте скажите?

Гипполитъ. Я бы спросилъ у нихъ, гдѣ счастье, гдѣ его сыскать, какъ сохранить, какъ во всю жизнь имъ пользоваться?

Весельчакъ. Опять-таки за счастье! Нѣтъ, а я бы у нихъ ничего не спросилъ, а ушелъ бы очень далеко. Видалъ я какъ земные полубоги нашу братью мѣлочь ломаютъ и коверкаютъ; а цѣлая-то полновѣсная какъ слетитъ по вашему съ неба туша, такъ-то ли пить дѣло будетъ?

Гипполитъ. Однако гроза усиливается; пойдемъ домой, пока дождь не пошелъ.

Весельчакъ. Нѣтъ, уже поздно никакъ; экъна, какой-пошелъ! Вотъ, сударь, каково богами-то шутить; вы лишь молвили про нихъ, анъ и гроза. Съ часъ тому не было ни тонкаго облачка, а теперь посмотрите какое черное небо!

Гипполитъ. Поспѣшимъ, поспѣшимъ; градъ и дождь престрашной.

Весельчакъ. Нѣкогда бѣжать, сударь; войдемте лучше въ этотъ шалашъ, и тутъ дождемся, чтобъ туча прошла.

(*Оба входятъ въ шалашъ; громъ и гроза страшная, дождь и градъ, а къ концу дуэта*

небо прочищается и время становится прекрасное.)

Гипполитъ.

Ахъ, если бы могло то статься,
Чтобы сходили боги къ намъ,
Тогда бы было льзя ласкаться
Сыскать конецъ всѣмъ злымъ бѣдамъ.

Весельчакъ.

Какая страшная погода,
Пресильной въ небѣ шумъ и трескъ!
Одѣлась въ тучу вся природа,
Глаза слѣпитъ ужасной блескъ!

Гипполитъ.

Иль дожжикъ перестать не хочетъ?

Весельчакъ.

Нѣтъ! онъ насъ любо какъ промочитъ.

Гипполитъ.

Намъ, видно, здѣсь весь день сидѣть.

Весельчакъ.

На тучи съ молнiей глядѣть.

Гипполитъ.

Но нѣтъ, опять ужъ стало ясно.

Весельчакъ.

Вотъ небо время дастъ прекрасно.

Гипполитъ.

И тучи, кажется, прошли.

Весельчакъ.

Опять за рощу всѣ ушли.

Вмѣстѣ.

Гипполитъ.

Но нѣтъ! опять ужъ стало ясно,
И тучи, кажется, прошли.

Весельчакъ.

Вотъ время небо дастъ прекрасно;
Опять за рощу всѣ ушли.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣжъ и Амуръ.

(Амуръ спускается при ясномъ видѣ неба, гроза перестаетъ, въ различныхъ облакахъ со всѣхъ сторонъ слетаютъ Игры, Смѣхи и Забавы. Лишь только Амуръ съ облака ступитъ на землю, то птицы всѣ запоютъ, и начнется въ воздухѣ волшебной хоръ; пока Амуръ вьется со свитою своею въ облакахъ, Гипполитъ и Весельчакъ, его не примѣчая еще, выходятъ изъ шалаша.)

Весельчакъ. То-то, сударь, была нарядная трескатня! Никакъ на Олимпѣ отъ отца Юпитера прочимъ богамъ приходило жарко.

Гипполитъ. Это такъ не рѣдко бываетъ: на верху бранятся, а внизу трещатъ.

(Амуръ входитъ и начинается хоръ, подъ которой Игры, Смѣхи и Забавы танцуютъ балетъ; во время хора Гипполитъ и Весельчакъ стоятъ въ изумленіи.)

Хоръ.

Амуръ! тебѣ вселенна служитъ,
Природа вся уставъ твой чтитъ,
Твой гласъ сердца всѣхъ смертныхъ движетъ,
Огнемъ безсмертнымъ ихъ палитъ.

*

Ты скиптромъ всѣхъ краевъ владѣешъ
Превыше свѣтскихъ всѣхъ Царей;
Во всѣхъ народахъ ты имѣешь,
Сколь тамъ сердецъ, столь олтарей!

(Пока поютъ хоръ и балетъ танцуютъ, Амуръ подходитъ къ деревьямъ, къ лавочкамъ, и гдѣ палочкой ни тронетъ, вездѣ видно превращеніе, а шалашъ украшается розами и съ верху являются два сердца пылающія, съ надписью: Вотъ счастье.)

Весельчакъ. (*Тихо Гипполиту*) Вотъ, сударь, накликали вы и боговъ; смотрите, какая ихъ стая слетѣла. Я уйду.

Гипполитъ. (*Удерживая его*) Такъ чтожъ? Тѣмъ лучше; какое благополучіе! Подойдемъ къ этому юному бужку; это никакъ Амуръ: я его никогда не видывалъ.

Амуръ. (*Важно*)

Желаніямъ твоимъ Олимпъ сей день внимая,
И на судьбу твою сокрытой ропотъ зная,
Послалъ меня сюда надмѣнный духъ смирить,
И выучить тебя любя любимымъ быть.
(*Въ воздухѣ слышно эхо: любить.*)
Чего желаешь ты, скажи мнѣ откровенно?
Мнѣ все покорено: адъ, небо и вселенна.

Гипполитъ. Желаю счастія.

Амуръ.

Коль хочешь быть счастливъ, ты долженъ полюбить.
(*Въ воздухѣ повторяется слово: полюбить.*)

Гипполитъ. Любить!

Амуръ.

Найдя предметъ любви, старайся милымъ быть.

Гипполитъ. Не льзя ли отъ любви меня избавить? Я владычество твое знаю, могущества твоего страшусь; но думаю. . . .

Весельчакъ. А! а! трусу праздновать. . . .

Амуръ.

На свѣтѣ безъ моихъ нѣтъ счастія оковъ!
Взгляни на сей шалашъ и судъ прочти боговъ.

Гипполитъ. (*Читаетъ*) Вотъ счастье!

(*Игры и Смѣхи, окружа Амура, указывая на него, кричатъ тоже: вотъ счастіе.*)

(*Игривая толпа Геніевъ во время аріи танцуютъ, а по окончаніи каждаго куплета первые четыре стиха поются хоромъ.*)

Амуръ. (*Поетъ*)

На свѣтѣ блаженство
Одно, чтобъ любить,
Всѣхъ благъ совершенство
Любя милымъ быть.
Богатствъ обольщенье
И славы прельщенье
Моихъ стрѣлъ, колчана
Не стоютъ отнюдь.

*

Въ любви тая страстной,
Хорошъ всякой край,
Съ подругой прекрасной
Вездѣ сыщешь рай.
Безъ женщинъ мущина,
Жена безъ мущины
Блаженной судьбины
Нигдѣ не найдутъ.

Гипполитъ. О сынъ всесильной красоты, повсюду чтимый Купидонъ! или во множествѣ различныхъ человѣческихъ состояній нѣтъ ни одного такого, въ которомъ бы я могъ, почитая могущество твое издалека, быть счастливъ, покоенъ, веселъ, не сгарая твоимъ страстнымъ пламенемъ?

Амуръ. (*Смѣючисъ*) Ахъ! какъ же ты смѣшонъ съ своими высокопарными разсужденіями! Однако я тебя потѣшу; ты наконецъ признаешься и самъ, что безъ меня земной шаръ плачевное жилище. Смотри, тотъ ли видъ при мнѣ имѣетъ твое селеніе, какъ прежде? Птички повсюду поютъ и рѣзвятся, деревья одно къ другому приклоняютъ свои вѣтьви и листочки ихъ вьются вмѣстѣ; но когда все это для тебя не убѣдительно, когда гордость и тщета влекутъ тебя за собою, то я дамъ тебѣ случай самому познать свое заблужденіе.

Гипполитъ. Такой даръ для меня стократъ будетъ любезнѣе стрѣлъ твоихъ; на нихъ и безъ меня такъ много охотниковъ, что господину Амуру не малой ихъ запасъ ежедневно потребенъ: на что терять ихъ напрасно?

Амуръ. (Принимая отъ двухъ Грацій кружку) Вотъ тебѣ кружка изъ самаго чистаго кризолита; въ ней вода рѣки Забвенія. Изъ этой кружки Юпитеръ пьетъ всякой разъ, когда онъ отъ одной любовницы бросается въ объятія другой; но такъ какъ онъ сегодни подарилъ себя Юнонѣ, то до завтра это ему не понадобится. Вотъ тебѣ еще изумрудное колечко, которое я употребляю только на небѣ, когда между богами какая баламутка. Употреби эти двѣ вещи въ свою пользу. Надѣвъ кольцо на правую руку, ты сдѣлаешься всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пожелаешь; надѣвъ на лѣвую, очутишься тамъ, гдѣ вздумаешь, и будешь невидимкой; а когда надоѣдятъ тебѣ превращенія, и ты, найдя судьбу по сердцу своему, захочешь, чтобъ волшебство совсѣмъ изчезло, выпей тогда изъ кружки, да смотри поберегай ее и истощи напередъ всѣ твои затѣи.

Гипполитъ. Ахъ, какимъ восхищеніемъ, крылатой божокъ, ты меня наполняешь!

Амуръ. Скоро, скоро всѣ эти подарки тебѣ наскучатъ, и я надъ сердцемъ твоимъ восторжествую.

(Во все это время Весельчакъ заигрываетъ съ прислужницами Амура и Геніями.)

А ты, бѣднякъ, также, я чаю, чего нибудь хочешь?

Весельчакъ. Благо можно попросить, семъ попытаюсь и я. *(Подходитъ робко и тихо)* Великой, большой, ужасной, преузорочной, отецъ.... дитя....

Амуръ. (Расхохотавшись) Ха, ха, ха! Оставь пожалуй эти вычуры; я до нихъ не охотникъ. Я беру на себя иногда видъ важной, когда бесѣдую съ людьми знатными, степенными и неприступными; а съ такими добрыми простяками, каковъ ты, я всегда обхожусь безъ чиновъ, и для нихъ у меня особыя водятся стрѣлы.

Весельчакъ. Такъ изволь же знать, Господинъ Амуръ, что мнѣ двухъ вещей, помилуй Богъ, какъ хочется; а впрочемъ я всѣмъ по милости тво-

ей ли, или другаго какого вашего брата верхняго жителя, доволенъ.

Амуръ. Ну скажи, чего?

Весельчакъ. Вопервыхъ, кабы у меня была женушка, которая бы меня любила ни больше, ни меньше, какъ я ее любить буду.

Амуръ. Изволь. Потомъ?

Весельчакъ. Кабы имѣлъ я въ карманѣ такую бутылку вина, въ которую бы, сколько изъ нее выпью, столько бы опять наливалось, то есть даромъ, безъ платежа.

Амуръ. Изволь, я тебя этимъ подарю за твое добросердечіе. Я не замѣшкаюсь привести тебѣ такую дѣвочку, съ которой ты будешь жить, какъ рыба съ водой, а вина когда ни пожелаешь, всегда получишь. Господинъ твой п скай до вечера помаится, ха, ха, ха, и пусть узнаетъ, что сколько ни есть на свѣтѣ людей, и сколько ни различны ихъ состоянія, все въ мірѣ любитъ, все мнѣ кланяется и изъ этаго колчана летаютъ стрѣлы также давно, какъ и люди водятся.

(Амуръ, проговоря сіе, даетъ сигналъ; облака во множествѣ спускаются, Игры, Смѣхи и Забавы группами садятся и поднимаются вверхъ; Амуръ на легкое облако восходитъ, и пока этотъ отлетъ на театрѣ дѣлается, поется тотъ же волшебной хоръ, которой и прежде. По окончаніи же онаго, и когда Амуръ изъ виду и съ свитою своею пропадаетъ, то театръ приходитъ въ первобытное состояніе, превращенія исчезаютъ и шалашъ прежній видъ получаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Гипполитъ и Весельчакъ.

Весельчакъ. Никакъ, сударь, тысяча и одна ночь въ очью совершается?

Гипполитъ. Ахъ, какая нужда изслѣдывать, сонъ ли то, или истина! Сегоднишній день вѣчно

изъ памяти моей не выйдетъ. Естьли все на свѣтѣ обманъ, то можетъ ли мечта быть прелестнѣе моей! Пойду, полечу, обтеку мысленно всѣ предѣлы свѣта, употреблю въ пользу свою сіи очарованные подарки, и посмотрю, есть ли на свѣтѣ счастіе.

Весельчакъ. Однако, сударь, пока вы еще кольца своего съ пальчика на пальчикъ не перебрасываете и изъ угла въ уголъ по свѣту не мычитесь...

Гипполитъ. (*Съ нетерпѣніемъ желая уйти, пока тотъ его держитъ.*) Ну!...

Весельчакъ. Пока изъ кружки не зачали еще цѣдить воду забвенія, которую по частой перемѣнѣ вашихъ склонностей скоро, я думаю, почнете....

Гипполитъ. Ну!...

Весельчакъ. Такъ же пока и я не пожелалъ, не получилъ и не почалъ своего съ неба спадшаго ренскаго...

Гипполитъ. Договоришь ли ты безчисленныя свои *пока*?

Весельчакъ. Но можно ли, сударь, намъ отобѣдать? Громъ, тучи и слѣпое дитятко Амуръ такъ насъ засовали, мы такъ засуетились, что давно полдень прошелъ, а мы еще не ѣли.

Гипполитъ. Вотъ еще какая диковинка! Сколько людей отъ Амура, и не видавъ его совсѣмъ, по нѣскольку дней вовсе не ѣдятъ, а мы по крайней мѣрѣ его видѣли.

Весельчакъ. Правда, сударь, что это велико дѣло; да только брюхо ничего этаго не разумѣетъ.

Гипполитъ. Добро! пойдемъ обѣдать, и выпьемъ за здоровье Амура.

ЯВЛЕНІЕ 5.

(Театръ представляетъ селеніе Глафиры; вдали театра Англійской садикъ, а на право ближе къ оркестру бесѣдка съ площадкой, на которую Глафира изъ бесѣдки выходитъ.)

Глафира. (Одна.)

Арія.

Стократъ счастливое уединенье,
Гдѣ я живу безъ скуки, безъ досадъ!
Въ тебѣ мой духъ находитъ утѣшенье,
Какого дать не силенъ знатной градъ.
Тамъ шумъ, тамъ все противится природѣ;
Все ею здѣсь и дышетъ и живетъ:
Здѣсь птички рѣзвятся въ свободѣ
И соловей играючи поетъ.
Стократъ счастливое уединенье, и проч.

Смѣяна. (*Вбѣгаетъ съ крикомъ*) Ахъ! ахъ! ахъ! сударыня.

Глафира. Что ты?

Смѣяна. Вонъ тамъ какое-то дитя за мною гонится.

Глафира. Чтожъ тутъ страшнаго?

Смѣяна. Ничего; да лишь я его взвидѣла, такъ вся стала не своя и сердце такъ бьется....

Глафира. Какъ же она испугалась!... (*Амуръ вбѣгаетъ съ завязанными глазами и съ лукомъ*) Что за хорошее дитя! — Откуда ты взялся, мальчикъ?

Амуръ. Я не мальчикъ.

Глафира. Дѣвочка что ли?

Амуръ. Нѣтъ.

Смѣяна. Не ужь ли ты родился отъ грому и молніи давишней?

Амуръ. Нѣтъ, я шуму не люблю.

Глафира. Для чего ты зажмурившись ходишь; вить ушибешься.

Амуръ. Не бойтесь, я не ушибусь; а зрячіе на меня заглядываясь, часто спотыкаются.

Смѣяна. Да скажи намъ, милое дитя, что ты такое?

Амуръ. (*Развязывая очи*) Я божокъ; меня зовутъ Амуръ.

Глафира. Такого гостя я право давно къ себѣ не ожидала.

Смѣяна. А за чѣмъ пожаловалъ? Развѣ тебѣ на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ насъ, мѣста нѣтъ? Иль отъ тебя и въ глуши не уйдешь?

Амуръ. Отъ меня! отъ Амура уйти! ха, ха, ха!

Арія.

Нѣтъ въ свѣтѣ участи такой,
Нигдѣ нѣтъ края, ни пути,
Гдѣбъ отъ стрѣлы моей любой
Умѣлъ бы человѣкъ уйти;
Я жгу огнемъ, бью тетивой:
Со мной пожалуй не шути.
И старой и малой
И трусъ и удалой,
Кто холостъ, или кто женатъ,
Кто бѣденъ, или кто богатъ,
Отличной разумъ кто имѣетъ
И трехъ кто счесть не разумѣетъ, —
Все мнѣ, все покорено,
Все любить осуждено.

И такъ я сошелъ съ неба тронуть твое сердце, Глафира, и дать тебѣ силу мою почувствовать.

Глафира. Я готова тебѣ повиноваться.

Амуръ. Подлѣ васъ живетъ важной и знатной господинъ; онъ богатъ, а потому и гордъ, ни въ чью бьетъ, и власти моей противиться смѣетъ. Сегодни я умножу имъ число моихъ подданныхъ, сегодни Глафира будетъ его женою.

Глафира. Чья? Гипполита? — Я его очень жало, а онъ меня, я чаю, вовсе не знаетъ; и какъ мнѣ такой высокой степени льститься: онъ знатенъ, а я темной породы.

Амуръ. Эту темную породу красота ангельская дѣлаетъ свѣтлѣе солнечныхъ лучей.

Глафира. Онъ богатъ, а я ничего не имѣю.

Амуръ. Скромность и разумъ замѣняютъ всѣ сокровища вселенной.

Глафира. Онъ любитъ пышность, почесть, славу, а я уединеніе.

Амуръ. Въ уединеніи съ тобой онъ все забудетъ. Слава его будетъ — тебѣ нравиться, почесть — владѣть твоимъ сердцемъ, а пышность — вымышлять тебѣ забавы.

Смѣяна. Правду говоритъ Амуръ. Наше дѣло пригожихъ и молоденькихъ дѣвушекъ прихотничать и нѣжиться, а ихъ за нами ходить, да лисой около насъ увиваться.

Глафира. Я больше ничего сказать не смѣю. Когда Амуръ судьбой моей хочетъ править, то мнѣ остается. . . .

Амуръ. Хохотать? . . . ха, ха, ха! О! я люблю веселить и веселиться. . . . Вашъ околодокъ весь я превращу сегодни въ райское селеніе: всѣхъ женю, всѣхъ выдамъ замужъ; Гименею дамъ работы дни на три; нагоню сюда Граціевъ, забавъ и смѣху пропасть, важность за порогъ вышлю; спѣсь и чванство только трону, такъ они у меня, какъ стекло, въ дребезги разобьются; а самъ погощу на каждой свадьбѣ минутъ пять, да и поминай какъ звали.

Смѣяна. Какъ же весело и смѣшно будетъ; а я великая хохотунья. Да, господинъ Амуръ, мнѣ-то что?

Амуръ. Тебѣ я приготовилъ жениха кровь съ молокомъ; ты тотчасъ его увидишь. . . . Твой преважной, преспепенной Гипполитъ мыкается теперь по моей волшебной милости за тридевять земель, не вѣдомо гдѣ; пускай онъ устанетъ хорошенько, а

къ вечеру, и прежде нежели солнышко кончитъ бѣгъ свой, прежде чѣмъ Юпитеръ надѣнетъ свой ночной колпакъ и матъ моя Венера поясъ свой положитъ на яшмовую полку, Глафира будетъ въ объятіяхъ нѣжнаго любовника.

(*Уходитъ и Сиѣяна съ Глафирой за нимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 6.

(*Театръ первую декорацію представляетъ.*)

Весельчакъ. (*Одинъ*) Имѣть 50 тысячь годоваго доходу и мыкаться по бѣлу свѣту съ волшебной кружкой, да съ перстнемъ, такая диковинка въ башку мою не лѣзетъ. Заѣхать на Каму! Худо однако я сдѣлалъ, что не просился у Амура въ Москву; баринъ мой теперь можетъ стрѣляетъ и гораздо за Москвой, а мнѣ такъ и Сухаревой башни не видать. Ну, да не ужь ли похожденіе наше кончилось? Нѣтъ, еще дюжины двѣ - три красавушекъ сверху къ намъ конечно налетятъ; вить имъ, я чаю, также тамъ скучно, какъ намъ здѣсь. Что за причина, какъ подумаешь: кто внизу, тому все вверхъ хочется, а кто вверху, тотъ нарохтится какъ бы на низъ спрыгнуть, и выходитъ это Руская побаска: Тамъ - де и хорошо, гдѣ - насъ нѣтъ. Амуръ обѣщалъ мнѣ дѣвчонку, да все это буки. Сэмъ-ка покамѣстъ попробую я съ небеснаго погреба винца. Явись мнѣ бутылочка бѣлаго, нѣтъ краснаго, нѣтъ смоленаго. (*Является вдругъ бутылка Шампанскаго*) То-то кладъ, то-то рай, то-то небесная сладость! Стану тянуть и пѣть, и пѣть и тянуть. (*На колѣни ставъ*) О великіе того свѣта боги, Цари Князья, Графы, бояры, знатные и простые Господа, боярченки и наша братья челядь! всю эту бутылочку выпью за здоровье ваше; а вы между тѣмъ готовьте другую, такъ Амуръ приказалъ.

(*Садится въ шалашъ и пьетъ припѣвая*)

Арія.

Пусть всякъ живетъ и мычется, какъ знаетъ,
Одинъ, съ женои, иль съ множествомъ подругъ;
Меня ни то, ни сіо не раздражаетъ:
Всѣ люди мнѣ друзья и я всѣмъ другъ.

*

Мало ли, что кого изъ насъ забавитъ,
Я про себя всегда и сытъ и пьянъ;
Кто какъ гораздъ, тотъ счастьемъ такъ и правитъ,
А я за кружкой сидя знатной панъ.

*

Всѣ на судьбу, посмотришь, губу дуютъ,
Для чего свѣтъ идетъ всегда вверхъ дномъ;
Все трынь трава, напрасно лишь толкуютъ:
Мнѣ то и рай, коли въ избѣ садомъ.

(Допиваючи, онъ становится очень пьянъ)

Ну, бутылочка, мой другъ, спасибо . . . разпотѣшила ты меня . . . утро-то такъ меня смотило. Э! да что красавушка моя не катитъ. . . Видно Амуръ подъ нее голубей подпрягаетъ. . . . То-то, я чай, преузорочное дѣло будетъ. . . . Ну, Весельчакъ. . . въ сорочкѣ родился. . . Ека невидаль . . . . и въ Москвѣ. . . . Да . . . . ну таки слышь. . . . Вся недолга.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Финалъ.

Амуръ, Смѣяна и Весельчакъ (Спитъ).

Амуръ.

Подь сюды, подь сюды,
Подь сюды, моя красотка!
Тебя ждетъ твоя находка;
Не бось со мною ты бѣды.

Смѣяна.

Амуръ находку обѣщаетъ;
Знать жениха мнѣ припасаетъ:
Бояться съ нимъ не льзя бѣды.

Амуръ.

Анъ вотъ молодчикъ мой сонливой,
Любовникъ прямо нестыдливой,
Какъ разнѣжившись лежитъ,
Какъ убитой съ хмѣлю спитъ.

Весельчакъ.

Заспался не кстати я,
Не взбудилъ никто меня;
Ай житье, ай да раздолье!
Жарча, вина, всего приволье.
Амуръ, спасибо братъ тебѣ!
Но вотъ и самъ онъ здѣсь явился;
Съ какой красоткой очутился!
Супруга знать моя никакъ?
А я стою шутъ какъ дуракъ!

Вмѣстѣ.

Амуръ

Насилу другъ нашъ встрепенулся.
Вотъ твой женихъ, смотри, проснулся;
Его тебѣ я подарю,
Но не сей часъ, а ввечеру.

Весельчакъ.

Но вотъ и самъ онъ здѣсь явился;
Съ какой красоткой очутился!
Моя жена при немъ никакъ?
А я стою шутъ какъ дуракъ!

Амуръ.

(*Видя, что Весельчакъ порывается обнять Смѣяну, удерживаетъ его*)

Потише, молодецъ, такъ близко къ ней не суйся;
Бутылка тебя ждетъ, — поди съ ней поцѣлуйся.

Весельчакъ.

Но только что вина, ты женку мнѣ сулилъ.

Амуръ.

Чего ты напередъ, припомни-ка, просилъ?

Весельчакъ.

Не помню, хоть убѣй. . . .

Амуръ.

Жены тебѣ хотѣлось;
А къ дѣлу какъ пришло, пилось бы лишь, да ѣлось.

Весельчакъ.

Пустое, братъ Амуръ; голодной у кумѣ,
Слыхалъ я, что не ты, а хлѣбъ лишь на умѣ.

Амуръ.

За то ты даромъ сей красотки не получишь;
Трудомъ ее купи, и естьли не соскучишь,
Такъ къ вечеру ее ты будешь цѣловать;
А безъ того ее вовѣки не видать.

Смѣяна.

Почто ты мнѣ узнать велѣла
Любви желаемый предметъ;
Иль въ злобѣ ты своей хотѣла,
Чтобъ мнѣ омерзилъ цѣлой свѣтъ?

Амуръ.

Дай мнѣ взбѣсить его свободу.

Смѣяна.

А ты мнѣ дай мою свободу.

Амуръ.

Пускай въ замѣнъ вина пьетъ воду.

Смѣяна.

Напрасно такъ тѣснить природу?

Весельчакъ.

Я пилъ какъ будто бы во снѣ,
А на яву похмѣлье мнѣ;
Не льзя ли, батюшка Амуръ,
Мнѣ безъ хлопотъ ей строить куръ?

Амуръ.

Богамъ угодно, чтобъ въ отмщенье
За сдѣланное предпочтенье
Вину предъ женской красотой
Ты искусился бы водой.

Весельчакъ.

Какой мнѣ рокъ готовятъ слезной!
Спасибо, баринъ мой любезной!
Амура съ неба ты сманилъ,
А самъ отъ нихъ тотчасъ урылъ.

Смѣяна.

Что мучить насъ тебѣ охоты!
Жени скорѣй, иль разлюби.

Весельчакъ.

Свои ты инде найдешь счеты,
А насъ пожалуй не губи.

Амуръ.

Не льзя того перемѣнить,
Богамъ не льзя мнѣ измѣнить.

Смѣяна и Весельчакъ. (На колѣняхъ)

Амуръ! отъ ногъ твоихъ не встанемъ,
Молить тебя не перестанемъ;
Нѣтъ, нѣтъ, конечно не отстанемъ,
Пока ты счастья намъ не дашь.

Амуръ.

На что у ногъ моихъ стоите?
Того, чего теперь хотите,
Снискать отнюдь себя не льстите.

Весельчакъ.

Какая это яролашъ!

Амуръ.

Водою ты, а ты терпѣньемъ
Готовьтесь выучены быть.

Весельчакъ и Смѣяна.

Взаимнымъ сердца привлеченьемъ
Успѣлъ довольно научить.

Всѣ трое.

Весельчакъ.

И такъ, сударь Амуръ, шальливое владыко,
Которому всегда плати ремень за лыко.

Амуръ.

Не хочешь ли меня ты бранью испужать?
(Смѣется)
Ворчи, дружокъ, ворчи...

Весельчакъ.

Тебя коль не чѣмъ взять,
Скажи же, какъ достать ее повелѣваешь?

Амуръ. (Важно)

Коль подлинно владѣть дѣвицей сей желаешь,
Ты долженъ здѣсь въ рѣкѣ всю воду возмутить,
И сряду девять разъ девяту волну пить.

Весельчакъ.

Девяту волну пить и девять разъ и къ ряду!
И впрямъ, Амуръ, въ тебѣ ни складу нѣтъ, ни ладу.
(Амуръ уходитъ и Смѣяну съ собой уводитъ.)

Волшебной хоръ.

(Во время онаго Весельчакъ стоитъ изумлѣнъ, надумывается и уходитъ.)

Амуръ, Веверинъ сынъ прекрасной!
Лети ты къ небесамъ опять,
И съ нихъ смѣлѣй стрѣлою страстной
Спѣши вселенну поражать.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Театръ представляетъ первую декорацію.)

ЯВЛЕНІЕ 1.

Гипполитъ. (Одинъ)

Арія.

Амуръ, тиранъ сердечной,
Спокойныхъ душъ врагъ вѣчной!
Увы! почто я зрѣлъ тебя!
Всѣ мысли наши возмущаешь,
Страдать всечасно заставляешь,
И жить, разсудокъ погубя.
Отъ стрѣлъ твоихъ что ни родится,
Что только въ голову вселится,
Химера выдетъ и мечта.
Нѣтъ, я тебѣ не покорюся,
Всей силою вооружуся,
И для меня ты суета.

Два раза я надѣвалъ кольцо на правую руку, и два раза превращался; нѣтъ, или волшебство мнѣ не благопріятствуетъ, или подлинно нѣтъ участи счастливой.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Гипполитъ и Весельчакъ.

Весельчакъ. Ну, сударь, благодарю покорно; изрядную вы мнѣ милость оказали.

Гипполитъ. Чтожъ такое? Или вина тебѣ не стало?

Весельчакъ. Какъ бы не вина, сударь; за мои грѣхи пришлось и воду пить.

Гипполитъ. Какъ это?

Весельчакъ. Препроказливой этотъ божокъ, или сатана, давшій Амуръ нашелъ меня какъ-то здѣсь въ разплохъ на веселѣ, показалъ мнѣ красавицу, которую я такъ полюбилъ, какъ.... какъ мущины любятъ дѣвокъ, и собрался было ее поцѣловать такъ . . . . какъ мущины цѣлуютъ дѣвокъ; но мой Амуръ разсердился не вѣдь за что и изволилъ мнѣ приказать эту незнаемую красотку выслуживать, какъ будто чинъ какой, и какъ бы вы думали, чѣмъ?

Гипполитъ. Чѣмъ бы то ни было, ты такъ влюбчивъ, что для тебя все будетъ бездѣлица.

Весельчакъ. Нарядилъ меня этотъ воздушной сорванецъ идти къ рѣкѣ, возмутить воду, ловить девятую волну и выпить ее девять разъ къ ряду. (*Гипполитъ смѣется.*) Вамъ, сударь, смѣшно, а мнѣ и полсмѣха нѣтъ.

Гипполитъ. Не веселѣй и мнѣ, повѣрь. Я два раза превращался и все по пустякамъ.

Весельчакъ. Ништо вамъ; сами блинъ спекли, сами и кушайте. Однако, сударь, на маломъ нашемъ розыскѣ не льзя ли узнать, гдѣ и чѣмъ изволили побывать?

Гипполитъ. Сперва вздумалось мнѣ пожить въ кожѣ стихотворца.

Весельчакъ. Я чаю слова ваши, сударь, полились какъ сыта.

Гипполитъ. Я въ этомъ состояніи испыталъ страсть доселѣ для меня новую и въ мукахъ ее и заботахъ: я сталъ самолюбивъ, возмечталъ, что лучше меня никто не пишетъ, потѣлъ долго, писалъ много, сказалъ мало, завалили меня ругательствомъ и насмѣшками, и я съ досады выскочилъ вонъ изъ стихотворнаго туловища.

Весельчакъ. И попали куда?

Гипполитъ. Въ густую судейскую тушу; сдѣлался судьею, разсердился на плутовъ и лихо-

имцовъ, погналъ ихъ грудью и перомъ, зачиналъ уже одолѣвать, какъ вдругъ одинъ побольше меня судья на меня разсердился и далъ мнѣ такого туза, что почувствовалъ я себя и къ судейству человѣкомъ негоднымъ; разлилась во мнѣ желчь, я взбѣсился и скинулъ посредствомъ волшебнаго кольца судейскую съ себя маску.

Весельчакъ. Потомъ, сударь?

Гипполитъ. Потомъ пришелъ сюда.

Весельчакъ. Воля ваша, сударь, вы не знаете, чего хотите. 50 тысячь у васъ доходу, — одно это, кажется, звонкое слово: 50 тысячь рублей, счастливѣе всѣхъ вашихъ превращеній, отъ которыхъ вы къ концу дня ни на волосъ выше не подыметесь.

Гипполитъ. Я не знаю право, что мудренаго въ моихъ желаніяхъ. Я счастье полагаю въ самыхъ легкихъ пріобрѣтеніяхъ. Что въ богатствѣ, когда дѣлить его не съ кѣмъ! Я хотѣлъ бы имѣть товарища, которой бы встрѣчалъ великолѣпную зарю утра, сидя рядомъ со мною, которой ввечеру, смотря вмѣстѣжъ со мной на закатъ солнца, благодарилъ бы Небо одними со мной устами за то, что къ протекшимъ счастливымъ днямъ еще день счастливый приложился, которой бы задумывался вмѣстѣ со мною, вздыхалъ въ одно время и о томъ же, любилъ бы меня паче всего на свѣтѣ.

Весельчакъ. Ха, ха, ха! и вышло на моемъ, сударь: вамъ влюбиться хочется; вы любовницу ищете, да не найдете, вотъ и запятая.

Гипполитъ. Все влюбиться, да влюбиться; развѣ другъ не превосходилъ бы стократъ любовницы? Прошло то благополучное для смертныхъ время, въ которое человѣкъ, всегда юный въ страстяхъ своихъ, равняющійся въ непорочности ангелу, любилъ пламенно и нѣжно, душа его горѣла огнемъ чистымъ и незазорнымъ; а нынѣ любви нѣтъ; нынѣ все дѣвки, да дѣвки, вчера такая, завтра иная: вотъ любовь нашего вѣка; я въ ней счастія своего никогда не найду.

Весельчакъ. Вишь вотъ на всѣхъ какъ угодить! А мнѣ то-то и любо, что все перемѣнки: вчера Арина, сегодни Марина. Поѣдемъ-те, сударь, въ Москву: тамъ красавицъ, какъ лѣтомъ мухъ, любую выбирайте; а здѣсь пей пожалуй девятую волну.

Гипполитъ. Нѣтъ, воспользуюсь теперь другимъ подаркомъ Амура: надѣну кольцо на лѣвую руку, и предстану невидимкой, куда вздумается; посмотрю на вельможу, найду въ избѣ грубаго поселянина, и естьли не сыщу счастія нигдѣ, по крайней мѣрѣ не упрекну себя, что я его не искалъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Весельчакъ. (Одинъ)

Ну, Весельчакъ, пить такъ пить девятую волну. Збылась со мной побаска: хоть не радъ, да будь готовъ; что дѣлать, иногда трафится, что и радъ, да неготовъ: свѣтъ штука большая, что о томъ и говорить; э, да мало ли что въ немъ мудренаго. Станемъ-ка жить и курныкать сегодни, а завтра что Богъ дастъ.

Арія.

Всякъ, чего желаетъ,
Самъ того не знаетъ;
Свѣтъ таковъ
Ужь не новъ.
Много въ свѣтѣ
На примѣтѣ
Дураковъ.

*

Нынче все хохочетъ,
Завтра плакать хочетъ
Человѣкъ
Весь свой вѣкъ;

Такъ живется,
Такъ ведется
Цѣлой вѣкъ.

*

Милую находку
Нѣжную красотку
Кто сыскалъ,
Кто досталъ,
Тотъ удачливъ,
Тотъ и счастливъ
На вѣкъ сталъ.

*

Много и умнѣе
Меня и знатнѣе
Про себя,
Не шутя,
Тотъ же клятой
Пьютъ девятой
Валъ, какъ я.

ЯВЛЕНІЕ 4.

(Театръ перемѣняется и представляетъ кабинетъ вельможи, въ которомъ Гипполитъ невидимкой.)

Гипполитъ и Мечтолюбъ.

Гипполитъ. (*Сперва одинъ*) И такъ я очутился въ Москвѣ; въ этомъ домѣ, говорятъ, безпрестанныя собранья. Хозяинъ богатъ, знатенъ, молодъ, уменъ, пріятенъ, слѣдовательно и счастливъ; увижу, даютъ ли благополучіе чины, слава и почесть, когда всякой день испытываю, что роскошь дать его не можетъ.

Мечтолюбъ. Какой скучной обѣдъ! какое несносное принужденье! Малой! (*слуга входитъ*) дай сертукъ. Насилу въ цѣлой годъ нашелся такой вечеръ, которой я могу провести по своему. (*Надѣвъ сертукъ*) Дома ли жена?

Слуга. Изволила съѣхать и карету отпустила; вотъ отъ нее письмо.

Мечтолюбъ. (*Читаетъ*) Гей! Скажи, чтобы музыку приготовили; сегодни жена не будетъ дома во весь вечеръ, и я на свободѣ повеселюсь.

Гипполитъ. Изрядное супружество.

Мечтолюбъ. Позовите сюда Секретаря моего; завтра еще прибавятся наружные знаки моихъ почестей, и женнинъ визитъ, балъ и всѣ его послѣдствія обѣщаютъ мнѣ впередъ много лестныхъ преимуществъ.

Гипполитъ. А самое вѣрное — рога.

Мечтолюбъ. Пусть голодные писатели и изсохлые моралисты поютъ, что хотятъ; кто выситься желаетъ, тому всѣ средства хороши, лишь бы достигалъ удачи.

Гипполитъ. Самая добрая философія!

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ же и Поддакинъ съ бумагами.

Мечтолюбъ. Здравствуй, господинъ Поддакинъ! Что это ты съ бумагами пришелъ?

Поддакинъ. Вашему Сіятельству недосугъ было давича. . . .

Мечтолюбъ. Да, я ѣздилъ на званой пиръ.

Поддакинъ. Не угодно ли что приказать по этимъ бумагамъ? Тутъ есть довольно важные приговоры. . . . .

Мечтолюбъ. Нѣтъ, мой другъ, все это завтра; мнѣ сегодни недосугъ. Я остался дома слушать музыку, а не дѣла дѣлать; завтра.

Поддакинъ. Не угодно ли на нѣкоторыя времяни нетерпящія письма хотя краткіе отвѣты начертать?

Мечтолюбъ. Еще разъ, мой другъ, нѣтъ. Или я не могу иногда забавы мои почесть недосугами для отправленія дѣлъ? Я тебя позвалъ, чтобы спросить тебя, нашелъ ли ты мнѣ денегъ занять?

Поддакинъ. Ваше Сіятельство, денегъ достать нынѣ и трудно и дорого. Естьли бы онѣ и были, то бы я осмѣлился доложить Вашему Сіятельству изъ отлично глубокаго моего почтенія....

Мечтолюбъ. О чемъ?

Поддакинъ. О удовлетвореніи многихъ должниковъ, кои неотступно платежа просятъ, и сколько я сего утра ни хлопоталъ съ ними изъ отсрочекъ, но всѣ ссылаются на вашу роскошь и ждать не хотятъ ни дня; простите мнѣ.

Мечтолюбъ. Такъ, мой другъ, я знаю, что мои столы, мои пиры, а особливо музыка всѣмъ въ глаза кидаются, всякой меня почитаетъ ежеминутно въ деньгахъ; но ты знаешь, что нынѣ весьма вошло въ обыкновеніе не имѣть гроша въ карманѣ и кормить сто человѣкъ гостей. Вотъ таки на примѣръ я: у меня нѣтъ теперь 25 рублей въ кошелькѣ, а ежели завтра получу я извѣстіе, что произведенъ, то не далѣе, какъ черезъ два дни у меня маскерадъ, и вся Москва будетъ угощена. И такъ, мой другъ, о дѣлахъ и долгахъ станемъ говорить завтра, а о деньгахъ сегодни, сей же часъ.

Поддакинъ. Естьли бы смѣлъ я предложить вамъ способъ получить ихъ?

Мечтолюбъ. Какой, скажи?

Поддакинъ. Посѣщающій васъ купецъ. . . .

Мечтолюбъ. Понимаю; съ охотою, завтра дѣло его будетъ сдѣлано, а ты постарайся о томъ, чтобъ. . . .

Поддакинъ. Это не забудется и не пропадетъ, Ваше Сіятельство; онъ бы кромѣ и случайной сей своей послуги готовъ съ вами въ общія коммерческія дѣла войти, какъ-то въ откупъ, въ подряды; подъ именемъ вашимъ всякая монополія меньше была бы страшна; но онъ опасается и въ разговоры даже о семъ войти съ столь знаменитою особою, какъ ваша.

Мечтолюбъ. Пустое, другъ мой, чего онъ боится. Многіе изъ насъ лишь публику стращаютъ надутымъ своимъ видомъ, а въ самомъ дѣлѣ

въ кабинетахъ своихъ они право не такъ-то казисты.

Гипполитъ. Спасибо, хоть чистосердеченъ.

Мечтолюбъ. Много дѣлаетъ въ свѣтѣ личина.

Поддакинъ. Подлинно, Ваше Сіятельство, мало ли что кому кажется золотомъ, гдѣ вправду только мѣдь.

Мечтолюбъ. Такъ, Господинъ Поддакинъ, насъ возводятъ и губятъ не дѣла, а молва. Прослыветъ дуракъ умнымъ, всѣ его премудрости дивятся; умной ли попадетъ въ дураки, всѣ закричатъ: такого скота и не бывало. Хитра наука въ свѣтѣ житъ, мой другъ!

Поддакинъ. Кто одаренъ такими достоинствами, какъ вы, Сіятельнѣйшій, тотъ владѣетъ во всякое время ниткою этаго лабиринта.

Мечтолюбъ. На что достоинства? Чтобъ счастливу быть не надо быть добру, а осторожно быть дурну.

Гипполитъ. Какая тонкая чернота, какой уродъ въ порокахъ!

Поддакинъ. Мѣтко разсуждать изволите, Ваше Сіятельство!

Гипполитъ. Кури свой идолъ, о пребезчестный ласкатель!

Мечтолюбъ. Возьмемъ въ примѣръ кого нибудь; я о себѣ не стану говорить. Мало ли ты знаешь людей въ свѣтѣ, которые чѣмъ больше сдѣлали хулы достойныхъ дѣлъ, тѣмъ легче получили всякія степени преимуществъ.

Поддакинъ. Не говоря о Вашемъ Сіятельствѣ, и я скажу, что ихъ довольно.

Мечтолюбъ. Сколько же напротивъ мнѣ извѣстныхъ людей, кои отъ неумышленности, отъ неосторожнаго подвига молодаго разсудка, можетъ быть и хорошаго, по крайней мѣрѣ не пакостнаго, платили дорого за самыя извинительныя шалости; молва объ нихъ доходила до какой нибудь мѣлкой твари; эта гадина внушала и вѣсточку и свои

толки тутъ же въ уши какого ни наесть скареда; тотъ скажетъ двумъ, или тремъ другимъ, и пошло въ славу; наконецъ молодой человѣкъ безъ всякой вины часто претерпѣваетъ самыя лютыя поношенія, теряетъ хорошее имя и какъ ключь ко дну канетъ.

Поддакинъ. Все, что ни изволите сказать, все очень справедливо; слова изъ устъ вашихъ какъ рѣка льется.

Гипполитъ. А на сердцѣ сажа; что не договариваешь?

Мечтолюбъ. Однако я заговорился; пора бы за музыку. А ты таки все за бумаги.

Поддакинъ. Въ нихъ есть одна такая, которая меня собственно корыстуетъ, и ежели бы смѣлъ. . . .

Гипполитъ. Подай, подай; что такое?

Поддакинъ. Письмо къ одному Губернатору о представленіи къ мѣсту небогатаго человѣка, коего жена. . . .

Мечтолюбъ. Родственница тебѣ, или. . .

Поддакинъ. Она, Ваше Сіятельство, отпущена мужемъ погостить ко мнѣ; за такое его одолженіе былъ бы я неблагодаренъ. . .

Мечтолюбъ. Конечно. . . естьлибъ не показалъ чрезъ благодѣтеля своего ему услуги. А хороша ли эта госпожа? Виноватъ, я много спрашиваю; мое дѣло подписать письмо, прочее для меня секретъ. (*Подписываетъ*) Вели послать ко мнѣ мою пѣвицу. (*Приносятъ ему карточки*) Вотъ еще одна изъ тѣхъ забавъ, кои меня крайне веселятъ. Около большаго праздника прославятъ кого нибудь въ новое достоинство, или въ новый случай у Двора, то и бросятся всѣ на-перерывъ съ визитами, кто поутру, кто накануне, кто ввечеру. Завтра я жду эстафеты, а сегодни вся Москва валитъ въ гости.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же и Нина, пѣвица.

Мечтолюбъ. Здравствуй, Нина! Какъ же ты авантажна сегодни! Ты не догадаешься, за чѣмъ я тебя позвалъ?

Нина. Для клавикорть конечно, Ваше Сіятельство?

Мечтолюбъ. А ежели бы не для нихъ . . . Сыграй мнѣ что нибудь, только прошу не арію, а простую Рускую хорошую пѣсенку; я терпѣть не могу вашихъ Италіянскихъ взвизговъ. Всякой имѣетъ свой вкусъ.

Арія.

Нина.

Все со временемъ проходитъ,
Заблужденьямъ есть конецъ;
Тотъ во тьмѣ свой вѣкъ проводитъ,
Кто лишь славы чтитъ вѣнецъ.

Мечтолюбъ.

Себѣ и сердцу измѣняя,
Мечту лобзаемъ каждой часъ;
Но, ахъ! все вздоръ; любовь прямая
Одна сильна счастливить насъ.

Мечтолюбъ. Вотъ настоящая правда!
Гипполитъ. Да ты ее не чувствуешь.

Нина.

Безъ любви намъ вся вселенна
Степью кажется пустой,
Горы злата драгоцѣнна
Безъ любви суть прахъ земной!

Мечтолюбъ.

Любовь и скиптры украшаетъ,
Любовь и бѣдность золотитъ;
Но безъ любви вся тварь скучаетъ,
Ничто въ подсолнечной не льститъ.

Мечтолюбъ. Продолжай, продолжай; я хочу ее всю прослушать.

Нина.

Даръ любить дала природа
Намъ въ замѣну нашихъ бѣдъ;
Сія нѣжныхъ чувствъ свобода
Выше Царскихъ всѣхъ побѣдъ.

Мечтолюбъ.

Когда я Нину обнимаю,
Когда ласкаюся я къ ней,
Тогда я все позабываю,
Кромѣ голубушки моей.

(Въ это время входитъ слуга съ запиской. Мечтолюбъ, которой хотѣлъ поцѣловать Нину, отскакиваетъ и беретъ записку; пока онъ ее читаетъ, Гипполитъ про себя)

Вотъ прекрасно! Забываетъ все, кромѣ голубушки, а вмѣсто того бросается изъ объятій ея къ запискѣ, которой еще и содержанія не знаетъ! Чтожъ будетъ съ этой голубушкой, когда онъ прочтетъ ее?

Мечтолюбъ. *(Прочтя и въ смущеніи)* Гей! карету! Боже мой! распустить музыкантовъ! Не было никакой перемѣны, и я чаемаго повышенія не получилъ. Я знаю, кто это спроворилъ; я вѣдаю, чьимъ проискамъ я обязанъ за теперешнее мое внутреннее страданіе. О люди, вы, кои завистливыми на насъ смотря очами, желаете быть на нашемъ мѣстѣ! благословите вашу участь! Вы! никогда не покупаете вашихъ забавъ такою дорогою цѣною, какъ мы, и этотъ мигъ пріятной, которой я себѣ доставилъ между тягостнымъ обѣдомъ и стократъ несноснѣйшимъ вечеромъ, не стоитъ всѣхъ очарованныхъ счастіемъ дней, кои вы проводите съ своими подругами, насмѣхаясь намъ и нашимъ замысламъ. Ну, теперь женѣ у Князя дѣлать нечего; поѣду за ней.

Гипполитъ. И спѣши, чтобъ не опоздать. Вотъ счастье знатнаго Господина!

(Снимаетъ кольцо и театръ представляетъ селеніе Глафиры.)

ЯВЛЕНІЕ 7.

(Театръ представляетъ Глафирины дачи.)

Глафира и Смѣяна.

Глафира. Какая въ чувствахъ моихъ перемѣна! Ни одинъ день еще не казался мнѣ такъ дологъ, какъ сегоднишній.

Смѣяна. Что со мной подѣялось! Бывало все хохочу съ утра до вечера, а сегодни вовсе не могу смѣяться.

Глафира. За что ни примусь, ничто на умъ нейдетъ.

Смѣяна. Что ни возьму въ руки, все изъ нихъ валится.

Глафира. Давишнее дитя изъ мыслей не выходитъ.

Смѣяна. Этотъ пастушокъ, котораго я видѣла, овладѣлъ мною совершенно.

Глафира. Ахъ! это ты, Смѣяна?

Смѣяна. Я не видала васъ, Сударыня.

Глафира. Какой прекрасной день! какой вечеръ!

Смѣяна. Кабы поскорѣй онъ прошелъ.

Глафира. Чтожъ онъ тебѣ такъ наскучилъ?

Смѣяна. Мнѣ Амуръ обѣщалъ къ закату солнца такого прекраснаго, такого пригожаго молодчика, что я жду не дождусь его назвать мужемъ.

Глафира. Развѣ ты его видѣла и говорила съ нимъ?

Смѣяна. Видѣть видѣла, говорить не говорила, а ужъ влюблена въ него по уши.

Глафира. И такъ ты меня рѣшилась оставить?

Смѣяна. Я васъ очень, очень люблю, моя милая барыня; а этаго молодца, не потаю вамъ, что люблю побольше.

Глафира. Какъ же ты скоропостижно влюбляешься!

Смѣяна. Такъ-то и надобно, сударыня; я дѣвка не свѣтская, выросла въ деревнѣ. По нашему обычью взглянула, полюбила, по рукамъ, да и замужъ; мы вашихъ благородныхъ вычуръ не знаемъ. Признайтесь, что много есть между вами въ городахъ такихъ, которые до тѣхъ поръ засватаются и задлятъ сговорами, помолвками и прочими дурачествами, что при отпускѣ приданаго едва любятъ уже того жениха, на котораго глядя за мѣсяцъ передъ тѣмъ, съ радости умирали.

Глафира. Мой другъ! всякая жизнь имѣетъ свои правила. Ты сама знаешь пословицу: что городъ, то норовъ; что село, то обычай.

Смѣяна. Стало мое село или родина всѣхъ вашихъ столичныхъ городовъ милѣе. У насъ обычай — природа, правило — любовь. Я по рядной несу за собою красоту, женихъ мнѣ вмѣсто знати даетъ сердце. Мы по вашему по городскому другъ за другомъ не волочимся, да любимъ всѣмъ сердцемъ.

Глафира. (*Про себя*) Какъ близко ея разсужденіе къ моимъ чувствамъ. (*Вслухъ*) Ты очень чистосердечна, мой другъ.

Смѣяна. А на чтожъ мнѣ притворяться? Я влюбилась, въ этомъ стыда еще нѣтъ; я хочу замужъ, это и подавно не стыдно. Спросите и вы у своего сердца, чуть не на моей ли оно также сторонѣ.

Глафира. Ахъ, правда! Я отъ тебя не скрою, что съ тѣхъ поръ, какъ Амуръ произнесъ имя Ипполита, языкъ его поминутно сложить хочетъ, и кажется мнѣ, что я также его люблю, едва издали раза два видѣвши.

Смѣяна. И такъ, сударыня, оставимъ принужденіе, послѣдуемъ въ полной свободѣ нашимъ чувствамъ и. . . .

Глафира. Что ты, Смѣяна? развѣ Ипполитъ меня любитъ? Я и думать объ этомъ не отваживаюсь; да и жилище мое еще не такъ мнѣ прискучило.

Смѣяна. Полноте, сударыня, какъ можетъ не прискучить что нибудь безъ мущинъ? Полгода мы здѣсь живемъ однѣ одинехоньки; сады и птички, лѣса, бесѣдки, все это хорошо и прелестно, да только тогда, когда хорошій любовникъ вмѣстѣ съ нами въ кусты прячется.

(Слышенъ голосъ)

Глафира! Небеса твой жребій премѣнили,
Оставь на время ты убѣжище свое;
Поди туда, гдѣ мы съ Смѣяной нынѣ были:
Тамъ ждетъ тебя Амуръ и счастіе твое.

Глафира. Какое чувство поселилось въ душѣ моей! какой трепетъ всѣ члены мои въ движеніе приводитъ! Любовь! я силу твою ощутила! Царствуй надъ моимъ сердцемъ, награди меня предметомъ, страсти моей достойнымъ, и вложи въ него ко мнѣ постоянное чувство! А вы, мѣста моихъ увеселеній, страна моихъ забавъ! простите. Когда я люблю, то уже вы для меня пусты стали.

Арія.

Прости на вѣкъ моя свобода,
Прощай мой садъ, прощай лѣсокъ,
И ты, прозрачной милой токъ,
Гдѣ царствуетъ одна природа,
Гдѣ всяка мнѣ погода
И всякой былъ пріятенъ рокъ!

ЯВЛЕНІЕ 8.

(Театръ представляетъ избу. Даша сидитъ за станкомъ, и Гипполитъ невидимкой.)

Даша. Что это батюшка такъ долго домой нейдетъ?

Гипполитъ. Вотъ еще родъ людей, коихъ участь мнѣ не извѣстна; ужьли и здѣсь нѣтъ счастья безъ любви? Посмотримъ.

Даша поетъ.

Гдѣ нийду, гдѣ ни гуляю,
Скучно, скучно мнѣ вездѣ;
Все грущу и все вздыхаю:
Знашь мнѣ счастья нѣшъ нигдѣ.

*

Выдуль къ берегу крупому
Прогуляшься на часокъ,
Вдругъ явлюся прошивъ дому,
Гдѣ живешъ мой милъ дружокъ.

*

Я кричу ему въ окошко:
Ваня, Ваня, выдь на дворъ,
Или дай взглянуть немножко
На себя черезъ заборъ.

Гипполитъ. Ой ужь мнѣ эта любовь! все она, да она.

(*Входять Изотъ и Домна.*)

Изотъ. Здорово, здорово, Даша. Я чаю ты всѣ глаза просмотрѣла, насъ ждавши?

Даша. И вѣдомо, башюшка; а матушка гдѣ?

Изотъ. Вонъ она за мной идетъ.

Даша. А! здравствуй, матушка.

Домна. Здорово, мой свѣтъ. Отгадай, дѣвка, гдѣ мы по се мѣсто прогуторили съ отцомъ твоимъ?

Даша. Гдѣ мнѣ это знать.

Изотъ. А вонъ были за рѣкой у Авдея, Иванова отца.

Даша. Что бы вы тамъ дѣлали, батюшка?

Изотъ. Мы съ старикомъ тянули брагу, а мать твоя все прокалякала съ Иваномъ; вотъ-де скоро Петровки на дворѣ, пора-де молодцу жениться.

Даша. Я чаю, онъ, батюшка, не хочетъ?

Домна. Врешь дурочка; кто жениться не хочетъ? У насъ, спасибо, у крестьянъ не завелось еще таскаться по вашимъ сестрамъ дѣвкамъ, да ихъ позорить, а себя срамить; Богу благодаренье! у насъ за частую женятся, да и ладно.

Изотъ. Нешто, вотъ какъ мы съ матерью-то твоей обвѣнчались, тому будетъ гораздо за два десятка, а еще мы и теперь другъ друга любимъ; не такъ ли Домна?

Домна. Да кого же мнѣ и любить, что не Изота своего; да мнѣ хоть цѣлой хороводъ приведи молокососовъ-те городскихъ, да я ни на одного не промѣняю своего друга Изота Савельича.

Изотъ. Тьфу врагъ! да и хорошъ я былъ съ молоду.

Гипполитъ. И въ такой простотѣ любовь обитаетъ?

Арія.

Изотъ.

Помнишь ли, какъ я влюбился;
Это было на Святкахъ.
Ты каталась на горахъ,
Я къ тебѣ тутъ вмигъ подбился:
То взгляну я на тебя,
То ты взглянешь на меня,
То мы оба взглянемъ вдругъ;
Изъ-подтиха и съ оглядкой
Проберусь къ тебѣ украдкой;
Парни всѣ сберутся вкругъ:
Съ тѣхъ поръ, въ доброй молвить часъ,
Нѣтъ въ селѣ счастливѣй насъ.
Поемъ, куримъ и веселимся;
Мы баръ покойнѣе сто разъ,
На мигъ не загрустимся.

Даша. Чтожъ, батюшка, Ивана-тъ хочетъ, или нѣтъ, жениться?

Изотъ. Что-то ты объ Иванѣ-то поговариваешь больно часто.

Домна. Эхъ, эхъ, Изотъ, ну что дѣвку по пустякамъ мучить? Не горюй, Даша, отецъ тебя просваталъ за Ивана.

Даша. Ахъ, батюшка! ахъ, матушка! какъ я рада! Пойду низанье низать, рубахи шить; Ваня мой, я Ванюшина, все тутъ.

Гипполитъ. Какая привлекательная непорочность!

Домна. Экъ она стрѣльнула! Ну ладно, что мы это дѣло свахляли; малой-то хорошъ, дѣвкатa наша будетъ за нимъ счастлива.

Изотъ. Хорошій мужъ, да добрая жена кладъ на землѣ; что кто ни бай, а лучше того нѣтъ на свѣтѣ, какъ жениться, да за мужъ идти. Вонъ, я посмотрю, господинъ нашъ Гипполитъ. . .

Гипполитъ. Я въ своемъ селѣ; тѣмъ пріятнѣе будешъ мнѣ узнать истинное обо мнѣ мнѣніе моихъ крестьянъ.

Изотъ. Человѣкъ онъ доброй, честной; мы всѣ его любимъ отъ мала до велика, всѣ имъ довольны. . . .

Домна. То ужь нече говорить, старикъ, развѣ некошной какой въ селѣ-то его не хвалитъ; а то Богъ намъ его послалъ.

Гипполитъ. Ахъ! какая сладкая для меня минута!

Изотъ. Ну, а вотъ онъ вишь холостъ, жены нѣтъ, дѣтей то же, скучаетъ; помыкается по свѣту, да и умретъ, какъ свѣча погаснетъ; что родясь принесъ, то и въ могилу унесетъ, ну, что въ этомъ проку! Не люблю я холостыхъ; кабы моя была воля, всѣхъ бы женилъ.

Гипполитъ. Какія правды я сегодни слышу, и отъ кого? Отъ мужика! Всякое его слово остается въ умѣ моемъ.

Домна. Что ты, батька! Онъ еще не старъ; бываетъ и женится; можетъ богатой ищетъ.

Изотъ. Богатой! богатой! что у нихъ это у бояръ за богатство въ головѣ? Самъ онъ бѣднякъ что ли? Слава Богу, есть чѣмъ жить. Не вѣдаютъ они развѣ, что сквозь золото слезы текутъ. Вонъ какъ сосѣдъ Парамонъ богату взялъ, да теперь и животу не радъ; а мы съ тобою какъ женились, такъ изъ обоихъ кармановъ еле-еле сколотили, чтобъ попу заплатить, да слава Богу живемъ 20 лѣтъ, не чужой хлѣбъ ѣдимъ, свой. Знашь ты

баба, что бѣднякъ-то всегда богатова сытѣе; богатому-то надо много, да и самъ доставай, а бѣдному-то Богъ посылаетъ.

Гипполитъ. Вотъ сущая правда!

Домна. По чемъ знать, можетъ и знатной невѣсты хочется.

Изотъ. Вотъ еще новая причина, новой обморокъ не лучше прежняго. Ну, пусть деньги что нибудь — кинь рубль, такъ зазвенитъ; а знатность-та ихъ, по моему, пыль. Пожалуй наряди и меня, да назови какъ по ихъ Принцомъ что ли, или кавалеромъ; что, я отъ того буду умнѣй, дороднѣй, краше, здоровѣй ли? Все, баба, пустое! Тотъ же буду я Изотъ, да въ цвѣтномъ кафтанѣ, а какъ еще по какимъ грѣхамъ да платье-то придетъ не къ лицу, до сошьютъ не по костямъ, такъ еще изъ порядочной рожи выдетъ смѣшная харя. Провались оно совсѣмъ; не съ знатной жить, али не съ нарядной куклой: женѣ нада мужъ, а мужу жена, а тамъ все фу.

Гипполитъ. Заблужденія мои мнѣ открываются.

Домна. И ты, Савельичъ, то же любишь меня, такъ и думаешь, что всѣмъ Домна нада.

Изотъ. Хоть Домна, хоть Фетинья, да надобна жена; слышь ты безъ бабы жить не льзя. Хоть какъ не изволь, нѣтъ ужь намъ Неба-та не перемудрить.

Домна. Какой ты, право, шутникъ, мужъ!

Изотъ. Нѣтъ, тутъ не до шутки. Я своего господина люблю; мнѣ право скучно, что онъ холостъ. Изведется у насъ такъ ни за денежку, а мы тамъ доставайся чертъ знаетъ кому. Кабы онъ моего совѣту послушалъ, я бы ему сыскалъ невѣсту.

Домна. Кого же бы, скажи?

Изотъ. А чѣмъ не по немъ сосѣдка наша Глафира?

Гипполитъ. Глафира? О нѣжное имя!

Домна. И вѣдомо.

Изотъ. Чѣмъ она и впрямъ ему не жена? Дѣвица благородная, скромная, добрая, живетъ въ своей дачѣ, водой не замутитъ.

Домна. Во всемъ околодкѣ и малой и большой всѣ ее хвалятъ.

Изотъ. И она то же изсохнетъ, какъ лучинка. Смѣшны, право, бояра, а подъ часъ и жалки. Холостой дѣтина и дѣвка живутъ другъ отъ друга въ верстѣ, а не видаются; привыкли къ городскому — безъ свахъ и свадьбы нѣтъ. А у меня какой обычай: взялъ въ руку лучину, а въ другую огонь, раздулъ, да сложилъ, такъ и вспыхло.

Гипполитъ. Нѣтъ! противъ такой истины никакое умствованіе не сильно.

Даша. (*Вбѣгаетъ*) Батюшка! у меня ужь и низанье готово; когда же къ вѣнцу?

Изотъ. Вотъ, жена, ты дѣвку-то взбударажила, она теперь и станетъ на ушахъ у насъ лежать; а вишь Иванъ-атъ чужой помѣщицы Глафиры, вить надо еще у барина спроситься, какъ онъ изволитъ. Ой бабы, бабы! Коли что вздумацо, такъ вотъ давай, давай. Пойдемъ добро всѣ къ старостѣ.

Гипполитъ. (*Снимаетъ кольцо*) Вотъ мое послѣднее превращеніе!

ЯВЛЕНІЕ 9.

(Театръ представляетъ дачу Гипполитову по прежнему.)

Весельчакъ. (Одинъ)

Ухъ! какъ же я усталъ! Бѣгалъ ко всѣмъ рѣчкамъ, протокамъ, прудамъ, озерамъ, мутилъ вездѣ воду, ловилъ девятую волну; да нѣтъ не поймаешь: утечетъ, какъ утечетъ. Дуракъ я право, что попросилъ у Амура женщину, какъ будто диво какое; да полно, что говорить: кто на свѣтѣ безъ ошибки; на всякаго мудреца довольно простоты.

Пѣсня.

Всѣмъ на свѣтѣ ошибаться
И въ желаньяхъ заблуждаться
Ужь не новое, я чай;
Всякой строитъ здѣсь свой рай.
Иной любитъ жениться,
Другой любитъ волочиться;
Кому хочется чего,
Тотъ и бьется изъ того.

*

Въ городахъ я наталкался
И отъ многихъ наслыхался,
Будто, что на свѣтѣ кладъ,
Коль съ женой у мужа ладъ.
Всѣ хоть эту пѣсню пѣли,
Анъ посмотришь, такъ въ недѣли
И у женъ и у мужей
Не пройдетъ дня безъ затѣй.

*

Еслибъ въ свѣтѣ хоть для шутки
Всякъ плясалъ по своей дудки,
То-то вышелъ бы раздоръ,
Ни чему не равной вздоръ!
Чертъ ли въ эдакой намъ воли;
Лучше нѣту нашей доли!
Всякой такъ въ струну брянчитъ,
Какъ гуслистъ ему велитъ.

*

Что мнѣ нужды знать учиться,
Какъ на свѣтѣ все кружится,
Какъ богачъ кого давнулъ,
Какъ бѣднякъ когда вздохнулъ;
Мое дѣло жить смирненько,
Съ милой женкою дружненько;
Какъ придетъ веселой часъ,
Цѣловаться по сту разъ.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Гипполитъ и Весельчакъ.

Гипполитъ. Глафира, Глафира! это имя съ мыслію моею не разстается.

Весельчакъ. Что, сударь, нагулялись ли до сыта?

Гипполитъ. По многимъ превращеніямъ познавъ ошибку человѣческихъ о счастіи заключеній, готовъ былъ почти рѣшить, что его нѣтъ, бросить кольцо, разбить кружку, какъ вдругъ нашелъ его, и гдѣжъ? О боги! Въ избѣ моего мужика.

Весельчакъ. Которой-то это? Вы бы, сударь, около его потерлись.

Гипполитъ. Тамъ я услышалъ имя Глафиры. Она меня плѣнила; я хочу ее видѣть, хочу ее любить, хочу ей все отдать, что я имѣю.

Весельчакъ. Вотъ, сударь, какъ Амуръ-атъ тѣшиться изволитъ надъ вами; давича вы не хотѣли вовсе женщинъ любить, а къ вечеру влюбились въ одно женское имя.

Гипполитъ. Это имя мнѣ предвѣщаетъ собранье качествъ и добротъ, это имя счастье мнѣ обѣщаетъ.

Весельчакъ. И такъ, сударь, изъ Амурнаго фейерверка выпала одна ракета и на вашъ счетъ. Поздравляю васъ; только берегитесь, чтобы не купить вамъ своей добычи также, какъ и я ее достаю девятою волною.

Гипполитъ. Хотя бы моремъ и всѣмъ его волненіемъ.

Весельчакъ. О, такъ васъ, сударь, по видимому, порядочно задѣло! Часъ вамъ доброй! А я пойду въ послѣдній разъ попытаться удачи; и либо всю здѣсь воду выпью, либо она меня проглотитъ.

(Слышенъ голосъ.)

Я дерзости твой охотно забываю,
Съ Глафирою тебя навѣки съединяю,
Любовь ея къ тебѣ съ твоею къ ней сравню.
Довольно; что тебя стрѣлой своей сражаю;
Познай и помни ввѣкъ, мой ядъ разливши въ кровь,
Что всей вселенной связь, душа и жизнь — любовь.

Гипполитъ. Я въ такомъ смущеніи, въ робости, въ непостигаемомъ состояніи! . . . . А! это мои пастухи идутъ съ поля. Оставлю ихъ строить свои хороводы, а самъ пойду искать Глафиру.

Финалъ.

(Распотѣевъ со всѣми мужиками поютъ.)

Хоръ.

Давайте пѣть, играть, рѣзвиться,
Заботы всѣ, досады прочь;
Пускай всякъ парень веселится,
Скачите дѣвки во всю ночь.

Даша.

Ванюша! мнѣ одинъ милѣй ты всѣхъ!
Въ тебѣ моя отрада,
Съ тобой играть я рада.
Ванюша! мнѣ одинъ милѣй ты всѣхъ!
Нигдѣ не вижу безъ тебя потѣхъ.
Давайте пѣть, играть, рѣзвиться, и проч.

Мужикъ.

Вотъ я тебя, постой,
Въ горѣлки изловлю.

Даша.

Поди-ка ты къ другой;
Другаго я люблю.

2й Мужикъ.

Семъ въ жмурки, платъ давай.

3й Мужикъ.

Ну, что не затѣвай,
Хороводу не мѣшай;
Не тронь насъ, не замай.

Ваня.

По мнѣ во что бы ни играли,
Съ тобою быть лишь не мѣшали.

Дѣвка.

Вишь вотъ не льзя собраться,
Ни къ парнямъ показаться.
Что это за игра;
Пора домой, пора.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

(Театръ представляетъ первую декорацію.)

ЯВЛЕНІЕ 1.

Глафира, Смѣяна и послѣ Амуръ.

Глафира. Куда же мы идемъ?

Смѣяна. Куда велѣлъ Амуръ. Вотъ, сударыня, то самое мѣсто, гдѣ я съ нимъ давича была — тотъ шалашъ, тотъ кустъ, роща, рѣчка.

Глафира. Одну только была минуту, а все такъ хорошо примѣтила.

Смѣяна. А, сударыня, гдѣ Амура въ первый разъ увидишь, тамъ всѣ урочища сдѣлаются знакомы.

Глафира. Я далѣе не пойду. Здѣсь дачи Гипполита; онъ можетъ насъ встрѣтить, и что подумаетъ?

Смѣяна. Подумаетъ, что мы гуляемъ, и за честь поставитъ, я чай, что двѣ дѣвушки пришли въ его помѣстье.

Глафира. Нѣтъ, это непристойно; воротимся.

Смѣяна. Что же мы все ходить будемъ съ мѣста на мѣсто?

Глафира. Да откуда мы пришли? Я и слѣду не найду.

Амуръ. Да его и не бывало. Не я ли вашъ вожатой? А кто за мной ходитъ, тотъ слѣду не разбираетъ; идетъ зря, куда глаза глядятъ.

Глафира. Что тебѣ за удовольствіе насъ мучить?

Амуръ.

Что вы стали? Не страшитесь;
Съ вами я, пойдемъ смѣлѣй:

Путь любви другихъ милѣй,
На меня въ томъ положитесь.
Кто по немъ зажмурясь ходитъ;
Тотъ хохочетъ и поетъ,
Ко мнѣ на голосъ идетъ,
И блаженство путь находитъ.

Приходитъ дѣло къ развязкѣ. Глафира! поди ты по этой дорожкѣ; тамъ въ бесѣдкѣ ты найдешь гитару, и по нѣкоторомъ времени приди назадъ сюда, сядь въ этотъ шалашъ и зачни на ней играть, что тебѣ на умъ придетъ.

Глафира. Да я играть не умѣю.

Амуръ. Любовь тебя научитъ.

Глафира. Ну, ежели онъ спроситъ, за чѣмъ я въ его бесѣдкѣ сижу?

Амуръ. Онъ этаго не спроситъ; онъ давно уже знаетъ, за чѣмъ женщины однѣ въ бесѣдки садятся.

Смѣяна. Да со мной-то скоро ли конецъ будетъ?

Амуръ. А ты поди со мной къ этому источнику; тамъ ждетъ тебя твоя побѣда: Весельчакъ въ него придетъ пить девятую волну.

Смѣяна. А я что буду дѣлать?

Амуръ. Дожидаться.

Смѣяна. Чего? Чтобъ онъ при мнѣ захлебнулся, или утопился?

Амуръ. Какіе странные вопросы! Ну, вить ты его полюбила? Такъ ежели онъ въ воду, и ты за нимъ.

Смѣяна. О, нѣтъ, я благодарна! Любить его люблю, только на сухомъ пути, а плавать не горазда.

Амуръ. Чу! Гипполитъ идетъ; уйдемъ скорѣй.

(Амуръ машетъ стрѣлой, деревья разступаются и видна къ рѣкѣ дорога.)

ЯВЛЕНІЕ 2.

Распотѣевъ и Гипполитъ.

Гипполитъ. Два раза я встрѣтилъ ее, и она какъ молнія изъ глазъ моихъ сверкнула. Ахъ, какъ она прекрасна! Я всю ея дачу обошелъ кругомъ, и сыскать ее не могъ. Я видѣлъ то убѣжище, гдѣ она въ свободѣ дни свои ведетъ; мнѣ все въ немъ показалось прелестно. Но гдѣ ее теперь искать?

Распотѣевъ. Милостивый государь! какой нарядъ работѣ къ завтрему будетъ? Сегодни додѣлали храмъ Славы на крутой горѣ по плану вашего Архитектора.

Гипполитъ. Завтра его срыть.

Распотѣевъ. Срыть? Что же на мѣсто его поставить?

Амуръ. (*Изъ-за куста*) Храмъ Любви.

Гипполитъ. (*Въ сторону*) Чей это голосъ?

Распотѣевъ. Не вслушался, сударь.

Гипполитъ. Амуръ повелѣваетъ въ моемъ владѣньи; да будетъ здѣсь воля его во всемъ соблюдена.

(*Во весь этотъ разговоръ ходитъ задумавшись, и слушаетъ лишь то, что говоритъ Амуръ.*)

Распотѣевъ. На берегу, сударь, пруда галлерея зачата и стѣны уже выведены; остановилась работа за тѣмъ, что не знаютъ, что на верху поставить?

Амуръ. Купидона.

Распотѣевъ. По галлереѣ приказывали вы статуевъ наставить, такъ какихъ изволите вы именно назначить?

Амуръ. Глафиру.

Распотѣевъ. Глафиру? Да у насъ, сударь, никакъ ее нѣтъ. А въ оранжереѣ надъ фонтаномъ?

Амуръ. Глафира.

Распотѣевъ. Еще Глафира! На Китайской башенкѣ также, милостивый государь, Архитек-

торъ говоритъ, весьма бы кстати поставить что нибудь пригожее, козистое.

Амуръ. Поставь Глафиру.

Распотѣевъ. Опять Глафиру! Да гдѣ ихъ набрать такую кучу? Не прикажете ли подновить убѣжище размышленія?

Амуръ. Срыть.

Распотѣевъ. А на мѣсто его?

Амуръ. Храмъ Любви.

Распотѣевъ. Еще другой, милостивый государь?

Гипполитъ. (*Съ гнѣвомъ*) Что еще?

Распотѣевъ. Изотъ проситъ дочь отдать въ чужое село замужъ; велишь ли?

Гипполитъ. Хорошо, пусть отдаетъ. Я его семью люблю; дайте ему на свадьбу 100 руб., да вели ко мнѣ придти.

Распотѣевъ. То-то онъ благодарить будетъ!

Гипполитъ. Ну, ты слышалъ мои приказанія? Вотъ тебѣ мой нарядъ къ завтрему. (*Уходитъ.*)

Распотѣевъ.

Сколько ни соображаю,
Власть его не понимаю.
И тамъ и сямъ
Глафиру ставь;
Срой Славы храмъ,
Любви поставь.
Изъяну будетъ тутъ не мало;
Жаль денегъ мнѣ господскихъ стало.
Нѣтъ, я за это не примусь,
А завтра сызнова спрошусь.

То-то, правду говорятъ, всяко-то время переходчиво. Цѣлая кладовая навалена старинныхъ этихъ богатырей въ латахъ, да колдуновъ; то было до насъ, а теперь ненадо ихъ; за все про все будь Глафира: что день, то затѣя, что годъ, то новая кукла.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Распотѣевъ и Весельчакъ.

Весельчакъ. Голубушка моя, какъ кладъ, мнѣ не дается, а солнце уже на закатѣ; коли Амуръ не лжетъ, пора бы быть и концу этой сумятохѣ.

Распотѣевъ. Скажи, дружокъ, что барину сдѣлалось?

Весельчакъ. Пить девятую волну.

Распотѣевъ. Послушай-ка! Онъ велѣлъ все срыть.

Весельчакъ. Девять разъ къ ряду.

Распотѣевъ. Да что ты мѣлишь за сумбуръ? Говорятъ тебѣ: срыть велѣлъ храмъ Славы.

Весельчакъ. Пей девятую волну.

Распотѣевъ. Али у васъ сегодни какая вѣдьма была, что вы всѣ на людей не похожи.

Весельчакъ. Пойду пить девятую волну. (*Уходитъ къ рѣкѣ.*)

Распотѣевъ. Баринъ все ломать велитъ, а слуга только и мѣлитъ: пей девятую волну, да девять разъ къ ряду; никакъ они угорѣли? Однако побѣжать мнѣ порадовать старика Изота. Говорятъ Рускіе люди: утро мудренѣе вечера; посмотримъ, что-то завтра будетъ, а сегодни на барскомъ дворѣ сумерьки очень глупехоньки.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Глафира. (Съ гитарою.)

Арія.

Вездѣ меня находитъ
Твой образъ дорогой;
Онъ каждой шагъ мой водитъ
Туда, гдѣ былъ и твой.

*

Въ пещерѣ дикой, мрачной
Убѣжища мнѣ нѣтъ,
Въ струѣ воды прозрачной
Твой взоръ меня найдетъ.

(Отпѣвши уходитъ; а Гипполитъ на тотъ же голосъ поетъ, выходя на театръ)

Лишь только разнесется
Твой голосъ по горамъ,
То въ слѣдъ ему несется
Мой вздохъ, вся мысль, я самъ.

*

Я самъ, прервавъ унылой
Моихъ вздыханьевъ стонъ,
Лечу къ тропѣ той милой,
Гдѣ слышался мнѣ онъ.

(Отпѣвши, онъ уходитъ искать Глафиру.)

Глафира. (*Приходя на театръ*)

Ты страстныхъ чувствъ волненья
За счастіе не чтишь,
Ты вздоховъ изъясненья
Понять не дорожишь.

(Подходитъ къ шалашу, садится и засыпаетъ.)

Глафира. Какъ я устала; какой вдругъ сонъ на меня нашелъ! Гдѣ найти пристойное убѣжище? А, вотъ шалашъ!

(Театръ представляетъ мѣсячной блескъ и вечеръ.)

Гипполитъ. Гдѣ она? Голосъ ее повсюду мнѣ слышенъ, а найти ея не могу. Нѣтъ, прекрасная Глафира, упрековъ твоихъ я не заслуживаю; нѣтъ, я люблю, и тебя одну вѣчно любить стану! Но гдѣ она? Хотя я бѣгу, но мнѣ все кажется, что я на одномъ мѣстѣ. О Любовь! еще ли ты мало отмщаешь мнѣ за мою холодность? еще ли долженъ я, и почувствовавъ тебя, страдать? (*Увидя Глафиру*) Боже! что я вижу? это она! Ахъ, какъ она прекрасна! какъ сонъ ея сладокъ! Каждая черта божественной ея красоты въ душѣ моей изображается! вся природа купно съ нею покоится! Подойду къ ней; но что сказать?

какъ осмѣлиться прервать такой сладкой сонъ? Она теперь въ мечтахъ своихъ съ Геніями играетъ; подобіе смертнаго отъ нее далеко. Нѣтъ, я глядѣть на нее стану, я въ безмолвственномъ восторгѣ ангелу такому дивиться буду!

Глафира. (*Просыпаясь*) Гдѣ я? что за голосъ слышится вкругъ меня? Ахъ, милостивый государь! простите моему неосторожному поступку! Я гулявши зашла далеко въ ваши дачи, сонъ . . . усталость . . . (*Про себя*) Что мнѣ сказать ему?

Амуръ. (*Изъ за куста*) Люблю.

Гипполитъ. (*Въ сторону*) Какое пріятное смятеніе! (*Вслухъ*) Не страшитесь, сударыня; вы почти въ своемъ помѣстьѣ. Мнѣ жаль, что шалашъ этотъ не сдѣлался къ услугамъ вашимъ великолѣпнѣйшимъ храмомъ; мнѣ жаль, что простота его не соотвѣтствуетъ величеству вашей красоты; мнѣ жаль . . . Что я ей скажу?

Амуръ. (*Изъ-за куста*) Люблю.

Глафира. Чѣмъ простѣе наши жилища, тѣмъ они ближе къ природѣ, которая никакой пышности не любитъ; самой этотъ шалашъ для многихъ чувствительныхъ людей богатѣе покажется всѣхъ великолѣпнѣйшихъ зданій.

Гипполитъ. Ахъ! почто, кромѣ теперешней минуты, не могу я въ немъ найти такихъ достоинствъ? Или отъ того, что я въ немъ не бываю. . . .

Амуръ. (*Изъ-за куста*) Самъ-другъ.

Глафира. Кто же, сударь, помѣшалъ бы вамъ видѣть въ немъ. . . .

Амуръ. (*Изъ-за куста*) Со мною?

Глафира. Что за отголоски такіе? Въ этомъ мѣстѣ мнѣ все что-то слышится иное, нежели что мы говоримъ между собою.

Гипполитъ. Если бы чувства сердца и произношенія языка вашего согласовались со звуками воздуха, какъ бы я счастливъ былъ, какъ бы я былъ благодаренъ обворожающему селенія мои. . .

Амуръ. Амуру.

Глафира. Слышите ли?

Гипполитъ. Слышу, сударыня; а вы что слышите?

Амуръ. Люблю.

Глафира. Люблю.

Гипполитъ. Я то же люблю.

Глафира. Не струны ли этой гитары отъ ударенія воздуха поражаютъ слухъ мой?

Гипполитъ. Но какъ бы онѣ могли произносить вмѣстѣ съ звукомъ и слова? (*Берется за гитару*) Боже мой! что за ядъ по жиламъ моимъ мгновенно разлился! я внѣ себя! я забываю всѣ благопристойности, я падаю къ ногамъ твоимъ, Глафира!

Амуръ. Давно бы такъ, прегордой мой ослушникъ! Гдѣ я замѣшался, тамъ всѣ жеманства ваши свѣтскія должны изчезнуть. Какъ вы смѣшны, когда вы важнымъ видомъ сбираетесь другъ другу сказать: люблю! Что простѣе этаго быть можетъ, что естественнѣе? Но вамъ бы все не уронить чести, все бы съ краснорѣчіемъ, котораго я часто, какъ рѣзвое дитя, испужавшись, отъ васъ бѣгаю и оставляю васъ въ тоскѣ и скукѣ. Ну, что стали? Не всю форму сохранили! Ха, ха, ха! не въ полномъ обрядѣ познакомились? Ха, ха, ха!

Гипполитъ. Я всѣ притворства оставляю, и когда судьба даетъ мнѣ сердце Глафиры . . .

Глафира. Оно тебѣ давно принадлежитъ; Амуръ тебѣ его отдалъ.

Дуэтъ.

Гипполитъ.

Боги! что я ощущаю,
Что за ядъ въ моей крови;
Я свой рокъ теперь свершаю
И подвластенъ сталъ Любви.

Глафира.

О Любовь! коль ты умѣла
Слабой духъ мой возмутить,

Довершай свое ты дѣло,
Научи любимой быть.

Вмѣстѣ

Гипполитъ.	*Глафира.*
Въ объятіяхъ нѣжныхъ и безцѣнныхъ	Въ объятіяхъ нѣжныхъ и безцѣнныхъ,
Той, которой взоръ плѣнилъ,	Въ коихъ ты меня плѣнилъ,
Дай, чтобъ всѣхъ сердецъ влюбленныхъ	Дай, чтобъ всѣхъ сердецъ влюбленныхъ
Я весь жаръ въ себѣ вмѣстилъ.	Въ насъ огонь бы не простылъ.

(Сіи слова они поютъ, относя ихъ къ Амуру, которой стоитъ между ими посрединѣ театра.)

Амуръ. Я свое дѣло сдѣлалъ: гордаго и неприступнаго врага смирилъ, а уединенную мизантропку также ввелъ въ мою дорогу. Клянитесь вы Гименею, въ чемъ вы хотите; онъ любитъ, чтобъ ему божились. Я его къ вамъ сведу тогда, какъ все мое волшебство исполнится, а теперь мнѣ недосугъ; не вы одни въ мое подданство попали.

Глафира. Пойдемъ, пойдемъ вмѣстѣ взглянуть на мое прежнее убѣжище; теперь я въ немъ новыя прелести увижу.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Весельчакъ, потомъ Амуръ и Смѣяна.

Весельчакъ. Ну, господинъ колобродъ всесвѣтной, гдѣ ты? Дай мнѣ мою красавицу! Насилу я девятую волну досталъ и выпилъ. Явись мнѣ лебедушка, явись передо мной, какъ листъ передъ травой!

Амуръ. Вотъ она. Я охотно награждаю тебя ею за то, что ты готовъ былъ на жертву жизни; а ее тобой за то, что за мужъ захотѣвши

по утру, до вечера перетерпѣла; рѣдкое въ дѣвочкѣ воздержаніе.

Весельчакъ. Ну, моя павочка, Королева, или какъ тебя назвать, не знаю, будешь ты мнѣ жена, а я тебѣ мужъ.

Смѣяна. Какъ посмотрѣть на все это, такъ право мы будто безъ ума: не знаемъ другъ друга вовсе, а ужъ влюбились по уши.

Весельчакъ. Это, моя душа, не рѣдко бываетъ. Я часто въ сумерки, не разглядя лица, влюблялся, а до разсвѣта и разлюблялся, также не видавши милой рожицы; да что мудренаго? Его божеское превосходительство что изволитъ, то и творитъ.

Смѣяна. То ужъ задалъ онъ намъ сегодни хлопотъ; сумятицы такой я и не видывала.

Весельчакъ. Еще то ли будетъ, моя перловая раковинка, когда мы повѣнчаемся; тутъ-то ты увидишь и не такія диковинки.

Амуръ. Прежде времени не хвались; добро, не забудь давишняго.

Весельчакъ. О! нѣтъ, не забуду; всегда напередъ стану жену цѣловать, а тамъ и за вино.

Смѣяна. Что это значитъ?

Весельчакъ. Такъ, моя птаха; завтра все узнаешь.

Дуэтъ.

Весельчакъ.

Кто съ нѣжностью любить умѣетъ,
Тотъ вѣрно доброй человѣкъ.

Смѣяна.

Кто вздохи страстны разумѣетъ,
Блаженъ тотъ будетъ весь свой вѣкъ!

Оба.

Что можетъ лучше въ свѣтѣ быть,
Какъ) милу женушку / мужа милаго) любить!

Весельчакъ.

Жены любезное названье;
Тебѣ хочу навѣкъ я дать.

Смѣяна.

Равно мое съ твоимъ желанье
Хочу тебя я мужемъ звать

Оба.

Уйдемъ отъ скуки, отъ суетъ,
Въ своемъ углу найдемъ весь свѣтъ;
Я и ты, ты и я,
Вотъ для насъ вселенна вся.

Весельчакъ. Преотмѣнная моя Смѣяна!

Смѣяна. Преузорочной мой Весельчакъ!

Весельчакъ. Пойдемъ же теперь по всему селу разсказывать о нашемъ счастьи; я не люблю никакой радости одинъ; дай все раздѣлить съ друзьями — такова моя натура.

Смѣяна. Все раздѣлить?

Весельчакъ. Кромѣ жены однакожъ, слышишь ли, Смѣяна?

ЯВЛЕНІЕ 6.

Глафира и Гипполитъ.

Мелопѣя.

Гипполитъ.

И такъ отнынѣ впредь я буду при тебѣ,
Благодаря боговъ въ счастливѣйшей судьбѣ;
Восторгомъ равнымъ ихъ я наслаждаться стану!
Доколѣ живъ, тебя любить не перестану!

Глафира.

И ты, всѣхъ чувствъ моихъ любезнѣйшій предметъ,
О райская душа, о милой другъ, мой свѣтъ!
Уставы вѣрности я сохраню не ложно:
Узря тебя, любить другаго не возможно!

Гипполитъ.

Съ тобою Гипполитъ вездѣ увидитъ рай.

Глафира.

И ты представишь мнѣ прекраснымъ всякой край.

Гипполитъ.

Небесны красоты въ земномъ познавши мірѣ,
Я образъ божества зрѣть буду во Глафирѣ.

Глафира.

Твой взглядъ, сей страстный взглядъ, что кровь мою палитъ,
Съ безсмертными меня во счастіи сравнитъ!

Гипполитъ.

И нѣжныя твои стократныя лобзаньи,
Біенье двухъ сердецъ, прерывныя вздыханьи
Да будутъ жертвою достойной олтаря
Амура нѣжнаго, вселенной всей Царя!

Дуэтъ.

Глафира.

Небо здѣсь свидѣтель вѣрной
Тому будетъ навсегда,
Что мой жаръ къ тебѣ чрезмѣрной
Не погаснетъ никогда.

Гипполитъ.

И я равно здѣсь обѣщаю
Любви не чувствовать иной;
Я ново сердце посвящаю
Тебѣ, Глафира, лишь одной.

Глафира.

Съ тобой судьбы насланьи люты
Меня не смогутъ испужать.

Гипполитъ.

И дня и ночи всѣ минуты
Мы будемъ радостьми считать.

Оба.

Союзомъ вѣчнымъ съединимся,
Отдавъ другъ другу мы сердца,

Душами вѣкъ не разлучимся,
Счастливы будемъ безъ конца.

Гипполитъ.

Познай надъ нами ты Любви опредѣленье!
До нынѣ я страстей различныхъ искушенье,
Кромѣ любви прямой, подробно испыталъ.
Чего хотѣлось мнѣ вседневно, самъ не зналъ;
Купидо наконецъ съ Олимпа мнѣ явился,
Я прелестью его тотчасъ обворожился.
Волшебно отъ него кольцо принявши въ даръ,
Искалъ счастливымъ быть, гася любовной жаръ;
Изъ возраста въ другой, изъ страсти въ страсть бросался, —
Или несчастливъ былъ, иль въ счастьи сомнѣвался.
Узналъ я, что любить есть должность естества,
Что міра связь любовь, въ ней воля Божества;
Но счастливымъ совсѣмъ, сказалъ Амуръ, не буду,
Доколѣ всѣхъ моихъ премѣнъ я не забуду.
Тебя лишь въ сердцѣ я хранить хочу всегда
И въ мысляхъ не сотру, Глафира, никогда.
А впрочемъ все теперь навѣкъ забыть желаю,
Забвенья воду пью и нову жизнь вкушаю.

ЯВЛЕНІЕ 7.

(Онъ пьетъ воду забвенія, и отдаетъ положа въ кружку кольцо Генію, которой относитъ Амуру; театръ перемѣняется и кажетъ Амура въ торжествѣ на изумрудномъ тронѣ; вокругъ его Гименей, Дружба и Конкордія, а далѣе Игры, Радости и Смѣхи.)

Амуръ.

Олимпа приговоръ свершился,
Любви возставленъ здѣсь законъ,
Въ пріятну правду обратился
Волшебной нынѣшня дня сонъ.

Фортуны колесо хотя давно вертѣлось,
Но все, Глафира, твой билетъ не выпадалъ;
Сегодни Гипполитъ и твой и свой досталъ,
Найдя, мнѣ покорясь, чего и вамъ хотѣлось.
Чету сію я вамъ вручаю,
Согласье, Дружба, Гименей!
Свое вамъ дѣло поручаю
Надъ нѣжною четою сей.
Одинъ вѣнцомъ пусть ихъ вѣнчаетъ;
Другой да свяжетъ ихъ узломъ,
А третій подъ своимъ щитомъ
Да ввѣкъ ихъ въ мирѣ сохраняетъ!

(Амуръ летитъ на верьхъ, а свита остается на театрѣ и танцуютъ балетъ.)

Х о р ъ.

Восторжествуй на долги вѣки,
Амуръ, Амуръ, Природы сынъ!
Тебѣ всѣ служатъ человѣки;
И правишь ими ты одинъ.

Гипполитъ и Глафира.

Почто любви страшиться!
Ея законъ легокъ:
Любить и веселиться,
Какой счастливой рокъ!

Х о р ъ.

Восторжествуй на долги вѣки, и проч.

Гипполитъ и Глафира.

Отъ скучна принужденья
Мы чувства свободимъ;
Любовна обольщенья,
Вкушать всѣ услажденья
Мы волю имъ дадимъ.

Х о р ъ.

Восторжествуй на долги вѣки, и проч.

Гипполитъ и Глафира.

Удалясь отъ досады,
Ненавидя обманъ,
Въ любви лишь отрады

Найти безъ преграды
Тобой способъ данъ.

Хоръ.

Восторжествуй на долги вѣки;
Амуръ, Природы сынъ!
Тебѣ всѣ служатъ человѣки;
И правишь ими ты одинъ.
Восторжествуй на долги вѣки;
Амуръ, Природы сынъ! 2.

(Свита вся пропадаетъ, и театръ приходитъ въ прежній видъ.)

ЯВЛЕНІЕ 8.

Гипполитъ, Глафира, Весельчакъ, Смѣяна и Распотѣевъ.

Весельчакъ. Ба! и господинъ мой самъ-другъ! Нынче видно въ воздухѣ женятся! Сегоднишній день намъ доказалъ, что счастье не по лѣсу ходитъ, а по людямъ.

Гипполитъ. Правда, больше всего его ищемъ, а часто оно ближе къ намъ, нежели мы чаемъ. Сегодни по утру я никакъ не воображалъ найти его въ двухъ шагахъ отъ себя.

Глафира. Также, какъ и я.

Распотѣевъ. Такое дѣло, милостивые государи! Вотъ и въ нашемъ быту ино западобится какая вещь, безъ коей обойтись не можно; ищешь ее вездѣ, и въ своемъ-то и въ чужомъ-то селѣ, посуешься, посуешься гораздо, и найдешь то же самое либо у себя, либо у шабра.

Глафира. Примѣръ этотъ весьма кстати. Кто счастья своего или самъ въ себѣ, или около себя не сыщетъ, тотъ тщетно гдѣ-либо искать его будетъ. Да гдѣ тебѣ, Смѣяна, попался этотъ молодецъ?

Гипполитъ. Это мой слуга, мой потѣшникъ, словомъ, мой въ скукѣ до васъ товарищъ; я вамъ его осмѣливаюсь представить.

Весельчакъ. Пока вы изволили съ богами, сударыня, вести компанію — ваше дѣло знатное, я простой холопишка — подхватя свою, тѣми же богами данную за усердное девятой волны хлебанье голубушку, мыкался съ нею по деревнѣ, пилъ вездѣ брагу, при всякомъ стаканѣ желая вамъ здоровья.

Гипполитъ. Смотри, Весельчакъ, не напей себѣ новой послуги; будь остороженъ.

Смѣяна. Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.

Весельчакъ. Правда ваша, сударь. Съ одного вола ты говоришь, то такъ съ вола, а съ маленькаго бычка и зачастую то и дѣло, что шкуру дерутъ; не по винѣ глядя наука, а по виноватомъ.

Распотѣевъ. Умна рѣчь слуги вашего, милостивый государь! Я иногда въ городъ съ капустой ѣзжу, такъ сплошъ видалъ: некорыстная клячонка пошалитъ въ оглобли съ дуру и не очень, такъ ее школютъ, школютъ разъ десять; а иной борзой конь и дышло и колымагу-то сломаетъ, и легнетъ такъ, что Боже упаси, а посмотришь, — ему лишь овса подсыпаютъ, да приходиваютъ.

Гипполитъ. Понимаю, господинъ Распотѣевъ, понимаю. За твою загадку надобно и тебя чѣмъ нибудь до повеселить. Чего бы ты хотѣлъ, мой другъ, у насъ попросить?

Распотѣевъ. Денегъ, сударь.

Глафира. Это скоро и надежно сказано.

Распотѣевъ. Я, сударь, отъ старика отца своего Евтропа Фадейча слыхалъ пѣсню, да и вамъ ее вмѣсто поздравленія униженно сиповатымъ моимъ голосомъ спою.

Счастье деньги, деньги счастье;
Все другое дребедень.

Пусть кошель — такъ и ненастье,
А какъ полонъ — ясной день.

*

Все за деньги достается
У господъ, какъ у крестьянъ,
Все межъ нами продается,
Также какъ у насъ жупанъ.

*

У кого звенитъ въ карманѣ,
Тотъ боярамъ другъ и братъ;
Не погнѣвайтесь дворяне,
Что вамъ правду спѣлъ Филатъ.

Гипполитъ. Браво! Вотъ тебѣ за пѣсню. *(Даетъ денегъ.)*

Глафира. И моя доля.

Весельчакъ. Жди меня на брагу.

Смѣяна А меня на пляску.

Гипполитъ. Поди же, скажи всѣмъ въ моей вотчинѣ, что я женюсь на Глафирѣ, и чтобы они пришли ей отдать свой поклонъ.

Распотѣевъ. Слушаю, сударь; а! да вотъ по приказанію вашему идетъ и Изотъ благодаритъ за деньги, а за нимъ цѣлой хабаръ нашей братьи.

Гипполитъ. Хотя я ни денегъ, ни приказанія не помню, однако сегодняшній день видно пошелъ на колдовство; ничему не надобно дивиться.

(Мужики входятъ и поздравляютъ; Изотъ, подводя дѣтей, кланяется до земли; Даша съ Иваномъ цѣлуютъ у господъ руки.)

Гипполитъ. Здравствуйте, друзья мои. Я принялъ намѣреніе жениться; вотъ будущая ваша госпожа.

Изотъ. Ну, слава Богу, сударь! давно бы такъ. Я давича о томъ баялъ съ женой: вотъ кабы баринъ - атъ нашъ женился на своей сосѣдкѣ; анъ такъ и вылилось во святой часъ.

Глафира. Какая хорошенькая дѣвочка! Я тебѣ лентъ на голову подарю. Какъ тебя зовутъ?

Даша. Дашой, сударыня.

Глафира. Ты очень жениха своего любишь?

Даша. И вѣдомо; какъ же не любить.

Гипполитъ. Подите, мои друзья, играйте и веселитесь — ночь такъ свѣтла и хороша; а завтра. . . .

Весельчакъ. Завтра, сударь, станемъ отдыхать, кто отъ женъ, кто отъ волшебства.

Гипполитъ. Едва и вся жизнь наша не походитъ ли на сегодништнія сутки! Все грезы и мечты, одинъ сонъ слѣдуетъ другому, и часто человѣкъ просыпается не прежде, какъ къ ночи.

Весельчакъ. Что, сударь, объ этомъ толковать много; быть бы лишь щастливу, а какъ, что за нужда. Вы этаго хотѣли и нашли, стало быть дѣло вершено; а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

(Актеры поютъ водевиль, а крестьяне отходятъ вдаль театра и приготовляются къ балету.)

Водевиль.

Всѣ.

Забудемъ всѣ печали,
Пріятны дни настали!
Самъ-другъ мы станемъ жить,
Другъ друга вѣкъ любить.
Всѣ вокругъ
Насъ здѣсь вдругъ
Веселѣе стали:
Все цвѣтетъ,
Все поетъ;
Чему же лучше быть?

Гипполитъ и Глафира.

Почто любви стрѣламъ
Противиться стремился,
За что пѣнялъ богамъ,
Не зналъ и самъ.
Тобой когда плѣнился,
То вѣрить научился,
Что въ свѣтѣ не любя
Прожить не льзя.

Всѣ.

Забудемъ всѣ печали, и проч.

Весельчанъ и Смѣяна.

Случилось съ нами то,
Что многи чтутъ за диво,
Кромѣ боговъ никто
Не зрѣлъ здѣсь ничего;
То было только лживо,
А вотъ что справедливо:
Любовь на свѣтѣ всѣхъ
Милѣй утѣхъ.

Всѣ.

Забудемъ всѣ печали, и проч.

Распотѣевъ. (Одинъ)

А я вамъ пропою
Погудку стару снова;
Послушайте мою
Вы пѣсню всю:
Женитьба вамъ обнова,
Лишь помните два слова:

Хвалите сонъ тогда,
Какъ сбудется когда.

В с ѣ.

Забудемъ всѣ печали,
Пріятны дни настали!
Самъ - другъ мы станемъ жить,
Другъ друга вѣкъ любить.

Конецъ третьяго и послѣдняго дѣйствія.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано:			*Читай:*
Стран.	Строк.		
90.	7.	да мы	дамы
139.	23.	розыскѣ	роздыхѣ

ПРІЯТЕЛЮ.

ШУТКА ЗА ШУТКУ.

Enfin bornant le cours de tes galanteries,
Alcippe, il est donc vrai, dans peu tu te maries.

BOILEAU DESP.

ПРІЯТЕЛЮ.

Шутка за шутку.

И такъ ужь наконецъ, уставши волочиться,
Любезный Сибаритъ, изволилъ ты жениться;
Тихонько, безъ чиновъ, не сообща друзьямъ,
На утренней зарѣ явился съ милой въ храмъ,
И тамъ предъ олтаремъ Свидѣтелю священну
Далъ клятву сохранить къ ней вѣрность неизмѣнну;
Не ставя ни во что обычныхъ прихотей,
Ты въ долгъ не покупалъ богатыхъ овощей;
Ты шаферовъ по насъ не разсылалъ въ каретѣ
О бракѣ возвѣстить на розовомъ билетѣ:
Завидую твоей отвагѣ я, мой другъ!
Еще ты не попалъ людей въ отборный кругъ,
Въ которомъ всякой тотъ анаѳемѣ предастся,
Кто безтолковому обряду не поддастся.
Хвала тебѣ и честь! — Но дѣло не о томъ;
По совѣсти скажи, — глазъ на глазъ, шепоткомъ:
Какую Богъ послалъ тебѣ въ женитьбѣ долю,
И позлащаетъ ли любовь твою неволю? —
Неволю! — (скажешь ты) — какой бы лжемудрецъ
Симъ словомъ поносить отважился вѣнецъ? —
Изъ устъ какого ты отверженца природы
Услышалъ, будто бракъ послѣдній вздохъ свободы? —

Постой, не горячись! Я также какъ и ты
Лелѣялъ въ головѣ различныя мечты,
Романовъ я прочелъ и самъ въ мой вѣкъ не мало,
И много пыли мнѣ изъ нихъ въ глаза попало;
Но, всѣ восторги прочь — отъ нихъ горитъ сыръ боръ,
Волнуется душа и разумъ поритъ вздоръ:
Разсудокъ остудить назначенъ сердца пламень,
И нашихъ всѣхъ онъ дѣлъ быть долженъ пробный камень.
Жениться — благъ законъ! — Гдѣ другъ вѣрнѣй жены? —
Подпоры тверже нѣтъ, какъ дщери и сыны!
И какъ подъ старость жизнь могла бы выноситься,
Когдабъ не льстились мы въ потомкахъ возродиться?
Я истину сію испытываю самъ:
Два раза я въ мой вѣкъ водилъ невѣсту въ храмъ,
И въ участи своей, Небесъ благоволеньемъ,
Для многихъ былъ мужей щастливымъ исключеньемъ!
Все такъ; — но въ мысляхъ свѣжъ Детушевъ Философъ,
Въ которомъ наизусть знавалъ я тьму стиховъ,
И пышнымъ иногда разсказомъ величался,
Когда я на театръ предъ публикой являлся;
Воскликну какъ Аристъ за книгой у стола:

„Такъ! все пріятно здѣсь! — супруга мнѣ мила,
„Съ почтеніемъ ее люблю я всей душею,
„Блаженство нахожу дѣлиться съ ней судьбою,
„И ею что любимъ, увѣренъ крѣпко я;
„О чемъ же горевать? — Ахти! она моя!“ —
Прошу не хохотать и чуръ лишь не сердиться!
Посмотримъ, отъ чего такой контрастъ родится;
Сравнимъ одно съ другимъ, — увидимъ, можетъ быть,
Что женщинъ обожать ловчѣй, чѣмъ съ ними жить.

Припомни, какъ тебя знавалъ я холостаго,
И съ тѣмъ собой смѣни себя же молодаго!
По волѣ проводя съ утра до ночи день,
Ты нѣгою дышалъ, тебя тучнила лѣнь;
Небрежно полчаса хозяйствомъ занимался,
И послѣ до полдёнъ мечтаньямъ предавался;
Домашній бытъ тебѣ заботы не давалъ;
За трубкой табаку ты кофе попивалъ,
И лежа на софѣ, безъ всякаго убранства,
Зависѣть не любилъ отъ моднаго тиранства.
Для сердца, для ума коль пищи захотѣлъ —
Тьму мертвыхъ мудрецовъ вокругъ себя имѣлъ;
Любую книгу взявъ и съ ней садясь къ камину,
Ты новую всегда выискивалъ причину
Съ насмѣшкой мнѣ твердить, когда приду къ тебѣ,
Что я всегда въ саняхъ, разсѣянъ и въ гульбѣ,

Тогда какъ ты, капризъ погоды презирая,
Въ покоѣ тепломъ духъ садовой обоняя
Между цвѣтовъ и травъ прозябшихъ на окнѣ,
Находишь рай земной съ собой наединѣ.
Любя стихи писать и прозой заниматься,
Ты схватишь вдругъ перо, и — станешь разгараться;
Восторгъ, Пiитовъ духъ и пламенникъ страстей,
Заронитъ искру въ кровь и путь покажетъ ей; —
Польется токъ стиховъ, и ты, съ улыбкой нѣжной,
Восхитишься, когда, во мзду за трудъ прилѣжный,
Удастся остру мысль, иль чувство изъяснить
И журналисту свой листочекъ подарить.

Пробило часъ и два — но ихъ ты не считаешь,
Отъ стрѣлки ни на что приказа не ожидаешь,
Въ чернильницу перо до завтрако кладешь,
Надѣнешь сертучекъ — и со двора идешь,
Не въ гости — сохрани Господь отъ сей неволи! —
Ты хочешь погулять, и за-просто, безъ холи,
На Минина взглянуть, зайти на булеваръ,
Отвѣдать, хорошоль варитъ форель Пакаръ;
Взоръ бросить на пруды, — сойтиться тамъ съ народомъ;
Прошлаль Москва рѣка провѣдать мимоходомъ;
И послѣ, воротясь, обѣдаешь одинъ.

Дѣвчонка, коей ты названьемъ господинъ,
По чувствамъ — вѣрный рабъ, все кушанье подноситъ
И взглядомъ воровскимъ себѣ подачки проситъ;
Покушалъ — и опять ложишься на диванъ.
Приборщица сняла салфетку, соль, стаканъ,
Плитой накурено, — уйтить самой осталось;
Нѣтъ мастера на грѣхъ! . . . .
Въ игрушкахъ застаетъ вечерняя пора.
Бѣгунъ твой запряженъ и ждетъ тебя съ двора.
Накинувши капотъ въ защиту отъ ненастья,
Въ клобъ Англійской летишь искать въ бостонѣ щастья;
Въ туманномъ тамъ чаду несмѣтныхъ чубуковъ
По двѣсте ловишь въ вистъ искусныхъ игроковъ.
Межъ тѣмъ, пока на бой герои не сойдутся,
Въ газетную зашелъ; — рѣкой тутъ вѣсти льются,
И безтолочь и толкъ, и выдумка и быль,
Со многихъ языковъ летитъ словесна пыль;
И тутъ ты познаешь, что карточны колоды,
Что трубка съ табакомъ — суть знаменье свободы;
Что воля состоитъ въ способности шагать,
Безъ шляпы, взадъ, впередъ, чтобъ время убивать.
Или махнешь въ театръ, и взявъ билетъ въ прихожей,
Въ каморку, кою мы обязаны звать ложей,

Увидишь избочась, какъ Ярбъ, Сеидъ, Эней
Умѣютъ разсмѣшить чувствительныхъ людей,
Какъ движетъ очеса комедіантовъ стая,
Желая заслужить воскликновенье рая. —
День кончится, и ты воротишься домой,
Въ убѣжище свое, гдѣ ждетъ тебя покой,
Гдѣ мягкой пуховикъ сонъ сладкой приготовитъ,
И гдѣ страстямъ обрядъ ни въ чемъ не прекословитъ.

Не такъ ли ты живалъ, скажи, любезной другъ,
Когда былъ одинокъ? — Но нынѣ ты супругъ;
Какое близь тебя я вижу превращенье! —
Изчезъ волшебной рай какъ легко сновидѣнье!
Покинувъ для жены обычаи свои,
И уши и глаза совсѣмъ ужь не твои;
Не тотъ сталъ кабинетъ, — и это очень явно,
Что въ спальню изъ него прорубленъ входъ недавно;
Приборщицы твоей вертлявый слѣдъ простылъ: —
Украдкою вздохнувъ, съ двора ее спустилъ,
И вдругъ на мѣстѣ сей физической богини
Все утро на глазахъ ужасныя рабыни,
Сѣдыя какъ ковыль у стѣнъ твоихъ торчатъ,
То щуря глазъ, другимъ въ замочну щель глядятъ,
То въ дверь, на цыпки ставъ, приложатся ушами,

Иль шмыгъ, да шмыгъ къ тебѣ открытыми
послами, —
И такъ-то стражу бдитъ законная жена,
Чтобъ не похимистилъ добычи сатана.
А тамъ къ тебѣ валитъ дородный управитель,
Не денегъ, не бѣлья, но векселей рачитель;
Обручку поклонясь, подноситъ жирный счетъ,
Который подпиши, не заводя хлопотъ.
Когдажъ тебѣ читать всѣ наши сочиненья?
Мурнычать у огня тѣ сладки пѣснопѣнья,
Которымъ никогда никто не подражалъ,
Нелединской одинъ въ огнѣ души слагалъ?
Пойдетъ ли тутъ на умъ Поэзіей питаться,
Съ Державинымъ парить, съ Жуковскимъ
наслаждаться?
Досугъ ли, часъ, другой разнѣжась отдох-
нуть,
Полить цвѣты въ горшкахъ и въ птичникъ
завернуть?
Въ пріятныхъ пустякахъ, когда не жметъ
забота,
День цѣлый разсорить безъ цѣли, безъ от-
чета?
Задумавшись — вздремнуть, проснувшись —
хохотать?
Собраться со двора — и съ мѣста не вста-
вать?
О щастливый удѣлъ философа такого,
Примолвимъ на ушко: притомъ и — холо-
стаго!
Въ уборной по тебя отправленъ ужь
курьеръ;
Чу, голосъ подаютъ: „Ну, чтожъ, пора, mon cher!

„Карета подана, — вѣдь эдакъ опоздаемъ!"
Везутъ тебя; куда? — А вотъ сей часъ
узнаемъ.
Ты губу закусилъ, бѣжишь, — въ карету сѣлъ.
Къ Абрамушкѣ! — пошелъ! — Цугъ сѣрыхъ
полетѣлъ.
Кузнецкой мостъ для васъ давно готовилъ
ткани.
Все нравится женѣ, ты — платишь тяжки
дани.
И тутъ мадамъ и здѣсь; подальше — магазинъ.
„Нѣтъ, Майковъ лучше всѣхъ! — тамъ есть
александринъ; —
„Туда, мой другъ!" — Изволь! Пришлося жить
въ каретѣ.
За то ты сталъ знатокъ въ перкалѣ, въ
петинетѣ.
Уже на башнѣ часъ вечеренъ загремѣлъ,
Женатой новичекъ еще съ утра не ѣлъ
И просится домой. — Картоновъ тьму за-
брали,
Безъ денегъ и съ тряпьемъ обѣдать поскакали.
Хлѣбъ-соль всегда вкусна, когда желудокъ
тощь;
Любовь и аппетитъ приправятъ и овощь.
Безъ дальнихъ прихотей, лишь только два
куверта,
Однако же филе, притомъ не безъ десерта,
За тѣмъ, что въ статѣ такъ издавна введено:
Хоть яблоки подай, — иначе жить грѣшно!
Трапезой насладясь съ дражайшею женою,
Пора бы чай въ халатъ, — хоть часикъ
взять покоя;

Не тутъ-то было, нѣтъ: — хозяюшка твоя,
Перемѣнивъ капотъ, тюрбанъ и все и вся,
Неутомимая — тащитъ опять въ карету,
Съ визитами къ роднѣ, къ друзьямъ, по цѣлу
свѣту.
Четверкой по ямски (вся масти вороной),
Для свадебныхъ суетъ нарочно нанятой,
Ты новый родъ спозналъ страдательной забавы,
И карточки соришь съ заставы до заставы,
Нещадно тѣхъ браня, кто съ лаской прини-
малъ,
И въ сутки наконецъ второй походъ сломалъ.

Увы! еще тебѣ готово искушенье!
Приготовляй, мой другъ, свое долготерпѣнье!
Сегодни славной балъ — вотъ новая бѣда!
Не раньше какъ въ полночь съѣзжаются туда
Всѣ баря, что ни клекъ, о томъ едва не плачутъ;
Но карта прислана — нарядятся и скачутъ.
Уйди въ свой кабинетъ, — есть время от-
дохнуть
И съ горькою слезой старинку вспомянуть;
Спѣши, пока твоя сладчайша половина —
Пора дать имя ей, — пусть будетъ . . . .
Жозефина, —
Причешется и свой удѣлаетъ нарядъ.
Въ уборной вижу я зеркальный цѣлый рядъ;
Изъ многихъ лампъ огонь свой лучь въ стек-
ло бросаетъ,
И отражаяся, предметы озаряетъ;
Тамъ битью весь en plein тюникъ самъ Цик-
леръ шилъ,
И каждый платья сгибъ Амуръ заворожилъ;

Тамъ крупныхъ жемчуговъ съ алмазомъ оже-
релье,
Совмѣстное въ цвѣтахъ природѣ рукодѣлье;
Тутъ разныхъ влагъ сосудъ и смѣсь души-
стыхъ травъ
Для мягкости волосъ и глянца ихъ составъ;
Здѣсь пропасть мѣлочей, какъ будто безъ
искусства,
Кокетство припасло, чтобъ дѣйствовать на
чувства;
Косынка, поясокъ, подвязочка, корсетъ —
Но мнѣ ли срисовать Венеринъ туалетъ?
Гдѣ ты, блаженна тѣнь Піита вдохновенна,
Которому въ Руси завидуетъ вселенна?
Гдѣ скрылися твой духъ, перо и геній сей,
Которымъ всѣхъ плѣнилъ ты въ Душенькѣ
своей?
О юные пѣвцы любви и восхищенья,
Вы, коихъ состоитъ вся жизнь изъ наслаж-
денья!
Вамъ трудъ сей предлежитъ; воспойте жен-
ской полъ!
Я чтилъ его всегда и — ежели нашелъ
Дни щастья на землѣ, — къ нему по от-
ношенью;
Чье сердце по его не бьется повелѣнью?
Дѣлите мой восторгъ! Кто женщинъ не лю-
билъ —
Нѣтъ солнца для того, — и Богъ его забылъ!...
Но что-то ты творишь, мой скимникъ
новобрачный,
Ушедши къ камельку питать свой недугъ
мрачный,

Бесѣдой въ тишинѣ, не съ Музами, — съ собой? —
Ты ропщешь чуть не въ слухъ, что съ модною женой
Лѣтъ подъ сорокъ тебя чертъ дернулъ сочетаться
И съ вертопрашествомъ свободой помѣняться.
Для взора данъ маштабъ, для ласки сказанъ часъ,
И къ ручкѣ подойти извѣстно сколько разъ;
Повѣстки молча ждешь и ногти хоть кусаешь,
Явилась красота и . . . все позабываешь.
Ликъ ангельской въ глаза какъ молнія блеснулъ,
Во всѣхъ чертахъ себя Венеринъ сынъ вдохнулъ;
Взоръ томный — сладкихъ чувствъ истолкователь нѣжный,
Улыбка съ простотой — путь къ сердцу неизбѣжный,
Станъ гибкой и прямой — всѣхъ прелестей соборъ,
Въ прическѣ тонкой вкусъ, затѣйливой подборъ
И вымыселъ шитья и хитрость въ мѣлкой складкѣ,
Да, скажемъ, не смотря на ценсоровъ нападки,
Что всякая на ней булавочка поетъ;
Ахъ! къ милому лицу, скажите, что нейдетъ?
Вошла, взглянула, — все ея покорно взору!
„Вѣдь ты не долго ждалъ, — и мы пріѣдемъ въ пору!"

Не стану говорить о множествѣ гостей
Пріѣхавшихъ на балъ, о роскоши затѣй,
Которыми у насъ хозяева тщеславны
Умѣютъ угождать на вкусы своенравны, —
Все пляшетъ и шумитъ: — здѣсь вальсъ,
тутъ гулъ, тамъ смѣхъ
И крепсъ и болтавня обворожаютъ всѣхъ;
А ты, какъ угадалъ, съ женою показался,
Лишь въ залѣ котильіонъ въ кружокъ фор-
мировался.
Вотще путемъ хитрилъ, то важно, то шутя,
Честное слово взять, чтобъ долго не гостя,
Отъ ужина улънуть уклончивымъ манеромъ,
Она ужь поднята пригожимъ кавалеромъ
И стала въ общій кругъ; а кругъ вѣдь до
зари
Никто не разорветъ, хоть что ни говори.
Что дѣлать? — Для тебя осталось наблюденье:
Разсматривай людей, ихъ нравы, заблужденье,
На спѣсь большихъ господъ взгляни, пожавъ
плеча,
Прислушай, какъ они другъ другу съ горяча
Безъ логики свои доводы отпускаютъ,
Крѣпя ихъ только тѣмъ, что все всѣхъ луч-
ше знаютъ.

Ужь за полночь давно и третій часъ
течетъ,
Объ ужинѣ никто докладывать нейдетъ;
Морфей влетѣлъ въ окно и съ воздухомъ на-
ружнымъ
Макъ сыплетъ на глаза всѣмъ барынямъ
окружнымъ,

Не дремлетъ лишь оркестръ и — храбрый котильіонъ,
Часъ отъ часу резвѣй одолѣвая сонъ,
Со стула и на стулъ красотки вольсируютъ
И свѣжихъ на прокатъ прыгунчиковъ вербуютъ.
Нещастный муженекъ! — а ты чуть чуть не спишь! —
Понюхай табачку — вновь мысли освѣжишь;
По комнатамъ пройдись, вѣдь есть гдѣ послоняться,
На бронзы позѣвать, статуямъ удивляться;
Вѣрна ли древность въ нихъ, чей образъ — отгадай,
Архитектурныя ошибки замѣчай,
Написанну сличи Венеру на плафонѣ,
Сходналь она съ твоей, что пляшетъ въ котильіонѣ.

Но вотъ пошелъ въ походъ ужь водочный лотокъ
И двинулся къ столу танцовщиковъ потокъ;
Терзаютъ осетровъ голодные Корнеты —
И превращаются чудовища въ скелеты.
Но бдѣніе тебя отбило отъ ѣды;
Ты съ роду не видалъ еще такой бѣды.
А милая твоя супруга Жозефина,
Восторговъ и досадъ законная причина,
Манитъ тебя къ себѣ и на ушко: „Мой другъ!
„Я завтра позвана въ короткой самой кругъ.
„Тамъ будутъ jeux d'esprit и en actions шарады;
„Ты знаешь, для меня нѣтъ болѣе отрады.
„Потѣшь меня, mon cher, и ежель — vous m'aimez,

„Сыщи un joli mot — иль сдѣлай буриме."
Шепнула и baiser тебѣ въ лобокъ послала,
Смиренья въ знакъ сама ладонь поцѣловала.
Какъ щастливъ ты опять! — Весь ужинъ проходилъ,
Французской Лексиконъ на память протвердилъ
И въ мигъ карандашемъ замѣтилъ словъ двусложныхъ
Для остренькихъ шарадъ премножество возможныхъ.

Пиръ конченъ на зарѣ. — Не ѣхать ли домой?
„Mon cher! одну кадриль; минуточку постой!"
Помилуй! разсвѣло! — Мазурку заиграли —
И каблучками всѣ красотки застучали;
Чье сердце устоитъ? — Конечно дьяволъ самъ
Ввелъ пляску въ міръ на зло такимъ, какъ ты, мужьямъ.
Вдругъ солнце вмѣсто свѣчь всю залу озарило;
Но легкой хороводъ и то не устыдило.
И бѣдный философъ, невольный балагуръ,
Хоть волкомъ вой, да жди ла грекъ и матрадуръ;
Когда бы не бѣда ужасная случилась,
Какой едва ли гдѣ слыхать намъ доводилось, —
Кто думаетъ пожаръ, кто — рухнулъ потолокъ, —
Супругъ одинъ лишь радъ, что лопнулъ башмачекъ
По щастію его на милой Жозефинѣ. —
Скакать уже не льзя! — Проклятыя судьбины! —

Въ слезахъ принуждена уѣхать безъ чиновъ,
Насмѣшекъ побоясь болтливыхъ языковъ.
Угрюмой съ нею мужъ въ шинель свою зарылся,
И чуть чуть не къ полднямъ въ постелѣ очутился.
Въ такомъ порядкѣ дѣлъ всю дань беретъ Морфей.

. . . .

Признайся, ничего нѣтъ лишняго въ картинѣ;
Готовъ ее на судъ отдать и Жозефинѣ.
Пошлюсь на всѣхъ мужей, свободы древней нѣтъ, —
Ее уже давно оплакиваетъ свѣтъ;
И женщины, ее у насъ отнявъ навѣки,
Умѣли отомстить за то, что человѣки,
Естественный законъ во зло употребя,
Мечтали взять ихъ полъ въ подданство за себя.
Изчезли времена племенъ патріархальныхъ,
И стерлись навыки семей первоначальныхъ.
Жена тогда была лишь первая раба;
Въ покорности тверда, вліяніемъ слаба,
Какъ говоритъ преданье: свои каклюшки знала,
И носа не въ свои дѣла не уставляла;
Варить умѣла щи, артельны хлѣбы печь,
И мужа своего внимая грозну рѣчь,
Не смѣла молвить да, когда онъ нѣтъ ей скажетъ;
Отвѣтъ бывалъ одинъ: хозяинъ какъ прикажетъ! —

А нынѣ.... но о томъ на что и говорить ?
Когда ужь удалось имъ насъ перехитрить,
Когда любовна страсть, смягчая будто нравы,
Изъ устъ ихъ принимать велѣла намъ уставы —
Осталось намъ одно спасеніе, мой другъ:
Ихъ ласки покупать цѣной своихъ услугъ;
Мечтать, что мы цари, доколь онѣ насъ любятъ;
И рай воображать, когда насъ приголубятъ.
Ахъ! естьли щастья здѣсь рисуется лишь тѣнь, —
То въ сладкихъ пусть мечтахъ текутъ и ночь и день! —

Вотъ опытный урокъ! — Хотя мое болтанье
Возбудитъ можетъ быть въ тебѣ негодованье,
Пріятеля прости, надъ коимъ ты стократъ
Любилъ и самъ шпынять за то, что онъ женатъ.
Долгъ красенъ платежемъ; — но мести я не знаю;
И счастія тебѣ отъ всей души желаю! —

КОНЕЦЪ.

Имена Особъ, благоволившихъ подписаться на Стихотворенія Князя Ивана Михайловича Долгорукаго.

Въ Москвѣ.

Ихъ Сіятельства:

Графъ Кирило Ивановичь Гудовичь.
Графъ Петръ Борисовичь Толстой.
Князь Петръ Андреевичь Вяземской.
Князь Александръ Ивановичь Долгорукой.
Княжна Варвара Петровна Волконская.

Ихъ Превосходительства:

Лукьянъ Яковлевичь Яковлевъ.
Антонъ Антоновичь Прокоповичь-Антонскій.
Николай Николаевичь Сандуновъ.
Федоръ Семеновичь Мосоловъ.

Ихъ Высокородія:

Иванъ Андреевичь Геймъ.
Ефремъ Васильевичь Вишняковъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Баронъ Владиміръ Ивановичь Штейнгейль.
Алексѣй Алексѣевичь Плавильщиковъ.
Иванъ Яковлевичь Яковлевъ.
Иванъ Васильевичь Степановъ.
Петръ Александровичь Курбатовъ.
Михаилъ Трофимовичь Каченовскій.
Левъ Алексѣевичь Цвѣтаевъ.
Григорій Ивановичь Лазаревъ.
Василій Павловичь Ризенко.
Петръ Васильевичь Побѣдоносцевъ.
Титъ Алексѣевичь Каменецкій.
Василій Андреевичь Жуковскій.
Сергѣй Николаевичь Глинка.
Николай Ивановичь Ильинъ.
Алексѣй Ивановичь Трескинъ.
Иванъ Федоровичь Ключаревъ.
Василій Степановичь Кряжевъ.
Петръ Герасимовичь Воскресенскій.
Петръ Васильевичь Хавской.
Василій Федоровичь Богдановъ.

Аркадій Львовичь Потѣхинъ.
Александръ Яковлевичь Кафтыревъ.
Михайло Андреяновичь Устиновъ.
Василій Николаевичь Есиповъ.
Павелъ Федоровичь Карабановъ.
Николай Ниловичь Извѣковъ.
Михайло Петровичь Телегинъ.
Андрей Николаевичь Яньковъ.
Николай Ивановичь Петрищевъ.
Г. Новиковъ.
Павелъ Васильевичь Гартонъ.
Андрей Ивановичь Шляхтинской.

Ихъ Благородія:

Николай Ивановичь Малиновскій.
Александръ Васильевичь Ивановъ.
Павелъ Лукьяновичь Яковлевъ.
Константинъ Никитичь Матвѣевъ.
Михайло Прохоровичь Третьяковъ.
Алексѣй Николаевичь Садыковъ.
Яковъ Осиповичь Колоколовъ.
Александръ Евгеньевичь Поляковъ.
Иванъ Григорьевичь Попеляхинъ.
Алексѣй Макаровичь Изгордышевъ.
Никифоръ Никоновичь Басалаевъ.
Петръ Федоровичь Калайдовичь.
Александръ Александровичь Флоровъ.
Богданъ Богдановичь Шредеръ.
Александръ Сергеевичь Максютинъ.
Николай Андреевичь Кащинцовъ.
Матвѣй Николаевичь Калмыковъ.
Петръ Лаврентьевичь Непорожневъ.
Павелъ Ивановичь Петровъ.
Александръ Павловичь Константиновъ.
Василій Семеновичь Раевскій.
Аркадій Михайловичь Рахмановъ.
Алексѣй Николаевичь Мордвиновъ.
Павелъ Петровичь Демидовъ.
Григорій Михайловичь Богдановъ.
Алексѣй Сергеевичь Огаревъ.

Купцы:

Василій Васильевичъ Варгинъ.
Иванъ Григорьевичъ Саdаевъ.
Яковъ Ивановичъ Якобсонъ.
Иванъ Никитичъ Водопьяновъ.
Василій Григорьевичъ Лоцманъ.
Николай Матвѣевичъ Глушковъ.
Егоръ Андреевичъ Андреевъ.
Матвѣй Петровичъ Глазуновъ.
Осипъ Леонтьевичъ Свѣшниковъ.
Михайло Ивановичъ Маклаковъ.
Никита Степановичъ Пономаревъ.
Василій Александровичъ Душинъ.
Алексѣй Алексѣевичъ Телепневъ.
Степанъ Федотовичъ Романчиковъ.
Александръ Ивановичъ Кузнецовъ.
Гг. Соболевъ и Базуновъ.

Въ Санктпетербургѣ.

Библіотека Гвардейскаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Его Сіятельство Графъ Кушелевъ - Безбородко.

—— ———— Князь Андрей Николаевичь Долгоруковъ.

Ея Превосходительство Варвара Александровна Ланская.

Его Превосходительство Дмитрій Семеновичь Хвостовъ.

Его Превосходительство Николай Степановичь Ильинскій.

Его Высокородіе Иванъ Осиповичь Тимковской.

Ихъ Высокоблагородія:

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.
Михаилъ Кириловичъ Грибовскій.
Левъ . . . Изъѣдиновъ.
Александръ Васильевичъ Недобровъ.
Николай Андреевичъ Шаховъ.
Николай Ивановичъ Бѣлавинъ.
Петръ Александровичъ Шамшевъ.
Артиллеріи Полковникъ Гебгардъ.

Инженерный Поручикъ Захаръ Федоровичь Игнатьевъ.

Коллежскій Секретарь Алексѣй . . . Соловьевъ.

Г-жа. Воейкова.

3 Неизвѣстныя Особы.

Его Благородіе Александръ Федоровичь Пахорскій.

Его Благородіе Иванъ Андреевичь Михайловъ.

Поручикъ Иванъ Ивановичь Нечаевъ.

Иванъ Степановичь Церевитиновъ.

Иванъ Петровичь Глазуновъ.

Илья Ивановичь Глазуновъ.

Матвѣй Петровичь Глазуновъ.

Иванъ Ивановичь большой Заикинъ.

Иванъ Ивановичь меньшой Заикинъ.

Леонтій Леонтьевичь Свѣшниковъ.

Алексѣй Афанасьевичь Грязновъ.

В Ъ О р л ѣ.

Его Сіятельство Г. Генералъ отъ Инфантеріи и разныхъ Орденовъ Кавалеръ Графъ Сергей Михайловичь Каменскій.

Его Благородіе Семенъ Андреевичь Парашичь.

В Ъ К а з а н и.

Общество Любителей Отечественной Словесности.

Его Сіятельство Графъ Илья Андреевичь Толстой.

Ихъ Высокоблагородія:

Савва Андреевичь Москотильниковъ.

Алексѣй Ивановичь Горчаковъ.

Петръ Никитичь Миллеръ.

Дѣвица Анна Александровна Наумова.

Ихъ Благородія:

Гаврило Ивановичь Осокинъ.

Александръ Прохоровичь Павловъ.

Василій Васильевичь Протопоповъ.

Петръ Тимофеевичь Завацкій.

Никита Афанасьевичь Гавриковъ.

Дмитрій Матвѣевичь Стрѣлковъ.

Николай Сергѣевичь Арцыбашевъ.

Иванъ Дмитріевичь Бобылевъ.

Въ Георгіевскѣ.

Его Превосходительство Маркъ Леонтьевичъ Малинскій.

Въ Вяткѣ.

Его Высокородіе Александръ Яковлевичъ Жмакинъ.

Въ Вологдѣ.

Его Высокородіе Николай Федоровичъ Остолоповъ.
Его Высокоблагородіе Александръ Ильичъ Егоровъ.

Въ Астрахани.

Его Превосходительство Федоръ Антиповичъ Ахматовъ.

Въ Кіевѣ.

Ея Благородіе Александра Ивановна Лапицкая.

Въ Тамбовѣ.

Иванъ Александровичъ Сатинъ.

Въ Ряжскѣ.

Павелъ Александровичъ Сатинъ.

Въ Нижнемъ-Новѣгородѣ.

Его Высокоблагородіе Владимиръ Савичъ Смирновъ.

Его Высокоблагородіе Александръ Васильевичъ Зеленецкій.

Во Владимірѣ.

Губернская Гимназія.

Въ Калугѣ.

Василій Ивановичъ Торубаевъ.

Въ Костромѣ.

Протоіерей Іаковъ Арсеньевъ.

Въ Полтавѣ.

Капитанъ Карлъ Флиге.

Въ Ригѣ.

Афанасій Федоровичъ Галюскинъ.

Въ Черниговѣ.

Его Высокоблагородіе Яковъ Ивановичъ Лизогубъ.

Въ Рязани.

Его Высокородіе Александръ Петровичъ Кропотовъ.

Въ Симбирскѣ.

Его Высокоблагородіе Степанъ Ивановичъ Порошинъ.

Въ Карачевѣ.

Полковникъ Ефтихій Ивановичь Сафоновъ.

Въ Чухломѣ.

Его Благородіе Павелъ Александровичь Семичовъ.

Въ Брянскѣ.

Его Высокоблагородіе Михаилъ НиколаевичьЗиновьевъ.

Его Высокоблагородіе Василій Демьяновичь Азанчѣвскій.

Въ Кологривѣ.

Его Сіятельство Графъ Иванъ Андреевичь Толстой.

Въ Землянскѣ.

Его Превосходительство Левъ Ивановичь Потаповъ.

Въ Касимовѣ.

Его Превосходительство Павелъ Петровичь Сухтеленъ.

Въ Плесахъ.

Его Превосходительство Алексѣй Кондратьевичь Копцевъ.

Въ Кинешмѣ.

Михаилъ Сергеевичь Іюдинъ.

Въ Козловѣ.

Его Благородіе Александръ Лаврентьевичь Медвѣдевъ.

Въ Вязникахъ.

Дворянской Предводитель Василій Яковлевичь Алексѣевъ.

Въ Задонскѣ.

Поручикъ Владиміръ Алексѣевичь Викулинъ.

Въ Балахнѣ.

Александръ Григорьевичь Теленковъ.

Въ Судиславлѣ.

Его Благородіе Иванъ Степановичь Кафтыревъ.

Въ Рославлѣ.

Смотритель Училищъ Александръ Четыркинъ.

Въ Юрбургѣ.

Его Благородіе И. И. Шульгинъ.

Въ Ельцѣ.

Порфиръ Степановичь Степановъ.

Въ Юрьевѣ - Повольскомъ.

Купецъ Алексѣй Михайловичь Юдинъ.